А1 7/81

...ская Комиссія при Учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. З.
...редакція В. Н. БОЧКАРЕВА и В. И. ПИЧЕТА.

Е. Булгакова.

ГЕРОИ и ПОДВИЖНИКИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

ЗА ДРУГА

Книгоиздательство.

1912.

Историческая Комиссія при Учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. З.
Редакція В. Н. БОЧКАРЕВА и В. И. ПИЧЕТА.

А 17 81.
968

ГЕРОИ и ПОДВИЖНИКИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

77777

Популярный очеркъ Е. И. БУЛГАКОВОЙ.

Цѣна 30 коп.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

МОСКВА.
1912 г.

703.
Библиотека Г. И. М.
№ 702
16-II 1931 г.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, собственный домъ.
1912.

Герои и подвижники смутнаго времени.

(Великая разруха на Руси: 1598—1613 годъ).

I.

Царствованіе Ѳедора Іоанновича.

Характеръ Ѳедора Іоанновича. — Царскій шуринъ—Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ.—Убіеніе царевича Дмитрія.—Слѣдствіе.—Наказаніе угличанъ.—Народная молва. — Перетасовка земельныхъ отношеній. — Мѣропріятія Бориса.—Смерть царя Ѳедора и избраніе на царство Бориса.

Іоаннъ Грозный умеръ, когда младшему сыну отъ седьмой жены, Маріи Нагой, царевичу Дмитрію, не было и двухъ лѣтъ. Вопросъ о престолонаслѣдіи всталъ съ болѣзненной остротой. Наслѣдникъ престола, Ѳедоръ Іоанновичъ, сынъ Іоанна Грознаго отъ первой жены Анастасіи Романовны, урожденной Юрьевой, былъ отъ природы слабосильный и слабовольный, и умомъ не отличался. Трагическая смерть старшаго брата, убитаго Іоанномъ Грознымъ въ порывѣ гнѣва, и дѣтство, проведенное въ ужасной обстановкѣ опричнины, положили на все существо Ѳедора печать забитости, скрытой подъ постоянной блуждающей улыбкой. Іоаннъ Грозный, умирая, хорошо сознавалъ, что его наслѣдникъ неспособенъ самостоятельно управлять государствомъ и назначилъ ему въ помощь правительственную комиссію изъ наиболѣе приближенныхъ вельможъ.

Ѳедоръ, вступивъ на престолъ, остался такимъ же тихимъ, простодушнымъ, смиреннымъ, какъ былъ до смерти отца. Онъ много времени посвящалъ молитвѣ, „избывая мірской суеты и докуки“, совершенно не интересовался правительственными дѣлами, и страстно любилъ кулачные бои и травлю медвѣдей. Но эта смиренность, эта тихость восхищали современниковъ. Въ Ѳедорѣ видѣли святого на престолѣ, „юродиваго во Христѣ“, смиреннаго, тихаго, свободнаго отъ земныхъ страстей и пороковъ.

Царь Ѳедоръ. (Совр. порт.).

Изъ совѣтниковъ, приставленныхъ къ Ѳедору отцомъ, первое время вліяніемъ пользовался родной дядя по матери, Никита Романовичъ Юрьевъ. Но онъ былъ преклоннаго возраста и вскорѣ умеръ. Тогда громадное вліяніе на царя пріобрѣлъ царскій шуринъ, Борисъ Годуновъ, на сестрѣ котораго, Иринѣ, былъ женатъ Ѳедоръ. Вся власть сосредоточилась въ рукахъ придворнаго конюшаго. Борисъ Годуновъ не принадлежалъ къ первостепенной знати. Его предки появляются впервые

въ боярской думѣ лишь въ 1450 году. Онъ былъ татарскаго происхожденія. Его предокъ, мурза Четъ, при Іоаннѣ Калитѣ выѣхалъ изъ Орды въ Москву. Годуновы поднялись лишь въ царствованіе Грознаго. Борисъ Годуновъ былъ посаженнымъ отцомъ на одной изъ многочисленныхъ свадебъ Іоанна Грознаго. Выдвинулся онъ, женившись на дочери Малюты Скуратова, царскаго любимца. Съ этихъ поръ значеніе Бориса стало расти и особенно увеличилось послѣ женитьбы Ѳедора на сестрѣ Бориса, Иринѣ.

Борисъ Годуновъ пережилъ всѣ ужасы опричнины, хотя самъ въ спискахъ опричниковъ не числился. Онъ привыкъ, снискивая милости Іоанна Грознаго, приноровляться къ обстоятельствамъ, обнаруживать необычайную гибкость характера, скрывать свои истинныя чувства подъ маской льстивой угодливости. Школа Іоанна Грознаго была—тяжелая школа. Она ломала характеры, развивала хитрость и подозрительность, любовь къ доносамъ и наушничеству. На глазахъ Бориса Годунова, подъ тяжелой рукой Іоанна Грознаго, сходили съ исторической сцены потомки когда-то сильныхъ удѣльныхъ князей: тверскихъ, ростовскихъ, суздальскихъ, стародубскихъ и др. Кто погибалъ въ ссылкѣ, кто терялъ жизнь на плахѣ. На смѣну имъ являлась на сцену второстепенная знать, аристократія новой, позднѣйшей формаціи, однимъ изъ представителей которой былъ Борисъ Годуновъ. Жалкіе обломки знатныхъ родовъ, оставшіеся ко времени царствованія Ѳедора, Романовы, Шуйскіе, Голицыны, Мстиславскіе и другіе, стали въ непримиримо враждебное отношеніе къ боярамъ новой формаціи.

Не успѣло остыть тѣло Іоанна Грознаго *), какъ около него возгорѣлась глухая и упорная борьба. Ѳедоръ или

*) Умеръ 18 марта 1584 года.

Дмитрій? Послѣднему не было и двухъ лѣтъ, но его хотѣли Шуйскіе и ихъ сторонники. За Ѳедора стояли Годуновы и всѣ ихъ приверженцы. Нужно было дѣйствовать рѣшительно, наступательно. Чтобы не быть побѣжденнымъ, нужно было самому одерживать побѣду. Чтобы не быть битымъ, нужно было бить самому. Въ этомъ заключалась мудрость той эпохи.

Царевича Дмитрія, со всѣми Нагими, удалили въ Угличъ. Борисъ потихоньку расправлялся со своими врагами, ссылая ихъ въ глухія и отдаленныя мѣста Россіи. Рѣдкіе изъ нихъ возвращались оттуда. Большая часть погибала или насильственной смертью, или отъ некультурныхъ условій тогдашней Россіи. Погибъ, такимъ образомъ, Иванъ Петровичъ Шуйскій, котораго сначала сослали, и потомъ задушили. Также поступили и съ Андреемъ Ивановичемъ Шуйскимъ. Остальные Шуйскіе уцѣлѣли. Но за Шуйскихъ стояли московскіе торговые люди. Пришлось и изъ ихъ среды выхватить нѣсколько кущовъ и казнить. Допрашивали холоповъ опальныхъ бояръ, ихъ пытали. Лилась кровь. Митрополитъ Діонисій и Крутицкій архіепископъ Варлаамъ подняли голосъ. Стали говорить царю, чтобы не слушалъ онъ злыхъ навѣтовъ Годунова. Но за это, по наущенію Бориса, были жестоко наказаны: оба свергнуты и заточены въ Новгородскій монастырь. А на мѣсто Діонисія возведенъ въ митрополиты архіепископъ Ростовскій Іовъ, преданный Годунову, впослѣдствіи возведенный въ санъ патріарха.

Однакожъ наружно все, какъ будто, шло мирно и гладко. Народъ считалъ это благословеніемъ за тихость и святость царя Ѳеодора. И вдругъ въ 1591 году разнеслась страшная вѣсть: царевича Углицкаго, малолѣтняго Дмитрія, не стало! Какъ могло это случиться? Оффиціальное донесеніе гласило, что царевичъ Дмитрій въ при-

надкѣ падучей болѣзни самъ себя закололъ ножомъ. То же подтвердилъ и патріархъ Іовъ: „Царевичу смерть судомъ Божіимъ причинилась“. Но народъ не вѣрилъ. Народъ волновался. Злые языки говорили, что царевича убили, а убійцъ подослалъ будто бы Борисъ. У всѣхъ на языкѣ было имя Годунова. Борисъ именемъ царя нарядилъ слѣдствіе. И во главѣ слѣдствія поставилъ Василія Ивановича Шуйскаго, хитраго царедворца, сумѣвшаго, не въ примѣръ прочимъ Шуйскимъ, завоевать довѣріе Годунова.

Слѣдственное дѣло велось безтолково. Показанія давались противорѣчивыя. Нѣкоторыхъ важныхъ для дѣла лицъ совсѣмъ не допросили. Лѣтописцы же передаютъ дѣло такъ: 15 мая царевичъ Дмитрій пришелъ изъ церкви и пошелъ во дворъ играть съ дѣтьми. Царица Марья съ нѣкотораго времени не отпускала отъ себя царевича. Ее волновали злыя предчувствія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ къ нимъ въ Угличъ былъ посланъ Михаилъ Битяговскій, „вѣдать все“. Битяговскій велъ себя нагло, во все вмѣшивался, ссорился съ братьями царицы, съ Нагими. Но въ этотъ роковой день царица Марья отпустила царевича во дворъ съ мамкой, Василисой Волоховой, не подозрѣвая, что и она въ заговорѣ. Царевичъ вышелъ во дворъ и игралъ съ дѣтьми. Кормилица вышла слѣдомъ за ними и, волнуясь, звала царевича назадъ, въ домъ. Въ это время, какъ изъ-подъ земли, выросъ сынъ мамки, Осипъ Волоховъ. Взялъ царевича за руку и спросилъ: „Это у тебя, государь, новое ожерелье?“ Ребенокъ довѣрчиво поднялъ головку и тихо отвѣтилъ: „Нѣтъ, старое“. Сверкнулъ ножъ, но кольнулъ лишь шею. Съ крикомъ бросилась кормилица, накрыла собою царевича и старалась защитить. Остальные двое, Данила Битяговскій и Качаловъ, оттащили ее и дорѣзали царе-

вича. Выбѣжала царица и начала кричать. Соборный пономарь взобрался на колокольню и сталъ звонить. Сбѣжался народъ. Ярости его не было границъ. Разорвали въ клочки стараго Битяговскаго, тропхъ убійцъ и еще другихъ, попавшихся подъ руку, но непричастныхъ убійству. Всего 12 человѣкъ. А царевича отнесли въ соборную церковь Преображенія.

Жестоко поплатились угличане за самовольную расправу. Однихъ казнили, другихъ сослали. Угличъ опустѣлъ. Всѣхъ Нагихъ арестовали и привезли въ Москву. Ихъ допрашивали. Потомъ сослали. Царицу Марью, подъ именемъ Марѳы, постригли въ монахини и сослали въ отдаленный монастырь. За то, дескать, Нагіе наказаны, что царевича не уберегли. Но народъ не успокаивался. Въ народѣ жило твердое убѣжденіе, что царевичъ зарѣзанъ убійцами, подосланными Борисомъ. Вотъ какъ отразилась смерть царевича Дмитрія въ воображеніи народномъ:

„Не вихрь крутитъ по долинушкѣ *),
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится;
То орелъ летитъ по поднебесью,
Зорко смотритъ онъ на Москву-рѣку,
На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея зеленые,
На златой дворецъ стольна города.
Не лютая змѣя воздывалася,
Воздывалася собака булатный ножъ.
Упалъ онъ ни на воду, ни на землю,
Упалъ опъ царевичу на бѣлу грудь,
Да тому ли царевичу Димитрію;
Убили же царевича Димитрія,
Убилп его на Углищи,
На Углищи на игрищи,

*) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы обществомъ любителей россійской словесности, ч. II, вып. 7.

Ужъ какъ въ томъ дворцѣ черной поченькой.
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами!
Ужъ какъ тотъ орелъ Димитрій царевичъ,
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ *),
Царилъ же онъ, злодѣй, ровно семь годовъ.
Не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится,
То идетъ грозный Божій гнѣвъ
На православную Русь:
И погибъ коршунъ въ гнѣздѣ своемъ,
Его пухъ прошелъ по поднебесью.
Проточилась кровь по Москвѣ-рѣкѣ.

Между тѣмъ въ нѣдрахъ русской жизни шла перетасовка земельныхъ отношеній,—незамѣтная, скрытая, начавшаяся еще въ половинѣ XVI вѣка. Іоанномъ Грознымъ пріобрѣтены были огромныя пространства земли на Камѣ и Волгѣ. Съ конфискаціей имуществъ бывшихъ удѣльныхъ князей тоже освободились обширныя пространства земли. Правительство стремилось создать мелкій военно-служилый классъ, который, владѣя землей, въ то же время несъ бы правительственную службу. Созданіе такого класса являлось вещью первой необходимости, особенно въ пограничныхъ мѣстностяхъ. Служилые люди должны были являться по первому зову к о н н ы; л ю д н ы и о р у ж н ы. Они должны были по первому требованію представить достаточное количество вооруженныхъ людей. Но съ этимъ дѣло обстояло плохо. Съ пріобрѣтеніемъ новыхъ территорій крестьяне потянулись въ юго-восточныя окраины, на верхнюю Оку, верхнее Подонье, среднее и нижнее Поволжье. Крестьяне были охвачены новою переселенческою волною. Ихъ

*) Царевичъ Дмитрій былъ убитъ въ 1591 году, Борисъ же сѣлъ на престолъ только въ 1598 году и царствовалъ до 1605 года.

влекли льготныя условія на новыхъ мѣстахъ. Но помѣщики всячески противились этому выселенію, лишавшему ихъ рабочихъ рукъ. Первоначально по закону крестьяне имѣли право выхода съ помѣщичьихъ земель: за недѣлю до осенняго Юрьева дня и недѣлю спустя. Но, прежде чѣмъ уйти съ помѣщичьей земли, крестьянинъ обязанъ былъ уплатить пошлины и пожилое, что достигало въ срединѣ XVI вѣка до 5 р. (225 рублей на наши деньги). Крестьянинъ всѣмъ былъ обязанъ помѣщику. Онъ отрабатывалъ ему за землю. Онъ получалъ отъ помѣщика инвентарь. Случится несчастье съ крестьяниномъ, падетъ ли лошадь, или пожаръ уничтожитъ его бѣдную хижину и жалкій скарбъ,—опять на помощь приходитъ помѣщикъ. Сѣть обязательствъ крестьянина по отношенію къ помѣщику все больше и больше росла и запутывалась. Въ концѣ концовъ, къ исходу XVI вѣка, крестьянину не по силамъ было выплачивать всѣ пошлины и пожилое. Тогда право выхода замерло само собой. Его замѣнили: „свозъ“ и „побѣгъ“. Помѣщикъ, желавшій получить чужихъ крестьянъ, посылалъ своего приказчика, который выплачивалъ хозяину и пошлины, и пожилое, и увозилъ къ новому барину крестьянъ съ ихъ семьями и пожитками. Если старый хозяинъ противился открытому увозу крестьянъ, то крестьянъ свозили силой и тайно.

Если не удавался увозъ, тогда практиковался побѣгъ. Крестьяне бѣжали съ земель тѣхъ помѣщиковъ, гдѣ имъ жилось плохо. Указъ отъ 1597 года, 24 ноября, имѣлъ въ виду именно бѣглыхъ крестьянъ. Онъ гласилъ: „Если крестьянинъ убѣжалъ отъ своего землевладѣльца не раньше 5 лѣтъ до 1 сентября 1597 г., и землевладѣлецъ вчинилъ искъ по немъ, то по суду и по сыску такого крестьянина слѣдуетъ возвратить своему владѣльцу, гдѣ кто жилъ, со своей семьей и имуществомъ, съ женой и съ

дѣтьми и со всѣми животы". Въ этомъ указѣ сказывается забота Бориса Годунова о среднихъ и мелкихъ землевладѣльцахъ, у которыхъ плохо уживались крестьяне. Но если крестьяне оставались въ бѣгахъ больше пяти лѣтъ, семь и десять лѣтъ, то такихъ крестьянъ прежнимъ владѣльцамъ не возвращать.

Такимъ образомъ, еще будучи правителемъ царя Ѳеодора, Борисъ Годуновъ былъ озабоченъ мыслью объ урегулированіи отношеній между землевладѣльцами и крестьянами, и съ этою цѣлью издалъ онъ указъ, имѣвшій цѣлью возвращать крестьянъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Ставъ царемъ, Борисъ Годуновъ продолжалъ заботиться объ урегулированіи отношеній между крестьянами и владѣльцами.

Въ 1598 году умеръ Ѳедоръ. Общественное мнѣніе было настроено въ пользу Бориса Годунова. Не его ли намѣчалъ передъ своею смертью еще Іоаннъ Грозный въ совѣтники сыну Ѳедору? Не онъ ли показалъ себя ловкимъ и умнымъ правителемъ въ безмятежное царствованіе царя Ѳедора? И теперь, убитая горемъ царица Ирина, постригшаяся въ монахини вскорѣ послѣ смерти Ѳедора, указала на брата, какъ на желательнаго претендента на престолъ. Его опредѣленно желалъ патріархъ Іовъ, а въ то время мнѣніе столь высокаго духовнаго лица, несомнѣнно, играло большую роль. Правда, о Борисѣ ходили глухіе и темные слухи. Но слухи эти пока не находили соотвѣтствующаго настроенія въ народной массѣ. Имъ еще нечѣмъ было питаться. Лишь впослѣдствіи, благодаря роковому стеченію обстоятельствъ, они разрослись и вызвали къ Борису глухую ненависть и недовѣріе. Правда и то, что Бориса не любили бояре. Они не считали его своимъ и не могли ему простить его происхожденія. Нѣкоторые изъ нихъ думали, что ужъ если выбирать

изъ боярской среды на царскій престолъ, то связать, по крайней мѣрѣ, клятвою во всемъ слушаться бояръ. Но Борисъ угадывалъ тайныя мысли бояръ, и онъ не шелъ на уступки. Онъ хотѣлъ быть безраздѣльнымъ правителемъ, не связывая себя никакими обязательствами. И онъ перехитрилъ бояръ: его избрали на царство безо всякихъ ограниченій.

II.

Царствованіе Бориса Ѳедоровича Годунова.

Вѣнчаніе Бориса на царство и его торжественное обѣщаніе.—Крестная запись.—Царевичъ Ѳедоръ.—Указы Бориса для урегулированія земельныхъ отношеній.—Преслѣдованія Романовыхъ и другихъ знатныхъ бояръ.—Голодъ и моровое повѣтріе.—Пріѣздъ датскаго принца и смерть его.—Народное возстаніе всеобщаго недовольства.—Заздравная молитва.—Царевичъ Дмитрій живъ!

„Мужъ чудный и сладкорѣчивый... Цвѣлъ онъ какъ финикъ листвіемъ добродѣтели, и, еслибъ тернъ завистной злобы не помрачалъ цвѣта его добродѣтели, то могъ бы древнимъ царямъ уподобиться“. Такъ отзывались о Борисѣ современные книжники. „Завистная злоба“,—подозрительность по отношенію къ представителямъ первостепенной знати, погубила Бориса. И съ годами эта подозрительность не уменьшалась, а увеличивалась.

Но въ началѣ своего царствованія Борисъ былъ полонъ самыхъ благихъ намѣреній. Когда патріархъ Іовъ вѣнчалъ его на царство, Борисъ во время святой литургіи вдругъ воскликнулъ: „Отче, великій патріархъ Іовъ, Богъ свидѣтель: не будетъ ни одного нищаго или бѣднаго въ моемъ царствѣ!“ И, тряся воротомъ рубахи, прибавилъ: „И эту послѣднюю раздѣлю со всѣми“. Онъ былъ, дѣйствительно, проникнутъ искреннимъ желаніемъ обла-

годѣтельствовать народъ и средній классъ. Но по отношенію къ боярамъ, первостепенной знати, онъ по прежнему питалъ непримиримую вражду и ненависть. Бояре попрятались по угламъ, въ своихъ усадьбахъ, и тамъ, исподтишка, строили козни.

Борисъ дрожалъ за свою корону, пріобрѣтенную не по праву происхожденія, но по праву сильнаго и ловкаго.

Царь Борисъ Ѳедоровичъ. (Съ порт. XVII в.).

Что, какъ не страхъ за свою власть, сказался въ крестной записи, которою клялся подданный, присягавшій на вѣрность царю Борису Ѳедоровичу? Каждый, цѣловавшій крестъ на вѣрность, торжественно обѣщалъ: „Противъ государя своего царя, и его царицы, и ихъ дѣтей никакого зла не хотѣти, ни мыслити, ни думати никоторыми дѣлы“. Присягавшій обѣщалъ не вредить государю и его семьѣ ни въ ѣдѣ, ни въ питьѣ, ни въ платьѣ. „Лихого зелья и кореньевъ не

давать“, а если кто будетъ лихое зелье или коренья подсовывать, то на того тотчасъ доносить. Еще клялся цѣловавшій крестъ „слѣда не вынимать“ и „никакого лиха по вѣтру не посылать“. Борисъ хотѣлъ черезъ посредство крестной записи проникнуть какъ бы въ самые сокровенные помыслы своихъ подданныхъ, связать ихъ другъ съ другомъ круговою порукой, заставить слѣдить другъ за другомъ и доносить на того, кто осмѣлится на царскую гибель обратиться къ колдовству или прочимъ чарамъ.

Крестная запись, какой не требовалъ ни одинъ предшественникъ Бориса, обнаружила крайнее безпокойство со стороны царя, тревогу и волненіе, какую-то неувѣренность въ окружающихъ людяхъ, въ своихъ подданныхъ. Какъ будто можно было клятвою связать всѣхъ и каждаго на данное время и на будущее!

Но Борисъ хотѣлъ обезпечить за собою и будущее. Его единственный сынъ, царевичъ Ѳедоръ, совсѣмъ еще юный, долженъ былъ съ первыхъ шаговъ раздѣлить власть отца. По воцареніи Бориса рядомъ съ нимъ, на маломъ престолѣ, всегда сидѣлъ царевичъ Ѳедоръ.

Если кто прибѣгалъ къ милости царя и получалъ ее, то на отпискѣ значилось: „По ходатайству царевича Ѳедора“. Пословъ „жаловали“ съ царскаго стола такими словами: „Великій государь, царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ, самодержецъ всея Россіи, и сынъ его, Ѳедоръ Борисовичъ, жалуютъ васъ своимъ обѣдомъ“. Когда Борисъ былъ боленъ, то царевичъ Ѳедоръ, вмѣсто него, принималъ пословъ.

Первые годы царствованія Бориса протекли благополучно. Все шло мирно. Войнъ не было. Борисъ не любилъ военнаго искусства и избѣгалъ столкновенія съ непріятелемъ. Онъ былъ озабоченъ внутреннимъ устройствомъ государства. Шло постепенное обнищаніе крестьянъ

янства. Росла ихъ задолженность. Сильно сократилась крестьянская запашка въ пользу барщины. Казалось, барщина поглотила собою все. Крестьяне покидали помѣщичьи земли, бѣжали на югъ и на юго-востокъ. Бѣжали туда, гдѣ ждало ихъ лучшее житье. Землевладѣльцы страдали отъ недостатка рабочихъ рукъ, гонялись за крестьянами, свозили ихъ силою. Особенно въ выгодномъ положеніи были крупные землевладѣльцы, обижая мелкихъ, свозя крестьянъ съ ихъ земель. Указъ Бориса Годунова отъ 1601 года, 28 ноября, имѣетъ въ виду именно этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Согласно этому указу дозволялось вывозить крестьянъ другъ у друга только мелкимъ землевладѣльцамъ, служилымъ людямъ второстепенныхъ и низшихъ чиновъ, и то не болѣе двухъ крестьянъ заразъ; землевладѣльцы Московскаго уѣзда, въ большинствѣ люди высшихъ чиновъ и крупные вотчинники, равно церковныя учрежденія, а также черныя *) и дворцовыя волости совсѣмъ лишены были права вывозить чьихъ бы то ни было крестьянъ на свои земли. Но такъ какъ, несмотря на это ограниченіе, вывозъ крестьянъ силою и тайно продолжалъ практиковаться всѣми землевладѣльцами и при этомъ сопровождался „боями и грабежами“, то указъ 1602 года подтверждалъ разрѣшеніе лишь мелкимъ землевладѣльцамъ вывозить крестьянъ и то не болѣе двухъ заразъ. Велѣно было бирючу кричать по городамъ и по сельскимъ торжкамъ: „Кто изъ крестьянъ хочетъ за кого идти въ крестьяне же, можетъ, какъ и въ прошломъ году, выходить на Юрьевъ день осенній, чтобы такихъ крестьянъ помѣщики и вотчинники выпускали изъ-за себя со всѣмъ ихъ имѣніемъ, безо всякой зацѣпки, и въ крестьянской возкѣ изъ-за крестьянъ боевъ

*) Черными назывались земли, принадлежавшія государству.

и грабежей не было бы; силою дѣтп боярскія крестьянъ за собою не держали бы и продажи имъ никакихъ не дѣлали; а кто станетъ крестьянъ грабить, изъ-за себя не выпускать, тѣмъ быть въ большой опалѣ". Борисъ не запрещалъ вывоза крестьянъ. Онъ только ограничилъ его и ограничилъ въ пользу мелкихъ землевладѣльцевъ.

Преслѣдованія знатныхъ бояръ все продолжались. Темная подозрительность терзала душу Бориса. Какъ узнать, что замышляютъ противъ него знатные бояре? Онъ допрашивалъ ихъ холоповъ. Публично награждалъ тѣхъ холоповъ, которые доносили на своихъ господъ. Такъ пострадали Романовы, Ѳедоръ Никитичъ съ братьями. Слуга Романовыхъ донесъ на нихъ: подбросилъ къ нимъ во дворъ какихъ-то кореньевъ и сказалъ, что припасены они были на гибель Бориса. Романовыхъ съ ихъ ближними людьми привели на царскій дворъ. Тамъ ихъ винили, упрекали, кричали на нихъ, чуть не били. А потомъ началась и расправа. Ѳедора Никитича Романова съ братьями и родственниками разослали по самымъ отдаленнымъ глухимъ угламъ Россіи. Дѣтей Ѳедора Никитича, пятилѣтняго Михаила и маленькую сестру его, Анастасію, сослали вмѣстѣ съ сестрою Ѳедора Никитича и ея мужемъ, княземъ Борисомъ Черкасскимъ, на Бѣлоозеро. Жену Ѳедора Никитича сослали въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ и постригли подъ именемъ Марѳы. Ѳедора Никитича, подъ именемъ Филарета, постригли въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ. Изъ братьевъ Романовыхъ только двое: Филаретъ и Иванъ Никитичъ, пережили свое несчастье. Остальные Романовы всѣ умерли.

Романовы были очень популярны среди народа. Народъ считалъ ихъ невинно пострадавшими, болѣлъ за нихъ душею. Непріязненное чувство къ Борису Годунову росло по мѣрѣ увеличенія числа его жертвъ. Гонимые

бояре попрятались по своимъ усадьбамъ, оттуда строя козни, замышляя недоброе. Всѣ послѣдующія несчастья современники считаютъ наказаніемъ за жестокую расправу Бориса: „Навелъ онъ на себя негодованіе чиноначальниковъ Русской земли: отсюда много напастныхъ золъ на него возстало и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили“.

Бѣдствія начались съ страшнаго голода. Все лѣто 1601 года шли дожди великіе по всей землѣ и не давали хлѣбу созрѣвать. Стоялъ онъ, налившись, зеленый, какъ трава. На праздникъ Успенія Богородицы былъ морозъ большой и побилъ весь хлѣбъ, рожь и овесъ. Въ этомъ году люди еще кормились кое-какъ старымъ хлѣбомъ и частью новымъ. Но когда новый хлѣбъ посѣяли, то онъ весь погибъ въ землѣ. Вотъ тогда-то и насталъ настоящій голодъ. Купить хлѣба было негдѣ. Отцы покидали дѣтей, бросая ихъ на произволъ, мужья—женъ. Мерли люди, какъ никогда отъ морового повѣтрія не умирали. Видали людей, которые, валялись по улицамъ, щипали траву, подобно скоту. Зимою ѣли сѣно. У мертвыхъ во рту находили навозъ. Отцы и матери ѣли дѣтей. Дѣти—родителей. Хозяева—гостей. Мясо человѣческое продавалось на рынкѣ за говяжье, въ пирогахъ. Путешественники боялись останавливаться въ гостинницахъ. Зло увеличилось тѣмъ, что Борисъ приказалъ раздавать пищу въ Москвѣ. Потянулись въ столицу голодные со всѣхъ сторонъ. Умирали по дорогѣ. Умирали, придя въ столицу. Трупы валялись на улицахъ, и началась холера. Въ одной Москвѣ, говорятъ, умерло до 127,000 человѣкъ. Борисъ распорядился хоронить трупы на казенный счетъ. Онъ прекратилъ раздачу милостыни, и смертность еще больше увеличилась.

И какъ разъ на второй годъ голода, въ 1602 году, пріѣхалъ Іоаннъ, принцъ Датскій, женихъ царевны Ксеніи.

Борису такъ хотѣлось устроить счастье своей единственной дочери. Какъ ждалъ Борисъ датскаго принца! Навстрѣчу ему выслалъ Михаила Глѣбовича Салтыкова и безчисленныхъ слугъ. Но не такъ-то было легко принцу достигнуть столицы. Ямскіе охотники отъ хлѣбной дороговизны охудали. Лошади у нихъ попадали. По дорогѣ угрожали разбойники, которыхъ развелось видимо невидимо. Но вельможи посланные навстрѣчу принцу Іоанну, старались добросовѣстно исполнить возложенныя обязанности. По дорогѣ развлекали его, доставляя всевозможныя увеселенія. „Платьице на немъ было атласъ алъ, дѣлано съ канителью, по нѣмецки. Шляпка пуховая, на ней кружевца, золото да серебро съ канителью. Чулочки—шелкъ алъ. Башмачки сафьянъ синь“. Такъ отписываетъ царю Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ. „Въ Новгородѣ королевичъ ѣздилъ тѣшиться рѣкою Волховымъ вверхъ и иными рѣчками до Юрьева монастыря, а ѣдучи тѣшился, стрѣлялъ изъ самопаловъ, билъ утятъ. За столомъ у королевича играла музыка, въ цимбалы и по литаврамъ били, играли въ зурны“.

Но не на радость пріѣхалъ королевичъ въ Москву, хотя встрѣча ему была сдѣлана торжественная. Царь и царевичъ Ѳедоръ радовались принцу, какъ родному. Невѣсты же своей до поры до времени онъ не видалъ. И вдругъ, въ октябрѣ, когда царь Борисъ уѣхалъ къ Троицѣ на богомолье, принцъ захворалъ горячкой. 28 октября онъ умеръ. Царь Борисъ и царевна Ксенія, видѣвшая жениха только въ щелку, были въ отчаяніи. А народная молва сплетала странную сплетню: не самъ ли царь Борисъ отравилъ принца, завидуя его популярности въ народѣ?

Кажется, не было такого преступленія, въ которомъ бы не обвиняли Бориса. Къ концу его царствованія росла къ нему народная нелюбовь. Надъ его головою собира-

лись грозныя тучи. Послѣ страшнаго голода начались повѣтрія, разбои, пожары. Бѣгство крестьянъ съ помѣщичьихъ земель приняло характеръ страшной эпидеміи. Крестьяне не справлялись съ желаніями помѣщиковъ. Они бѣжали безъ „отпускныхъ“. Но, убѣгая безъ „отпускныхъ“, они становились въ положеніе безправныхъ холоповъ. Куда имъ было дѣться? Бѣжали къ границамъ, въ Сѣверскую Украйну, которая давно уже кишѣла разнымъ безправнымъ людомъ: холопами опальныхъ бояръ, бѣглыми крестьянами, казацкой вольницей и всякаго рода искателями приключеній.

Чѣмъ больше росло недовольство, тѣмъ больше возрастала подозрительность Бориса. Тѣмъ усерднѣе разыскивалъ онъ своихъ враговъ среди подданныхъ. Хотѣлось всѣхъ связать честнымъ словомъ, подчинить своей волѣ, приковать цѣпями преданности, сковать мысль. Велѣно было передъ каждой трапезой молиться за государя: „Чтобы онъ, Борисъ, единый подсолнечный царь, и его царица, и ихъ царскія дѣти, на многія лѣта здоровы были и счастливы, недругамъ своимъ страшны; чтобы всѣ великіе государи приносили достойную почесть его величеству; имя его славилось бы отъ моря и до моря, и отъ рѣкъ и до концовъ вселенной, къ его чести и повышенію, а къ преславнымъ его царствамъ къ прибавленію; чтобы великіе государи его царскому величеству послушны были съ рабскимъ послуженіемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали; чтобы его прекрасноцвѣтущія, младоумножаемыя вѣтви царскаго изращенія въ наслѣдіе превысочайшаго Россійскаго царства были на вѣки и нескончаемые вѣки, безъ урыву; а на насъ бы, рабахъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудныя рѣки милосердія изливались выше прежняго“.

Такъ велѣно было молиться за Бориса. Послушные подданные молились, но сердца ихъ трепетно жаждали перемѣны. И когда среди общей подавленности и недовольства побѣднымъ крикомъ пронеслось: „Царевичъ Дмитрій живъ!“ — всѣ насторожились, встрепенулись, хотѣли вѣрить, что, дѣйствительно, живъ. Живъ, но скрывался до сихъ поръ, ждалъ, когда будутъ готовы его встрѣтить. Первою откликнулась на зовъ царевича Украйна. Сѣверская Украйна, всегда кипѣвшая страстями, кишѣвшая буйнымъ безпріютнымъ народомъ. Украйна, поставлявшая шайки разбойниковъ, отряды храбрыхъ казаковъ, дававшая пріютъ бѣглымъ холопамъ, преступникамъ, бѣжавшимъ отъ висѣлицы, широко открывавшая всѣмъ свои объятія.

Посмотримъ же, что представлялъ изъ себя югъ Россіи вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ Украйна и Поле.

III.

Югъ Россіи.

Борьба изъ за рабочихъ рукъ.—Свозъ и побѣгъ.—Южная черноземныя пространства.—Гарнизоны и заимки.—Приборные люди.—Казаки низовые и казаки полевые. Отношеніе правительства къ казачеству. Усиленіе переселенія къ концу XVI вѣка.—Какъ отозвалось на слухъ о царевичѣ Дмитріи населеніе юга.

Въ половинѣ XVI вѣка побѣды надъ татарами предоставили въ руки московскаго правительства огромныя пространства земли по среднему и нижнему теченію Волги и на югъ отъ Оки. Московское правительство, всегда сильно озабоченное защитою своихъ рубежей и

всегда ведшее отчаянную борьбу съ сосѣдями на „украйнахъ“ литовской, нѣмецкой и татарской, теперь тѣмъ болѣе насторожилось и направило всѣ свои силы къ защитѣ вновь пріобрѣтенныхъ огромныхъ пространствъ. Съ этою цѣлью оно передало порубежныя земли въ руки военно-служилаго класса. Но земли эти нужно было обрабатывать, укрѣплять и застраивать. Вмѣстѣ съ землями были переведены и устроены крестьяне, даже тѣ, которые прежде составляли самостоятельныя податныя общины. Уѣзды, расположенные вокругъ Москвы, сильно опустѣли, и крестьяне, прежде считавшіеся государевыми, теперь были переданы въ руки частныхъ землевладѣльцевъ. Прикрѣпленіе крестьянъ произошло не сразу, но постепенно. Военно-служилый классъ, надѣленный землями, былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы имѣть возможно больше рабочихъ рукъ. Но гдѣ ихъ достать? Крестьяне, привыкшіе къ свободному выходу съ тяглыхъ земель, всегда стремились отъ одного помѣщика къ другому. Они стремились къ тому, чтобы свое горемычное, бѣдное житье промѣнять на болѣе выгодное. Мы уже видѣли изъ первой главы, что къ концу XVI вѣка право выхода крестьянъ фактически замерло. Оно замѣнилось свозомъ и побѣгомъ. Свозили крестьянъ, обыкновенно, крупные помѣщики, располагавшіе свободными деньгами. Мелкіе помѣщики, лишенные рабочихъ рукъ, хирѣли и падали. Цѣлыя пространства земли стояли безъ обработки. Земля пустѣла. Оставшіеся крестьяне, неся на себѣ непосильное бремя, попадали въ кабалу, нищали, худали. Оставался одинъ выходъ—побѣгъ. И крестьяне бѣжали, оставляя позади всѣ свои сложныя обязательства и отношенія, бросая свои жалкія лачужки, оставляя на произволъ судьбы разореннаго помѣщика.

Куда жъ они бѣжали? Они бѣжали на югъ. Слава Богу, тамъ, на югѣ было имъ, сколько угодно, земли и простору. И какой земли! Сплошного чернозему. Правительство, старавшееся прикрѣпить крестьянъ въ интересахъ мелкаго служилаго класса, долгое время смотрѣло на это бѣгство сквозь пальцы. Вѣдь и эти громадныя пространства, протянувшіяся на югъ отъ заселенныхъ мѣстъ, тоже нуждались въ населеніи. Предпріимчивые бѣглецы, отъ нужды, отчаянія и голода, рвались далеко за черту государевыхъ крѣпостей и гарнизоновъ. И долго правительство видѣло въ этомъ порывѣ явленіе не только допустимое, но почти желательное. „Егда кто отъ злодѣйствующихъ осужденъ будетъ къ смерти и аще убѣжитъ въ тѣ города польскіе и сѣверскіе, то тамо избудитъ смерти своей“. Осужденному на смерть предоставлялось искупить вину свою подвигомъ во славу отечества, подвигомъ удали и храбрости, направленной противъ покореннаго, но не смирившагося врага. Этотъ врагъ—степной хищникъ, смѣлый и наглый, всегда пользовался случаемъ „подсидѣть“ своего исконнаго недруга, подкараулить его и напасть врасплохъ.

Въ южныхъ черноземныхъ пространствахъ было гдѣ разгуляться на свободѣ. Около заселенныхъ мѣстъ, по берегамъ рѣкъ, правительство ставило свои крѣпости, устраивало военные гарнизоны. Дальше въ „поле“ выкидывались „сторожи“ противъ татаръ. Правительство нуждалось въ людяхъ. Московскій воевода, придя на новое мѣсто, прежде всего выискивалъ, нѣтъ ли гдѣ по близости частновладѣльческой заимки. Частные предприниматели всегда опережали правительственныя поселенія. Они уходили далеко, вглубь степей, и, не нуждаясь въ правительственной охранѣ, находили естественную защиту отъ степныхъ хищниковъ въ какой-нибудь рѣчкѣ,

лѣсочкѣ или пригоркѣ. Воевода старался извлечь пользу изъ этихъ частныхъ поселеній. Онъ обѣщалъ имъ защиту отъ врага, предлагая взамѣнъ нести государеву службу, поступать въ составъ „приборныхъ людей“: пушкарей, стрѣльцовъ и т. д.

Казакъ, играющій на бандурѣ. (Старин. рис.).

„Прпборные“ люди обязаны были вспахивать государеву десятину, жатва съ которой шла на нужды гарнизона. Это все-таки была служба, которая связывала и не давала желанной свободы. Поэтому не всѣ на нее шли. Всѣхъ, бѣжавшихъ отъ тисковъ общественныхъ условій

въ центрѣ, влекло дальше въ степь. Тамъ по Дону и его притокамъ разгуливали свободныя шайки казаковъ, вольныхъ и буйныхъ, какъ степной вѣтеръ. Правда, вся эта масса казаковъ считала себя отчасти какъ бы на государевой службѣ. На нихъ лежала обязанность устрашать и подстерегать врага, ловить его и приводить въ гарнизоны на расправу. Но не всѣ казаки считали себя связанными обязанностями государевой службы. Казаки „низовые“ считали себя на службѣ у московскаго правительства. Они дѣятельно воевали съ нагайцами. Отняли у нихъ оба берега Волги. По Дону и его притокамъ они понастроили городки, которые являлись центрами государственной власти въ этомъ буйномъ, плохо подчиняющемся краѣ. Но были казаки „полевые“, которые назывались также „воровскими“. Тѣ не желали признавать никакой власти, кромѣ власти своего выборнаго атамана. Они бродили свободными шайками по дикому полю, занимались грабежомъ или „воровствомъ“, и часто были уловляемы своимъ же братомъ, казакомъ, но находившимся на государевой службѣ.

Впрочемъ, это не создавало большой розни среди казачества. Вчерашній членъ казацкой вольницы сегодня вдругъ являлся въ гарнизонъ казацкаго укрѣпленнаго городка и поступалъ на государеву службу. Или наоборотъ, сегодняшній служилый казакъ вдругъ обманывалъ довѣріе правительства и примыкалъ къ вольной шайкѣ. Правительство, соблазненное даровой силой, охранявшей границы его государства, сквозь пальцы смотрѣло на казацкія вольности. Но и было ли оно въ силахъ удержать въ рамкахъ эту буйную вольницу? Казаки представляли изъ себя крайне неустойчивую, вѣчно волнующуюся, подвижную массу, объединенную общею враждою къ землевладѣльческому классу и земледѣльческому труду

и готовую откликнуться на зовъ того, за которымъ выгодно послѣдовать.

Число казаковъ, благодаря бѣгству населенія на югъ, значительно возросло въ концѣ XVI вѣка. И новые элементы, которыхъ гнала нужда, голодъ, моровыя повѣтрія и другія бѣдствія, принесли съ собой свѣжій запасъ ненависти противъ того строя Борисова царствованія, который обращалъ тяглое населеніе въ одну безправную массу. Правительство нуждалось въ казачествѣ. Въ гарнизонахъ укрѣпленныхъ городовъ, въ Путивлѣ, Рыльскѣ, Сѣвскѣ, Брянскѣ и другихъ, всюду были казаки, подчиненные требованіямъ „приборной“ службы. Но какъ ни крѣпки казались города по притокамъ Днѣпра, Десны и Сейма, какъ не были они воодушевлены идеей защиты государства со стороны Литвы и крымцевъ, однако-жъ, духъ вольнаго казачества въ нихъ крѣпко держался. Тѣмъ ярче проявлялся этотъ духъ на югѣ, въ „дикомъ полѣ“, гдѣ бродили шайки „воровскихъ“ казаковъ, подчинявшихся лишь своему атаману.

Поэтому, какъ только до слуха казаковъ достигла молва о появившемся вдругъ царевичѣ Дмитріи, который, въ противоположность строгому Борису, обѣщалъ всякія блага и вольности, такъ всколыхнулась вся казацкая масса. Какъ одинъ человѣкъ, встали казаки. И первыми откликнулись на зовъ донскіе казаки, примкнувъ къ Самозванцу въ количествѣ 10.000 человѣкъ.

Но кто же былъ тотъ „невѣдомый“, который назвался чудеснымъ именемъ давно убитаго царевича Дмитрія? Кто былъ тотъ, который вдохновилъ сердца многихъ и многихъ несбыточными надеждами? Кто же былъ тотъ, въ лицѣ котораго вольные казаки видѣли какъ бы провозвѣстника новыхъ свободъ, льготъ и вольностей?

IV.

Самозванецъ.

Невыясненность его происхожденія.—Дмитрій—бѣглый монахъ, Григорій Отрепьевъ.—Похожденія Григорія Отрепьева.—Самозванецъ въ Самборѣ и Краковѣ.—Мнишки.—Самозванецъ собираетъ войско.—Побѣдное шествіе Лжедмитрія. — Упорство Новгородъ-Сѣверскаго.—Пораженіе Лжедмитрія при Добрыничахъ.—Надежды Бориса.—Посланіе Самозванца къ Борису.—Месть Бориса.—Его внезапная смерть.—Всеобщая растерянность.—Гибель Годуновыхъ.—Въѣздъ въ Москву.

Несомнѣнно лишь одно: тотъ „невѣдомый“, который назвался именемъ убитаго царевича Дмитрія, былъ на самомъ дѣлѣ—не царевичъ. Царевича Дмитрія, дѣйствительно, не стало 15 мая 1591 года, и воскреснуть изъ мертвыхъ онъ не могъ. Но кто былъ тотъ, который назвался его именемъ, историческія данныя говорятъ разное. Мы же повторимъ то, что разсказываетъ лѣтописецъ, въ чемъ сходились всѣ: и правительственныя, и частныя свидѣтельства.

Царевичемъ Дмитріемъ назвался сынъ Галицкаго боярскаго сына Богдана Отрешьева, Юрій Отрепьевъ, въ иночествѣ Григорій *). Григорій Отрепьевъ дѣтство провелъ въ Москвѣ. Отличался грамотностью. Жилъ онъ

---

*) Относительно происхожденія перваго самозванца существуетъ нѣсколько различныхъ версій. Нѣкоторые иностранные писатели того времени думаютъ, что это былъ истинный царевичъ Дмитрій. Объ его чудесномъ спасеніи разсказываютъ такъ. Спасъ его, будто бы, докторъ Симеонъ, заранѣе знавшій о намѣреніи убить царевича. Онъ подмѣнилъ его сыномъ попа, одного съ нимъ возраста. Убійцы, прійдя ночью, убили не настоящаго царевича, а попова сына. Докторъ же Симеонъ увезъ съ собой и скрылъ до поры до времени царевича. Но противъ этой легенды говоритъ прежде всего то, что тутъ убійство совершилось будто бы ночью, а это противорѣчитъ всѣмъ остальнымъ даннымъ. Мы не занимаемся разборомъ всѣхъ фактовъ за и противъ подлинности происхожденія самозванца и беремъ лишь одну изъ версій.

въ холопахъ у бояръ Романовыхъ и у князя Бориса Черкасскаго, и тѣмъ самымъ навлекъ подозрѣніе Бориса Годунова, потому что и Романовы, и Черкасскій подверглись гоненію. Желая избѣгнуть участи холопа опальныхъ бояръ, Григорій Отрепьевъ поступилъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ надѣлъ на себя рясу послушника. Но тутъ съ нимъ приключилось нѣчто неожиданное. За свои способности къ грамотѣ онъ былъ взятъ патріархомъ Іовомъ для книжнаго дѣла. Но странныя и дерзкія рѣчи раздавались иногда изъ устъ молодого инока. Онъ мечталъ ни больше, ни меньше, какъ о томъ, чтобы сѣсть на московскій престолъ. Донесли объ этомъ патріарху, а тотъ донесъ царю, и царь велѣлъ схватить молодого инока и сослать подъ крѣпкимъ присмотромъ въ Кирилловъ монастырь. Но Григорій Отрепьевъ бѣжалъ. Дорогой онъ повстрѣчалъ монаха Варлаама, а позднѣе черненца Мисаила. Вмѣстѣ достигли они Новгородъ-Сѣверскаго, а оттуда перебрались черезъ границу. Въ Кіевѣ ихъ приняли въ Печерскій монастырь, но монахи прожили тамъ всего три недѣли. Оттуда отправились въ Острогъ, къ Василію Острожскому, который Варлаама и Мисаила направилъ въ Троцкій Дерманскій монастырь. Но Григорій отправился прямо въ Гощу, гдѣ сбросилъ съ себя иноческое платье и поступилъ въ школу, учиться по-латыни и по-польски. Зимовалъ онъ въ Гощѣ, а весною исчезъ неизвѣстно куда. (Быть можетъ, въ это время онъ былъ у запорожскихъ казаковъ).

Затѣмъ видимъ его слугою Адама Вишневецкаго, польскаго князя. Онъ заболѣваетъ тяжкою болѣзнью, и это даетъ ему возможность открыть Адаму Вишневецкому свое царственное происхожденіе и даже показать золотой крестъ, осыпанный брилліантами, подарокъ боярина Мстиславскаго, его крестнаго отца.

Невозможно предположить, чтобы кто-либо изъ польскихъ вельможъ повѣрилъ въ подлинность царевича. Но, несомнѣнно, многихъ влекла мысль вмѣстѣ съ мнимымъ царевичемъ проникнуть въ предѣлы Россійскаго государства и поживиться на счетъ сосѣда. Этимъ объясняется и двойная игра, которую все время велъ польскій король, Сигизмундъ III, не нарушая перемирія, заключеннаго съ Борисомъ Годуновымъ на двадцать лѣтъ, и въ то же время тайно, исподтишка, поддерживая Самозванца. Дѣйствительно, знатные и видные вельможи, Замойскій, Жолкѣвскій, Василій Острожскій, Збаражскій, и слышать ничего не хотѣли о Самозванцѣ. Но Сендомирскій воевода, Юрій Мнишекъ, запятнавшій свою репутацію участіемъ въ разграбленіи королевской казны, ухватился за Самозванца, какъ за орудіе для выполненія своихъ честолюбивыхъ и корыстныхъ замысловъ. Когда Отрепьева привезли къ Мнишку, въ Самборъ, онъ былъ пораженъ явленіемъ, невиданнымъ и неожиданнымъ. Передъ нимъ предстала старшая дочь Юрія Мнишка, Марина, блиставшая красотой и гордой величественной осанкой. Она обладала всѣми положительными качествами, какія давало польской женщинѣ воспитаніе. Необыкновенно самоувѣренная, рѣшительная, смѣлая и остроумная, Марина была полна честолюбивыхъ замысловъ. Участіе ея отца въ дерзкомъ предпріятіи Самозванца внушало ей смѣлую мысль черезъ посредство темнаго проходимца, назвавшагося царевичемъ, стать московскою царицей. Такимъ образомъ, съ первыхъ шаговъ, Самозванецъ связалъ свою судьбу съ судьбою польскихъ честолюбцевъ. Его союзниками стали и іезуиты, послѣ того, какъ Лжедмитрій допустилъ обратить себя въ католичество. Въ Краковѣ Самозванецъ вмѣстѣ съ Мнишкомъ посѣ-

тилъ папскаго нунція Рангони. Лжедмитрій долженъ былъ торжественно поклясться въ присутствіи папскаго нунція и многихъ польскихъ вельможъ, что онъ будетъ вѣрнымъ сыномъ католической церкви. Другими словами, онъ обѣщалъ ввести въ Россіи католичество. Послѣ этого торжественнаго обѣщанія, шансы Лжедмитрія въ глазахъ всего католическаго міра сразу поднялись.

Самозванецъ былъ некрасивъ. Онъ былъ средняго роста, но хорошо сложенъ. Волосы имѣлъ рыжеватые, глаза темноголубые, на носу бородавку. Лицо круглое, непріятное. Взглядъ задумчивый и мрачный. Движенія порывистыя и угловатыя. Не наружностью своею плѣнилъ онъ сердце Марины. Нѣтъ! Онъ положилъ къ ея ногамъ и къ ногамъ ея отца царственные дары. Кто могъ бы устоять противъ этихъ даровъ? Маринѣ онъ обѣщалъ Великій Новгородъ и Псковъ со всѣми жителями, мѣстами и доходами въ полное владѣніе. Вольна она во всѣхъ этихъ мѣстахъ судить и рядить, издавать законы, раздавать волости, продавать ихъ, строить католическія церкви, монастыри и школы. Марина была ярая католичка, и ей обѣщано было при дворѣ имѣть своихъ латинскихъ священниковъ и отправлять богослуженіе. Юрію Мнишку обѣщано было выдать на подъемъ 1.000.000 польскихъ золотыхъ, тотчасъ по вступленіи Самозванца на престолъ. И уже черезъ мѣсяцъ къ этому прибавлено было обѣщаніе уступить Мнишку княжества Смоленское и Сѣверское въ потомственное владѣніе. Но, такъ какъ половина Смоленскаго княжества и шесть городовъ Сѣверскихъ должны были отойти къ польскому королю, то взамѣнъ Мнишекъ долженъ былъ получить столько городовъ, чтобы доходы съ нихъ равнялись доходамъ съ уступленныхъ королю.

Что же сдѣлалъ Мнишекъ для своего будущаго

зятя? Онъ собралъ всего 1600 человѣкъ какого-то сброду. Но такого сброду было сколько угодно въ степяхъ южной Россіи. Самозванца выручили донскіе казаки. Въ количествѣ 2000 человѣкъ пришли они въ Краковъ, низко поклонились „царевичу“ и обѣщали въ будущемъ сочувствіе всѣхъ своихъ товарищей. Такимъ образомъ, не польскіе добровольцы и рыцари сдѣлали шествіе Лжедмитрія по Россіи столь побѣдоноснымъ и блистательнымъ. Его сдѣлали таковымъ степные казаки и населеніе Сѣверской Украйны, населеніе, еще не забывшее свои мечты о вольности и всей душой ненавидѣвшее Бориса и его приверженцевъ. И, дѣйствительно, какая разительная разница. Борисъ пыталъ и казнилъ. „Царевичъ“ прощалъ и награждалъ. Войско Бориса безчинствовало и грабило. Приверженцы Лжедмитрія, не польскіе, а русскіе, щадили мѣстныхъ жителей, оставляя въ цѣлости и сохранности ихъ селенія и имущество. Воспламенялись сердца любовью къ „царевичу“, и тѣ, кто не видалъ его, увѣряли, что видѣли его свѣтлыя очи, кроткій ликъ и готовы умереть за него. Пытки и казни, чинимыя сторонниками Бориса, лишь увеличивали число приверженцевъ. Какъ по волшебству, одинъ городъ за другимъ открывалъ свои ворота. Если и не сразу открывали, то вели защиту вяло, нехотя, ожидая чудеснаго случая. Воеводы одинъ за другимъ передавались. Тѣ, у которыхъ не хватало мужества объявить себя сторонниками „царевича“, просили связать ихъ: будто бы они противъ воли сдаются.

Сдался Моравскъ. За нимъ послѣдовалъ Черниговъ. Держался лишь Новгородъ-Сѣверскій. Тамъ засѣлъ Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ. Его поднялъ Борисъ изъ ничтожества. Несмотря на незнатность рода назначилъ воеводой. И Петръ Басмановъ п о к а былъ горячимъ сто-

ронникомъ Годуновыхъ. Хитростью заманилъ онъ поляковъ и казаковъ въ Новгородъ, какъ бы желая сдаться, но за ними захлопнулись ворота, и сторонники Самозванца были перебиты.

Но примѣру честнаго воеводы никто не слѣдовалъ. Василій Рубецъ-Мосальскій сдалъ Путивль, славную и сильную крѣпость Сѣверскаго края. А за Путивлемъ послѣдовали и другіе украинскіе города. И вотъ уже на протяженіи 600 верстъ Самозванца признаютъ истиннымъ царевичемъ. Борисова рать исполнена малодушія. Подъ Новгородъ-Сѣверскимъ происходитъ сраженіе и Лжедмитрій съ ничтожной кучкой въ 15,000 обращаетъ въ бѣгство громадное войско въ 50,000 человѣкъ, во главѣ котораго стоитъ Мстиславскій. Мстиславскій раненъ.

Но вдругъ счастье улыбается Борису. Самозванецъ разбитъ при Добрыничахъ, 21 января 1605 года. Кажется, что вся иллюзорная власть мнимаго царевича разлетается, какъ дымъ, какъ пустое марево. Поляки малодушествуютъ, хотятъ его покинуть. Онъ самъ готовъ вернуться въ Польшу. И только казаки, крѣпко связавшіе свою судьбу съ судьбою проходимца, не пускаютъ его. Что онъ задумалъ? Бѣжать въ такую минуту! Бѣжать, когда весь югъ Россіи за него. Нѣтъ, пусть поляки малодушествуютъ, но они, казаки, останутся вѣрны предпріятію, пока всѣ не будутъ перебиты. И опять, въ подкрѣпленіе Самозванцу, явились донскіе казаки, въ количествѣ 4000 человѣкъ.

Борисъ уже праздновалъ побѣду. Борисъ ликовалъ! Раненому Мстиславскому посылаетъ онъ лекарей, свое царское жалованье и милостивое слово. Петра Басманова, мужественнаго защитника Новгородъ-Сѣверскаго, торжественно встрѣчаютъ въ Москвѣ. Ему под-

носятъ золотое блюдо, наполненное червонцами. Царь жалуетъ ему шубу со своего плеча. Отправляя его въ новый походъ, онъ обѣщаетъ выдать за него свою дочь, Ксенію, а въ приданое дать царство Казанское и Астраханское. Неужели этого мало?

Но врагъ, противъ котораго Борисъ посылаетъ все новыя и новыя рати, обладаетъ какою-то сверхчеловѣческою силою. Вотъ онъ былъ разбитъ въ пухъ и прахъ. И вотъ онъ снова воспрялъ, поднялъ голову. Опять онъ окруженъ толпами приверженцевъ. Опять все новые и новые города открываютъ передъ нимъ свои ворота. Ужъ измѣнилъ Смоленскъ. И тотъ „невѣдомый“, отъ одного упоминанія, о которомъ волосы становятся дыбомъ, уже вѣщаетъ, не какъ темный безвѣстный проходимецъ, а какъ власть имущій:

„Жаль намъ, что ты душу свою, по образу Божію сотворенную, такъ осквернилъ, и въ упорствѣ своемъ гибель ей готовишь: развѣ не знаешь, что ты смертный человѣкъ? Надобно было тебѣ, Борисъ, удовольствоваться тѣмъ, что Господь Богъ далъ: но ты, въ противность волѣ Божіей, будучи нашимъ подданнымъ, укралъ у насъ государство съ діавольскою помощью. Сестра твоя, жена брата нашего, доставила тебѣ управленіе всѣмъ государствомъ, и ты, пользуясь тѣмъ, что братъ нашъ по большей части занимался службою Божіей, лишилъ жизни нѣкоторыхъ могущественнѣйшихъ князей“...

Затѣмъ слѣдуютъ перечисленія всѣхъ злодѣяній Борисовыхъ по отношенію къ виднымъ вельможамъ государства, свѣтскимъ и духовнымъ.

„Но хотя мы малы были,—продолжаетъ мнимый царевичъ,—помнишь, однако, сколько разъ въ грамотахъ своихъ мы тебѣ напоминали, чтобы ты подданныхъ

нашихъ не губилъ... Мы были тебѣ препятствіемъ къ достиженію престола, и вотъ, исгубивши вельможъ, началъ ты острить ножъ и на насъ, подговорилъ дьяка нашего Михаила Битяговскаго и 12 спальниковъ съ Никитою Качаловымъ и Осипомъ Волоховымъ, чтобы насъ убили; ты думалъ, что за одно съ ними былъ и докторъ нашъ Симеонъ, но по его старанію мы спасены были отъ смерти, тобою приготовленной“... Кончаетъ Лжедмитрій посланіе къ Борису призывомъ къ покаянію: „Отдай намъ наше, и мы тебѣ, для Бога, отпустимъ всѣ твои вины и мѣсто тебѣ спокойное назначимъ: лучше тебѣ на этомъ свѣтѣ что-нибудь претерпѣть, чѣмъ въ аду вѣчно горѣть за столько душъ, тобою погубленныхъ“.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело это посланіе. Борисъ метался въ безсильной злобѣ! Кто-то, какъ будто ничтожный и въ то же время всесильный, грозилъ ему изъ тьмы неизвѣстности, изобличалъ давно забытые проступки и требовалъ того, что царь считалъ своимъ неотъемлемымъ достояніемъ.

Не будучи въ состояніи уловить мнимаго царевича, Борисъ, черезъ посредство своихъ приверженцевъ, изливалъ свой гнѣвъ на сторонниковъ царевича: такъ была наказана, разорена и разграблена Комарицкая область, жители которой были преданы Лжедмитрію и видѣли въ немъ истиннаго царевича. Борисъ Годуновъ поручилъ татарамъ расправиться съ непокорнымъ населеніемъ, и тѣ постарались. Мужчинъ вѣшали за ноги на деревья или жгли, женщинъ сажали на раскаленныя сковороды и гвозди, дѣтей бросали въ огонь. Годныхъ къ продажѣ продавали за безцѣнокъ, за полбутылку водки, за старое платье. Такъ же поступлено было и въ Сѣверской землѣ. Но это лишь разжигало ненависть къ

Борису и подогрѣвало надежды на „истиннаго царевича“, который всѣхъ успокоитъ и вознаградитъ.

Въ своемъ безсильномъ гнѣвѣ Борисъ не зналъ, за что приняться. Онъ направлялъ изъ Москвы на югъ все новыя и новыя рати, но воеводы бездѣйствовали и новыхъ извѣстій о побѣдахъ надъ Лжедмитріемъ не приходило. Между тѣмъ, въ народѣ упорно ходили слухи о томъ, что скоро, скоро давно жданный гость будетъ въ Москвѣ, „какъ только листъ на деревьяхъ начнетъ разметываться“.

Напрасно Борисъ приказывалъ рѣзать языки болтунамъ. Напрасно сажалъ въ тюрьму даже тѣхъ, которые осмѣливались лишь пить за здоровье царевича Дмитрія или хорошо отзываться о немъ. Ничто не помогало. Несмотря на заставы и приставовъ, откуда-то проникали подметныя грамоты, въ которыхъ мнимый царевичъ говорилъ о своемъ приходѣ, всѣхъ заранѣе прощалъ и обѣщалъ всевозможныя милости. Эти подметныя грамоты привозились изъ Литвы, въ мѣшкахъ съ мукой. Ихъ читали на всѣхъ перекресткахъ, несмотря на то, что повсюду шныряли сыщики и готовы были схватить каждаго, произносившаго съ благосклонностью имя таинственнаго царевича.

Напрасно патріархъ Іовъ и Василій Ивановичъ Шуйскій убѣждали народъ не вѣрить въ подлинность царевича. Василій Шуйскій съ лобнаго мѣста увѣрялъ народъ, что онъ самъ, собственными руками, хоронилъ царевича; слѣдовательно, тотъ, кто называется его именемъ, совсѣмъ не царевичъ, а воръ и растрига, Гришка Отрепьевъ. „Статочное-ли то дѣло, чтобъ князю Дмитрію изъ мертвыхъ воскреснуть прежде общаго воскресенія?“ Но народъ не хотѣлъ вѣрить, ждалъ и волновался.

И въ эту минуту всеобщаго напряженія, 13 апрѣля

1605 года, вдругъ умеръ Борисъ. Всталъ онъ въ этотъ день здоровымъ, спустился обѣдать, былъ веселъ и бодръ, и вдругъ у него хлынула кровь изъ носа и рта. Послѣ двухчасовыхъ страданій онъ скончался. Едва успѣли совершить великое таинство постриженія въ монахи царя, отошедшаго къ праотцамъ подъ именемъ схимника Боголѣпа. Въ растерявшейся толпѣ распространился слухъ, что царь отравился, или его отравили приверженцы Самозванца. Но это ничѣмъ не подтверждается.

Нѣсколько часовъ царствовала величайшая тишина въ Кремлѣ. Потомъ вдругъ улицы встрепенулись и ожили. Въ Кремль мчались стрѣльцы, хлынула ошеломленная толпа. И хотя вскорѣ начали присягать „царицѣ Маріи Григорьевнѣ, государю царю Ѳеодору Борисовичу и государынѣ царевнѣ Ксеніи Ѳеодоровнѣ“, но у всѣхъ въ головѣ стояла одна мысль—мысль о царевичѣ Дмитріи.

Торжественно клялись: „И къ вору, который называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ, не приставать, съ нимъ и съ его совѣтниками не ссылаться ни на какое лихо, и того вора, что называется царевичемъ Дмитріемъ Углицкимъ, на московскомъ государствѣ видѣть не хотѣть“. Говорили одно, а думали другое. И ждали, ждали...

А Годуновы боялись, терялись. Не знали, на кого опереться. Всюду грезилась измѣна. Уже отозвали изъ лагеря Мстиславскаго и Шуйскаго, какъ ненадежныхъ. Казалось, что единственный человѣкъ, на котораго можно опереться, это—Петръ Басмановъ. Но онъ былъ не родовитъ. Послали съ нимъ знатнаго, но слабохарактернаго князя, Катырева-Ростовскаго, такъ, для видимости. Вся власть сосредоточилась въ рукахъ Басманова.

На него возлагали всѣ надежды. Съ нимъ отправили митрополита Исидора, чтобы привести къ присягѣ войско.

Но на мѣстѣ все оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ издали. Войско колебалось. Наблюдалось великое шатаніе умовъ. И почти не было человѣка, который сталъ бы за Годуновыхъ. Князья Голицыны, Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ и другіе уже были на сторонѣ Самозванца. Лишь немногіе съ княземъ Ростовскимъ и Телятевскимъ бѣжали въ Москву, потому что въ лагерѣ дѣлать имъ было нечего. Перешелъ и Басмановъ со своимъ войскомъ на сторону Лжедмитрія. Онъ видѣлъ, что всякое противодѣйствіе безполезно.

1 іюня пріѣхали въ Москву съ грамотами отъ Лжедмитрія Наумъ Плещеевъ и Гаврила Пушкинъ. Остановились въ Красномъ селѣ, гдѣ жили богатые купцы и ремесленники. Къ нимъ отнеслись восторженно. Съ толпою приверженцовъ Самозванца вошли въ Москву. Ихъ встрѣтила ничтожная кучка стрѣльцовъ, посланныхъ Годуновыми. Но стрѣльцы были смяты. Красносельцы, съ послами Лжедмитрія, достигли Лобнаго мѣста. Народъ волновался. Хотѣлъ знать правду: точно ли умеръ царевичъ, тогда, много лѣтъ тому назадъ? Опять, какъ при Борисѣ Годуновѣ, взошелъ на Лобное мѣсто Василій Ивановичъ, но теперь онъ говорилъ иное. Тогда онъ клялся, что самъ, собственными руками, несъ мертвое тѣльце царевича Дмитрія. Теперь онъ увѣрялъ, что царевича подмѣнили: вмѣсто него убили и похоронили попова сына.

Этого было достаточно. Толпа только это и хотѣла слышать, только этого ждала. Грозной и дикой волной ввалилась она въ Кремль. Схватили Ѳедора съ матерью и сестрою и вывели въ прежній ихъ боярскій домъ.

Тамъ, полные жгучей тоски, ждали Годуновы своей участи. Лжедмитрій былъ уже близко. Къ Самозванцу въ Тулу явились съ повинной князь Воротынскій и князь Телятевскій. Явились послы отъ донскихъ казаковъ, и ихъ допустилъ онъ къ рукѣ раньше бояръ.

Но не могъ Самозванецъ вступить въ Москву прежде, чѣмъ не будетъ покончено съ Годуновыми. Досадовалъ въ душѣ, что раньше никто не догадался сдѣлать это. Кому же поручить? Конечно, не Басманову, который, при всей своей преданности Самозванцу, обладалъ извѣстнымъ благородствомъ. Послалъ князя Василія Голицына, князя Мосальскаго и дьяка Сутупова. Ихъ сопровождало нѣсколько стрѣльцовъ.

Начали съ патріарха Іова: съ безчестіемъ вывели его изъ собора во время службы, таскали за бороду, позорили; потомъ посадили на простую телѣгу и сослали въ дальній, Старицкій монастырь. Затѣмъ покончили и съ царской семьей. Царицу Марью удавили скоро. Но Ѳедоръ долго боролся, пока не прибѣгли къ самому постыдному способу и не убили его. Царевну Ксенію пощадили, красоты ея ради. Отправили въ монастырь. Тамъ она была пострижена подъ именемъ Ольги. Тѣло Бориса Годунова удалили изъ Архангельскаго собора и вмѣстѣ съ женою и сыномъ похоронили въ Варсонофьевскомъ монастырѣ.

Не стало Годуновыхъ. Не было препятствія для Лжедмитрія вступить въ Москву. Все было готово къ пріему дорогого гостя, „царевича“, какъ хотѣлось вѣрить. 20 іюня при звонѣ колоколовъ, при крикахъ ликующаго народа Самозванецъ въѣхалъ въ Москву. Народъ радовался и кричалъ: „Дай, Господи, тебѣ, государь, здоровья! Ты наше солнышко праведное!“—Падали на колѣна.—„Дай Богъ и вамъ здоровья! встаньте и мо-

литесь за меня Богу!“—отвѣчалъ мнимый царевичъ. Но онъ былъ окруженъ польскими рыцарями и польскимъ духовенствомъ, и это многимъ отравляло радость. А, когда новый царь вступилъ на площадь, то въ ясный и тихій день вдругъ поднялась буря.

„Помилуй насъ Богъ! Помилуй насъ Богъ!“—крестился испуганный народъ и ждалъ бѣды.

V.

Царствованіе Лжедмитрія I.

Общая приподнятость настроенія вначалѣ.—Пріѣздъ въ Москву инокини Марфы.—Вѣнчаніе Лжедмитрія I на царство.—Столкновеніе между Лжедмитріемъ и Василіемъ Шуйскимъ.—Несоотвѣтственное сану поведеніе Лжедмитрія. — Его легкомысліе. — Лжедмитрій и католичество. — Посланіе папы.—Обрученіе, въѣздъ и вѣнчаніе Марины Мнишекъ.—Возрастающее недовольство москвичей.—Брачный пиръ.—Набатъ.—Гибель Лжедмитрія.

Лжедмитрій вступилъ въ свою столицу, какъ настоящій царевичъ, окруженный знатными боярами и польскими рыцарями.

Онъ посѣтилъ соборы и приложился къ чудотворнымъ иконамъ. Предъ прахомъ своего мнимаго отца, Іоанна Грознаго, Лжедмитрій преклонилъ колѣна и сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ. Народъ, наводнившій площадь и улицы, плакалъ отъ умиленія. Но во время посѣщенія мнимымъ царевичемъ московскихъ святынь, польскіе и литовскіе рыцари трубили въ трубы и били въ литавры. И это было то новое, что било по сердцамъ и раздражало.

Впрочемъ, вначалѣ своего царствованія, Лжедмитрій скорѣе очаровывалъ, чѣмъ раздражалъ. Онъ рѣшилъ быть милостивымъ, въ противоположность своимъ предшественникамъ, которые дѣйствовали угрозой

и силой. По средамъ и субботамъ онъ лично разсматривалъ челобитныя, которыя опускались въ ящикъ при дворцѣ. Самозванецъ выписалъ свою мать, инокиню Марѳу, и свиданіе произошло подъ Москвою, въ селѣ Тайнинскомъ. О чемъ говорили мнимые мать и сынъ въ шатрѣ, раскинутомъ при дорогѣ? Осталось неизвѣстнымъ. Но, когда они вышли къ войску и народу, то было очевидно, что царица Марѳа признала мнимаго царевича своимъ сыномъ. И долгое время, пока царица Марѳа ѣхала въ каретѣ, Лжедмитрій шелъ рядомъ съ почтительно обнаженной головой. Народъ плакалъ отъ умиленія. Затѣмъ мнимый царевичъ вскочилъ на коня и поѣхалъ впередъ, чтобы встрѣтить царицу при въѣздѣ въ кремль, у теперешнихъ Спасскихъ воротъ.

Лжедмитрій I.

Для царицы Марѳы были приготовлены роскошные покои въ Вознесенскомъ монастырѣ, и цѣлая толпа слугъ встрѣтила ее при входѣ въ новое жилище. Съ этихъ поръ Лжедмитрій ежедневно посѣщалъ свою мать въ новомъ жилищѣ.

Народъ умилялся. Народъ вѣрилъ все больше и больше, что это и есть подлинный царевичъ.

Черезъ три дня послѣ свиданія съ инокиней Маріей, Лжедмитрій вѣнчался на прародительскій престолъ. Онъ вѣнчался по всѣмъ обычаямъ своихъ предшественниковъ,—говорятъ русскіе историки.—Но онъ не могъ принять причастія,—утверждаютъ іезуиты,—потому что онъ все-таки былъ католикомъ, а католичество принялъ, будучи въ Краковѣ.— Какъ бы то ни было, но пока сомнѣніе въ подлинности царевича еще не отравляло сердца его подданныхъ.

Только одинъ изъ самыхъ знатныхъ бояръ, Василій Ивановичъ Шуйскій, уже начиналъ строить свои козни и ядовито шипѣлъ: „Не подлинный это царевичъ! Еретикъ и растрига, Гришка Отрепьевъ!“—Пускалъ зловѣщій слухъ въ народъ и велѣлъ распространять. Торговый и ремесленный людъ Москвы всегда благоговѣлъ передъ Шуйскими, а Шуйскіе и прежде пользовались большою популярностью. Росла и шипѣла молва. Лжедмитрій не обратилъ бы на нее вниманія. Онъ былъ легкомысленъ, беззаботенъ и довѣрчивъ. Но Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, такъ страстно преданный ему, настоялъ на разслѣдованіи. Лжедмитрій рѣшилъ созвать соборъ, представителей всѣхъ классовъ, и имъ довѣрить дѣло Шуйскаго. Пусть Шуйскій публично во всемъ признается. И Шуйскій, этотъ хитрый царедворецъ, эта „старая лисица“, вдругъ переросъ себя. Онъ видѣлъ, что передъ нимъ на престолѣ сидитъ легкомысленный мальчишка, дни котораго сочтены, и онъ пошелъ на послѣднюю и рѣшительную ставку. Онъ не отрицалъ своей вины. И соборъ вынесъ ему смертный приговоръ. Но бояре, почуявшіе въ Шуйскомъ своего, уже зловѣще шептались. Неужели велятъ казнить Шуйскаго, родовитѣйшаго изъ бояръ, свойственники и предки котораго не разъ проливали кровь за святую Русь?!

Уже красуется плаха на лобномъ мѣстѣ. И Шуйскій, готовый положить голову подъ топоръ, торгуется съ палачомъ, не желая снять свою исподнюю, расшитую жемчугомъ, рубаху. Какъ вдругъ гонецъ отъ царя. „Помиловать!“ Всѣ облегченно вздохнули. И Шуйскій вышелъ побѣдителемъ изъ этой рѣшительной ставки, съ ореоломъ „мученика“ и „праведника“. „Помиловать и сослать!“ Шуйскаго съ двумя братьями сослали въ Галицкіе пригороды, лишивъ ихъ боярства и имущества. Но не успѣли они доѣхать до мѣста ссылки, какъ „милый вѣтреникъ“ *), Лжедмитрій, ихъ вернулъ. Ему казалось, что это—верхъ великодушія, то, что онъ сдѣлалъ. Ему казалось, что онъ разъ навсегда спасъ свое положеніе. О, какъ онъ жестоко ошибался!

Все его поведеніе на престолѣ вызывало все большее и большее недоумѣніе. Правда, уменъ онъ — спору нѣтъ. Засѣдая съ боярами въ Думѣ, онъ въ одну минуту рѣшаетъ то, надъ чѣмъ умныя боярскія головы готовы проработать весь день. Онъ доброжелателенъ. Готовъ идти на встрѣчу всѣмъ назрѣвшимъ нуждамъ. Но при этомъ—неровенъ, горячъ, скоропалителенъ. Ходитъ быстро, размахивая руками, и часто одинъ, безъ свиты. Какъ мячикъ, вскакиваетъ на лошадь, и мчится, какъ стрѣла. Совсѣмъ нѣтъ въ немъ сановитости и медлительности движеній, свойственныхъ московскимъ боярамъ, а тѣмъ болѣе царямъ. Любитъ военныя упражненія и кулачные бои. Самъ принимаетъ участіе въ осадѣ деревянныхъ крѣпостей, сооруженныхъ за Москвою. Самъ дерется съ польскими и нѣмецкими воинами, защищающими крѣпости. Если и помнутъ ему бока, не бѣда! Это онъ все дѣлаетъ съ благою цѣлью. Мечтаетъ о походѣ на Турцію и

*) Выраженіе А. С. Пушкина.

татаръ: соединиться съ Польшею и другими христіанскими державами и покорить полумѣсяцъ, въ интересахъ христіанской религіи. Любитъ латынянъ и въ сущности не видитъ разницы между греческой и католической вѣрой. Это онъ шепнулъ кому-то на ухо, но среди подданныхъ разнеслись эти слова, какъ ужасная ересь.

И костюмы онъ носилъ какіе-то смѣшные, смѣсь польскаго съ боярскимъ. Какой это царь? Еретикъ на престолѣ! Все шепчется съ іезуитами. Что онъ замышляетъ? Ужъ не обратить ли всѣ храмы въ польскіе костелы? Глухо шептались недруги мнимаго царевича. Не даромъ онъ и старый укладъ московской жизни такъ презираетъ. Построилъ себѣ дворецъ, по новому, по западному. Все широко, роскошно, размашисто. За обѣдомъ играютъ польскіе и нѣмецкіе музыканты... Нѣтъ, чтобы съ молитвой за трапезу сѣсть! Каждый день празднества, пиры, веселье. То ли еще будетъ, какъ ясновельможная панна Марина пріѣдетъ?! По средамъ и пятницамъ не поститъ, за то любитъ телятину. Кто же не знаетъ, что грѣхъ ѣсть телятину? Въ баню по субботамъ не ходитъ и послѣ обѣда не спитъ. Первоначальное обожаніе разсѣивалось и уступало мѣсто великому недоумѣнію. „Польскій свистунъ“, пустилъ кто-то въ народѣ.

„Приняли вы вмѣсто Христа антихриста, и поклоняетесь посланному отъ сатаны. Тогда опомнитесь, когда всѣ погибнете!“—вопилъ Ѳедоръ Калачникъ. Вели его на казнь за то, что въ подлинность царя не вѣритъ, слухи дурные распускаетъ. Народъ ругался. Но въ отдѣльныхъ сердцахъ рождалось сомнѣніе. Позднѣе еще явился обличитель, дьякъ Тимоѳей Осиповъ. Ворвался онъ во дворецъ, постившись и причастясь св. Таинъ, и кричалъ: „Ты воистину Гришка Отрепьевъ, растрига, а не цесарь непобѣдимый, не царевъ сынъ Дмитрій, но грѣху рабъ и

еретикъ!“ Казнили и этого. Народъ молчалъ. Онъ все еще вѣрилъ въ подлинность, хотя сомнѣніе мало-по-малу росло и пускало въ глубинахъ свои ядовитые корни.

Лжедмитрій ни о чемъ не думалъ. Онъ не былъ подозрителенъ. Старался убѣдить москвичей, что онъ, дѣйствительно, православный царь. Ожидалъ пріѣзда Марины и думалъ, нельзя ли устроить такъ, чтобъ она при коронованіи, причастіе приняла изъ рукъ патріарха, чтобы не по субботамъ ѣла постное, а наоборотъ по средамъ, какъ полагается у православныхъ, и чтобъ не казалась русскому народу злой католичкой, „поганой басурманкой“. Даже послалъ преданнаго ему Яна Бучинскаго со столь щекотливымъ порученіемъ къ Мнишку. Но если русскіе люди трепетали за свою вѣру, то и католики отказывались идти на уступки. Не онъ ли, царь Дмитрій, будучи безвѣстнымъ проходимцемъ, клялся въ Польшѣ служить католической церкви, остаться на вѣки ея вѣрнымъ сыномъ, „послушной овцой“? Не онъ ли обѣщалъ ввести въ Россіи истинное, т.-е. католическое, вѣроисповѣданіе? Не онъ ли ужасался, что погибаетъ въ ереси столь обширная и богатая страна, какъ Россія? А теперь?! Теперь, когда онъ достигъ престола, можно сказать, молитвами святой католической церкви, онъ забылъ свои обѣщанія! Онъ избѣгаетъ оставаться съ глазу на глазъ съ сопровождавшимъ его іезуитомъ, Лавицкимъ, и боится лишь одного: какъ бы не раздразнить москвичей. Онъ проситъ, чтобъ Марина оставалась католичкой т а й н о. Вяжется ли это съ мечтами папы о побѣдѣ католичества надъ ересью?

Когда, послѣ смерти Климента VIII, вступилъ на папскій престолъ Павелъ V, онъ восторженно писалъ Лжедмитрію: „У тебя поле обширное: сади, сѣй, пожинай на немъ, повсюду проводи источники благочестія, строй

зданія, которыхъ верхи касались бы небесъ; воспользуйся удобностью мѣста, и, какъ второй Константинъ, первый утверди на немъ римскую церковь. Такъ какъ ты можешь дѣлать въ землѣ своей все, что захочешь, то повелѣвай. Пусть народы твои услышатъ гласъ истиннаго пастыря, Христова на землѣ намѣстника“! *).

Еще болѣе восторженныя и увѣренныя письма писалъ папа Маринѣ, будущей царицѣ московской, и воеводѣ Сендомирскому, Мнишку. Павелъ V изъявлялъ увѣренность, что народъ московскій легко приметъ католичество, такъ какъ онъ отъ природы кротокъ. О, какое обширное поле дѣятельности раскрывалось для католическаго духовенства на безграничныхъ равнинахъ Россіи! Впрочемъ, Лжедмитрій гораздо больше думалъ о пріѣздѣ Марины, чѣмъ о той великой миссіи, которую на него возлагалъ папа. Онъ послалъ въ Краковъ Аѳанасія Власьева, который долженъ былъ изображать изъ себя высокопоставленнаго жениха. Обрученіе состоялось съ большою пышностью, въ присутствіи короля. Но Власьевъ, не понимая своего положенія, смѣшилъ своими выходками тонкихъ и изысканныхъ поляковъ. На вопросъ, не давалъ ли царь обѣщанія другой невѣстѣ, онъ отвѣчалъ: „А мнѣ какъ знать? о томъ мнѣ ничего не наказано“. Наконецъ, спохватившись, отвѣтилъ: „Если бы обѣщалъ другой невѣстѣ, то не послалъ бы меня сюда!“ Изъ уваженія къ особѣ будущей царицы, Власьевъ никакъ не хотѣлъ взять Марину просто за руку, и все время остерегался, чтобъ его кафтанъ не коснулся ея платья. Когда король уговаривалъ его ѣсть за столомъ, онъ отвѣтилъ, что холопу неприлично ѣсть въ присутствіи такихъ высокихъ особъ, и въ концѣ концовъ согласился лишь съѣсть ку-

*) Т.-е. папы.

сочекъ хлѣба съ солью. Можно себѣ представить весь ужасъ Власьева, когда онъ увидалъ, какъ Марина, будущая московская царица, упала къ ногамъ польскаго короля, Сигизмунда III, и благодарила его за всѣ его милости къ ней!

Марина Мнишекъ.

Марина въѣхала въ Москву съ большимъ великолѣпіемъ 2 мая 1606 года и остановилась въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ она должна была будто бы ознакомиться съ русскими обычаями и сойтись ближе со своею будущею свекровью, инокиней Маѳоой. Но тишина монастырской кельи совершенно не соотвѣтствовала настроенію избалованной и вѣтренной панны. Какъ часто влюбленный Лжедмитрій приводилъ къ своей невѣстѣ музыкантовъ и пѣсельниковъ, чтобы скоротать ея досугъ! Съ ужасомъ прислушивались благочестивые москвичи къ звукамъ музыки, доносившимся изъ святой обители.

Вѣнчаніе и коронованіе Марины было назначено на 8 мая. Канунъ Николина дня и пятницы! Но могъ ли думать объ этомъ „милый вѣтренникъ“, когда всѣ помыслы его были направлены къ тому, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ ясновельможной невѣстой и знатными гостями? Повыгнаны

были изъ своихъ жилищъ священники и бояре, чтобы очистить мѣсто для именитыхъ гостей. Въ народѣ слышался ропотъ недовольства. Считали, сколько казны потратилъ царь на подарки своей невѣстѣ. Одинъ вѣнецъ изъ брилліантовъ, надѣтый въ день коронаціи на голову Марины, былъ оцѣненъ въ 7000 рублей. Что же касается платья, въ которомъ Марина должна была вѣнчаться, то оно вызвало самыя горячія пререканія. Бояре настаивали на томъ, чтобы Марина вѣнчалась въ русскомъ національномъ костюмѣ. Но поляки не хотѣли: Марина не привыкла къ русскому костюму. Лжедмитрій хотѣлъ угодить боярамъ, не хотѣлъ оскорблять русскаго обычая и настоялъ на томъ, чтобы Марина надѣла русскій красный бархатный сарафанъ съ широкими рукавами. Но все на ней такъ было усыпано алмазами и жемчугомъ, что не было замѣтно ни русскаго сарафана, ни сафьяновыхъ сапожекъ, ни богатаго кокошника.

Конечно, костюмъ не имѣлъ значенія, но въ толпѣ, собравшейся во время вѣнчанія вокругъ Успенскаго собора, упорно говорили о томъ, что Марина—католичка. Какъ же она вѣнчается на царство? И какъ приметъ святое причастіе изъ рукъ патріарха, не будучи крещена по православному чину? Волновалась толпа! Знали, что угодники царя готовы признать законность брака. Но такіе правдивые и истинно православные люди, какъ Гермогенъ, митрополитъ Казанскій, и Іосафъ, архіепископъ Коломенскій, говорили, что бракъ этотъ незаконенъ, потому-что Марина не приняла православія. Гермогена удалили и заключили въ монастырь. Іосафа оставили въ покоѣ.

Волновало москвичей и великое множество поляковъ, наводнившихъ Москву. Поляки вели себя нагло, дерзко, развязно. Не церемонились съ бѣднымъ людомъ.

Въ лавкахъ брали все, что имъ надо. Оскорбляли женщинъ. Въ церкви входили въ своихъ беретахъ, со сворами собакъ, переговаривались между собою, шумѣли, смѣялись. Они даже къ самому царю относились безо всякаго уваженія. Король польскій послалъ Лжедмитрію письмо съ послами Олесницкимъ и Гонсѣвскимъ. И въ этомъ письмѣ московскій царь именовался просто „великимъ княземъ“ и „господаремъ“. Лжедмитрій страшно оскорбился. Самъ онъ именовалъ себя не только царемъ, но „цесаремъ непобѣдимымъ“. Онъ не хотѣлъ принять королевскаго письма, заключавшаго явное для него оскорбленіе. И такъ препирался онъ съ польскимъ посломъ, Олесницкимъ, до тѣхъ поръ, пока не уступилъ ему. Все это было извѣстно въ широкихъ кругахъ и волновало умы.

Послѣднее время Лжедмитрій отдалился отъ русскихъ бояръ. Онъ приблизилъ къ себѣ нѣмецкихъ алебардщиковъ и стрѣльцовъ, которые окружали его при его выѣздахъ цѣлою толпою. Онъ ласкалъ стрѣльцовъ, награждалъ, одаривалъ ихъ. Дѣлалъ онъ это на всякій случай. До него доходили слухи о готовившемся заговорѣ. И, дѣйствительно, въ то время, какъ во дворцѣ были заняты свадебными увеселеніями, одинъ праздникъ смѣнялся другимъ, заговоръ плелъ свои коварныя сѣти. Во главѣ заговора стоялъ Василій Ивановичъ Шуйскій, теперь, послѣ несостоявшейся ссылки, обласканный, приближенный, одаренный вниманіемъ. Велъ онъ себя такъ умно, что Лжедмитрій видѣлъ въ немъ только доброжелателя, сочувствовавшаго всѣмъ его планамъ. И въ то время, какъ во дворцѣ эта „старая лисица“ потворствовала всѣмъ прихотямъ и выдумкамъ молодого царя, у себя, на дому, подъ охраною темной ночи, Василій Ивановичъ собиралъ бояръ, купцовъ, сотниковъ и пятидесятни-

ковъ изъ полковъ. Ему удалось привлечь на свою сторону восемнадцатитысячный отрядъ Новгородскаго и Псковскаго войска, назначеннаго въ походъ на крымскихъ татаръ. О, еслибъ зналъ Лжедмитрій, какъ близка его погибель! Но его мысли были всецѣло заняты тѣмъ, чтобъ очаровывать польскихъ гостей всѣми прелестями московскаго гостепріимства. Поляки захлебывались въ удовольствіяхъ. Одно пиршество смѣнялось другимъ. Напрасно вѣрный и преданный Петръ Басмановъ предупреждалъ царя о подозрительномъ настроеніи москвичей. Царь не вѣрилъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить. Марина употребляла всю свою польскую изобрѣтательность, чтобы сдѣлать свадебныя празнества возможно интереснѣе. Теперь она, вмѣстѣ съ нѣсколькими приближенными фрейлинами, готовила грандіозный маскарадъ въ честь „непобѣдимаго цесаря“. Комнаты Марины были завалены недопитыми костюмами и масками.

И вдругъ съ 16-го на 17-е мая, въ четыре часа утра, раздался зловѣщій звукъ набата! Царь испугался и выбѣжалъ полураздѣтый изъ спальни. Но его успокоили тѣмъ, что это пожаръ. Впрочемъ, не надолго. Появился Басмановъ, блѣдный и трепещущій, и воскликнулъ: „Ахти мнѣ! ты самъ виноватъ, государь: все не вѣрилъ! вся Москва собралась на тебя!“ Стража оробѣла, но Лжедмитрій не растерялся. „Я вамъ не Годуновъ!“ кричалъ онъ, размахивая мечомъ. Но выстрѣлы принудили его удалиться. Уже появились въ царскихъ покояхъ бояре, съ Василіемъ Ивановичемъ во главѣ. Палъ вѣрный Басмановъ, надѣявшійся защитить царя. Лжедмитрій бѣжалъ. Кинулся въ покои Марины и крикнулъ ей, чтобы спасалась отъ мятежниковъ. Хотѣлъ пробраться въ каменный дворецъ. Выскочилъ изъ окна на подмостки, приготовленныя для брачнаго празднества. Скакалъ по подмост-

камъ, пока не свалился на землю. Лежалъ и стоналъ. Его окружили стрѣльцы. Онъ молилъ ихъ спасти его, припоминая всѣ свои милости къ нимъ. Неужели не спасли бы его стрѣльцы, еслибъ захотѣли? Но его, раненаго, отнесли обратно во дворецъ, и тамъ издѣвались надъ нимъ, пока не пристрѣлили. Затѣмъ, полураздѣтаго, потащили

Убійство Лжедмитрія I. (Картина К. Маковскаго).

на Красную площадь. И тамъ три дня лежало два трупа, Лжедмитрія и преданнаго ему Басманова. На лицо мнимаго царя положили маску, а на грудь дудку и волынку. И издѣвались и смѣялись надъ нимъ. И никто уже не вѣрилъ, что это царь.

Народъ сложилъ про Лжедмитрія I такую пѣсню *):

Ты, Боже, Боже Спасъ милостивый!
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался—
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Злого Растригу, Гришку Отрепьева;
Ужели онъ Растрига на царство сѣлъ?
Называется Растрига прямымъ царемъ,
Царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ.
Недолго Растрига на царствѣ сидѣлъ,
Похотѣлъ Растрига жениться;
Не у себя то онъ въ каменной Москвѣ,
Бралъ онъ Растрига въ проклятой Литвѣ—
У Юрья пана Сендомірскаго,
Дочь Маринку Юрьевну,
Злу еретицу, безбожницу.
На вешній праздникъ Николинъ день,
Въ четвергъ у Растриги свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день.
Князи и бояре пошли къ заутрени,
А Гришка Растрига онъ въ баню съ женой;
На Гришкѣ рубашка кисейная,
На Маринкѣ саянъ хрущатой камки.
А часъ-другой поизойдучи,
Ужъ князи и бояре отъ заутрени,
А Гришка Растрига изъ бани съ женой.
Выходитъ Растрига на красный крылецъ,
Кричитъ-реветъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, ключники мои, приспѣшники!
„Приспѣвайте кушанье разное;
„А и постное и скоромное;
„Заутра ко мнѣ будетъ гость дорогой,
„Юрья панъ со паньею“.
А втапоры стрѣльцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
Въ Боголюбовъ монастырь металися
Къ царицѣ Маѳѣ Матвѣевнѣ:

---

*) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ.

„Царица ты, Марѳа Матвѣевна!
„Твое ли это чадо на царствѣ сидитъ,
„Царевичъ Дмитрій Ивановичъ?“
А втапоры царица Марѳа Матвѣевна заплакала,
И таковы рѣчи въ слезахъ говорила:
„А глупы стрѣльцы вы, недогадливы?
„Какое мое чадо на царствѣ сидитъ?
„На царствѣ у васъ сидитъ
„Растрига Гришка, Отрепьевъ сынъ;
„Потерянъ мой сынъ царевичъ Дмитрій Ивановичъ,
„На Угличѣ отъ тѣхъ бояръ Годуновыхъ;
„Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ,
„У чудной Софіи премудрыя *);
„У того ли то Ивана Великаго
„Завсегда звонятъ въ царь-колоколъ,
„Соборны попы собираются,
„За всякіе праздники совершаютъ панихиды,
„За память царевича Дмитрія Ивановича,
„А Годуновыхъ бояръ проклинаютъ завсегда“.
Тутъ стрѣльцы догадалися,
Всѣ они собираются,
Къ красному царскому крыльцу метаются,
И тутъ въ Москвѣ взбунтовалися.
Гришка Растрига догадается.
И накрѣпко запирается;
А злая его жена, Маринка безбожница,
Сорокою обернулася,
И изъ палатъ вонъ она вылетѣла.
А Гришка Растрига втапоры догадливъ былъ,
Бросился онъ со тѣхъ чердаковъ на копья острыя.
Ко тѣмъ стрѣльцамъ, удалымъ молодцамъ;
И тутъ ему такова смерть случилась.

Бояре употребляли всѣ усилія, чтобъ оградить поляковъ отъ разъяренной толпы. Мнишка съ сыномъ и дочерью взяли подъ стражу. Посламъ гарантировали без-

*) Мощи царевича Дмитрія были перенесены въ Москву лишь въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго.

опасность. Однако жъ, они были подвергнуты какъ бы почетному плѣну. Ихъ долго держали подъ стражей, не разрѣшая имъ уѣхать на родину. И много поляковъ было побито въ эту злополучную ночь. Василій Ивановичъ потиралъ руки отъ удовольствія: онъ добился своего.

VI.

Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго.

Василій Ивановичъ—боярскій царь.—Подкрестная запись Василія Ивановича.—Характеръ Шуйскаго.—Слухи о Лжедмитріи II.—Перенесеніе мощей убіеннаго царевича Дмитрія.—Вновь вспыхнувшее движеніе.—Иванъ Болотниковъ.—Соціальный характеръ движенія. Осада Василіемъ Ивановичемъ Тулы.—Побѣда надъ Болотниковымъ и его приверженцами.

Василія Ивановича Шуйскаго выбрали бояре и выкрикнула московская чернь. Это былъ—боярскій царь. Боярамъ онъ былъ обязанъ своимъ избраніемъ и съ первыхъ шаговъ отдаетъ имъ должное. Но Василій былъ выбранъ небольшою кучкою титулованнаго боярства. Большинство бояръ хлопотало о томъ, чтобы для избранія новаго царя, собрались представители всей земли. Но „соборнее“ избраніе не состоялось, хотя Шуйскій и утверждалъ впослѣдствіи, что будто бы былъ избранъ „всѣмъ московскимъ государствомъ“.

Царь Василій, не въ примѣръ прочимъ царямъ, далъ подкрестную запись въ томъ, что онъ дѣла о наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, караемыхъ смертью и конфискаціею имущества преступника, обязуется вершить „съ бояры своими“. На этомъ онъ и крестъ цѣлуетъ. „Смерти не предавать, и вотчинъ, и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ, и у женъ, и у дѣтей не отымать, буде которые съ ними въ мысли не были“, прибавляетъ Василій. Прежде,

Посольскій дворъ. (Картина находится въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ).

вмѣстѣ съ преступникомъ несли кару и близкіе его, даже если они въ преступленіи не участвовали. Василій Ивановичъ обѣщаетъ освободить своихъ подданныхъ отъ такого произвола. Обѣщаетъ онъ также „ложныхъ доводовъ“ не слушать, т.-е. не прислушиваться къ доносамъ, что такъ часто практиковалось предшественниками Василія Ивановича. Обѣщалъ онъ судить „истиннымъ праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не класть“, опаляться только за дѣло, за вину. Предшественники Василія Ивановича подвергали своихъ подданныхъ „опалѣ“, часто безъ всякой вины, по одному подозрѣнію. Иногда „опала“ принимала формы самаго дикаго произвола, какъ, напримѣръ, въ царствованіе Іоанна Грознаго. Василій Ивановичъ далъ клятвенное обѣщаніе всего этого избѣгать, ограждать личность и имущество подданныхъ, не наказывать семей преступника, не слушать доносовъ, не прибѣгать къ пыткамъ, чтобы „православное христіанство безвинно не гибло“. Гуманныя, блестящія обѣщанія! Исполнилъ ли онъ ихъ? Приходится отвѣчать отрицательно. Онъ и не могъ ихъ исполнить, потому что съ первыхъ шаговъ, тотчасъ послѣ коронованія, попалъ въ водоворотъ тѣхъ мутныхъ волнъ, которыя подняли со дна русской жизни всѣ накопившіяся годами страсти, нужды, недовольства и огорченія. Все недолгое, четырехлѣтнее, царствованіе Василія Ивановича представляетъ изъ себя сплошную, нескончаемую борьбу направо и налѣво: борьбу съ недовольными московскими боярами, изъ которыхъ далеко не всѣ были за его избраніе, борьбу съ недовольной московской чернью, борьбу съ низшими общественными слоями, собравшимися подъ знаменами Болотникова, борьбу съ разнымъ сбродомъ, бѣглыми холопами и преступниками, а также съ разными городскими и деревенскими людьми, и съ казаками, и поляками,

сгруппировавшимися около Лжедмитрія II, и, наконецъ, борьбу съ самимъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III. Чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, нужно было обладать недюжинными талантами полководца, умомъ государственнаго мужа и сердцемъ героя. Ничего подобнаго у Василія Ивановича не было!

Василій Ивановичъ Шуйскій. (Съ порт. XVII в.).

Это былъ ужъ не молодой, 54 лѣтъ, боярин ъ, подслѣповатый, невзрачный, скорѣе хитрый, чѣмъ умный, видавшій на своемъ вѣку много и вслѣдствіе этого привыкшій лгать и изворачиваться. Несмотря на клятвенное обѣщаніе не слушать доносовъ, Василій Ивановичъ любилъ прислушиваться къ сплетнямъ и держалъ около себя наушниковъ. Онъ вѣрилъ колдунамъ и чародѣямъ, часто прибѣгалъ къ нимъ и ходилъ къ какой-то „чертовой пророчицѣ“. Таковъ былъ царь, которому съ первыхъ же шаговъ своего

царствованія пришлось бороться не только со врагомъ „видимымъ“, но и „невидимымъ“. Врагомъ „невидимымъ“ было то наслѣдіе, которое оставилъ послѣ себя первый Самозванецъ.

Не успѣли покончить съ первымъ Самозванцемъ, не успѣлъ Василій Ивановичъ возложить на себя корону московскаго царя, какъ уже откуда-то поплыли темные слухи о томъ, что Лжедмитрія I и не думали убивать, а убито вмѣсто него подставное лицо, а онъ бѣжалъ и опять собираетъ вокругъ себя своихъ вѣрныхъ подданныхъ. „Царь Дмитрій живъ“, гласила народная молва, и опять вздымались и крутились несбыточныя надежды, опять разгорались страсти, хотя Лжедмитрій II еще и не думалъ появляться. Впрочемъ, царь Василій рѣшилъ бороться не съ Лжедмитріемъ, а съ царевичемъ Дмитріемъ, обаяніе имени котораго все также царило надъ взволнованными массами. Царь Василій рѣшилъ перенести изъ Углича мощи царевича Дмитрія, вокругъ которыхъ совершались, по слухамъ, поразительныя чудеса. Говорили Ростовскій митрополитъ и Астраханскій епископъ, что будто, при открытіи мощей, весь храмъ наполнился благоуханіемъ. Тѣло и личико царевича сохранились въ цѣлости, доносили они Василію Ивановичу, и ожерельице жемчужное цѣло, а въ лѣвой ручкѣ ширинка тафтяная, вся шитая золотомъ и серебромъ, и кафтанчикъ камчатный и орѣшки, обагренные кровью, которыми онъ игралъ, какъ убійцы подкрались.

Торжественно вносили мощи царевича Дмитрія въ столицу 3 іюня 1606 года. Справа шелъ Василій Ивановичъ, а слѣва дочь Бориса Годунова, Ксенія, теперь инокиня Ольга, впереди митрополитъ. Тѣснилась вокругъ московская чернь, взволнованная, вѣрящая и ждущая великихъ чудесъ. Немолчно гудѣли колокола всѣхъ церк-

вей. Мощи поставили въ Архангельскій соборъ и пускали туда съ осторожностью. Въ первый же день исцѣленіе получило двѣнадцать человѣкъ. Ждали, что съ водвореніемъ мощей св. царевича Дмитрія кончатся бѣдствія, постигшія Русское государство, прекратится моровое повѣтріе, прольются обильные дожди на высохшую отъ бездождія землю. Ждали!...

Каялась царица Марѳа всенародно, что растригу признавала за сына. Сдѣлала она это по нуждѣ своей великой. А въ грамотѣ, разосланной въ разные города вслѣдъ за грамотой царя Василія, увѣряла она, что грозилъ ей растрига „смертнымъ убивствомъ“. Выбора не было у бѣдной, измучившейся женщины. Да и не только ее соблазнилъ растрига, тонко прибавляла инокиня Марѳа, а и многихъ бояръ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и служилыхъ, и жилецкихъ людей. На всѣхъ нашло навожденіе бѣсовское. Былъ на московскомъ престолѣ еретикъ и растрига. „Церкви Божіи осквернилъ, и вѣру христіанскую хотѣлъ попрати, взялъ дѣвку изъ Польши латинской вѣры, и, не крестивъ ее, вѣнчался съ нею, и помазалъ ее мѵромъ и вѣнчалъ царскимъ вѣнцомъ“. Такъ говорила царица Марѳа!

Царь Василій тоже разсылалъ грамоты. Въ нихъ онъ удостовѣрялъ свою близость къ царскому престолу, прародителемъ своимъ называлъ великаго государя, Александра Ярославовича Невскаго. Яркими красками описывалъ всѣ злокозненности и злодѣянія проклятаго еретика-растриги, Гришки Отрепьева, назвавшагося именемъ царевича Дмитрія. И православныхъ христіанъ хотѣлъ онъ привести въ люторскую и латинскую вѣру, и пограничныя земли русскія хотѣлъ уступить королю польскому, а многіе города и волости тестю своему, воеводѣ Сендомирскому и дочери его, Маринѣ, и казну цар-

скую онъ всю разграбилъ, а бояръ и дворянъ всѣхъ хотѣлъ перебить... Все было ясно, какъ день! На престолѣ около года былъ злой еретикъ, который всѣхъ соблазнилъ бѣсовскимъ навожденіемъ, а теперь правовѣрный „соборне избранный“ царь Василій.

И несмотря на всю убѣдительность грамотъ, разсылаемыхъ царемъ Василіемъ по городамъ, на югѣ опять вспыхнуло движеніе. Началось оно опять въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ознаменовались побѣдоноснымъ шествіемъ Лжедмитрія I, въ предѣлахъ коварной „прежепогибшей“ Украйны, какъ злобно называли ее москвичи. Но пока даже и Лжедмитрія II не появлялось, хотя мятежники уже не разъ обращались къ воеводѣ Сендомирскому, у котораго предполагался запасъ подходящихъ „человѣчковъ“.

Пока, движеніе группировалось около Ивана Болотникова, бывшаго холопа князя Телятевскаго. Хотѣли привлечь на свою сторону самозванца Петра, ставленника терскихъ казаковъ, назвавшагося именемъ мнимаго сына покойнаго царя Ѳеодора Ивановича, будто бы подмѣненнаго царевной Ѳедосьей. Попросту звали его „царевичъ Петрушка!“ Но онъ плохо удовлетворялъ воображеніе народное.

Въ ожиданіи, пока появится Лжедмитрій II, къ Болотникову стекались всѣ, кто былъ недоволенъ боярскимъ царемъ и тѣснымъ кружкомъ титулованныхъ бояръ, управлявшихъ Россіей. Тутъ были разбойники и воры, бѣжавшіе отъ наказанія, были бѣглые холопы и крестьяне, были и казаки, посадскіе люди и стрѣльцы. Всѣмъ, обездоленнымъ, обѣщалъ Болотниковъ волю, богатство и почести, подъ знаменами Дмитрія, который еще не явился, но непремѣнно явится. Отпали отъ Мо-

сквы Путивль и съ нимъ другіе сѣверскіе города. Отпало все Поле, до Кромъ включительно. Поднялись противъ царя Василія Заоцкія, Украинныя и Рязанскія мѣста. Истома Пашковъ возмутилъ Тулу, Веневъ и Каширу. Во главѣ возставшаго княжества Рязанскаго встали воеводы Григорій Сунбуловъ и Прокофій Ляпуновъ. Ляпуновъ—красивый, умный, храбрый и въ военномъ дѣлѣ искусный. Обладалъ горячимъ сердцемъ, и рука его дѣйствовала раньше, чѣмъ начинала работать голова. Не совсѣмъ хорошо соображалъ, на чьей сторонѣ правда. Стоялъ прежде за Дмитрія Самозванца, и теперь не былъ увѣренъ, что Дмитрія уже нѣтъ въ живыхъ. Потому и пошелъ противъ Шуйскаго.

Но какъ прочелъ „воровскіе листы“ Болотникова, такъ испугался. Въ этихъ листахъ Болотниковъ призывалъ холоповъ „побивать всѣхъ бояръ“. Обѣщалъ холопамъ и безыменнымъ ворамъ боярскія „вотчины и помѣстья, боярскихъ женъ и дочерей“. Такъ же натравливалъ Болотниковъ въ своихъ воровскихъ листахъ противъ „гостей и всѣхъ торговыхъ людей“, обѣщая всѣмъ „ворамъ“—„боярство, воеводство, окольничество и дьячество“. Увидали Прокофій Ляпуновъ и его сподвижникъ Сунбуловъ, съ кѣмъ имѣютъ они дѣло. Испугались. Пришли съ повинной къ царю Василію и войско свое привели. Царь Василій принялъ ихъ милостиво, а Прокофію Ляпунову далъ санъ думнаго дворянина. Съ этой поры Прокофій Ляпуновъ такъ же горячо стоялъ за Василія, какъ прежде готовъ былъ стоять за Болотникова, пока не разочаровался въ немъ.

Но Болотниковъ не унывалъ. Лжедмитрій II, правда, все еще не находился. Но сторонники Болотникова стояли не за имя, а за извѣстный строй. Они возставали противъ установившагося государственнаго уклада, про-

тивъ своеволія бояръ, противъ всѣхъ „сильныхъ людей“ высшаго землевладѣльческаго класса. Они жгли помѣщичьи усадьбы, разоряли города и по городамъ сажали въ тюрьмы воеводъ. Это былъ протестъ низшихъ слоевъ общества противъ высшихъ и среднихъ. Быстро подвигался Болотниковъ со своею ратью къ Москвѣ и мечталъ уже завладѣть столицей. Вотъ ужъ онъ въ селѣ Коломенскомъ. Дрогнула Москва, какъ увидала „воровъ“ чуть не подъ стѣнами своими. Къ Болотникову теперь, кромѣ раньше поименованныхъ, пристали еще и польскіе отряды. Москвичи находились въ подавленномъ состояніи. Казалось имъ, что грозитъ „гибель неминучая“, и рука Господня занесена надъ ними за то, что „нѣсть истины во царѣ же и въ патріархѣ, ни во всемъ священномъ чину, ни во всемъ народѣ“. Всѣ изолгались. Бога позабыли. Настроеніе москвичей стало подниматься лишь тогда, когда обнаружилось, что у мятежниковъ не хватитъ силъ на взятіе Москвы, и когда стали понемногу приближаться къ столицѣ вспомогательные отряды.

Служили торжественные молебны у мощей царевича Дмитрія, крошили воиновъ водой, и они направлялись къ Калужскимъ воротамъ на выручку Москвы. Молодой воевода, племянникъ царя, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій стянулъ войска у Данилова монастыря и выбилъ Болотникова изъ села Коломенскаго. Болотниковъ съ приверженцами бѣжалъ въ Калугу. На помощь Болотникову шелъ князь Мосальскій, который потерпѣлъ пораженіе отъ Ивана Никитича Романова и князя Мезецкаго. Мосальскій былъ убитъ, а ратные его люди сѣли на пороховыя бочки и взорвали себя. Лучше имъ было взлетѣть на воздухъ, чѣмъ передаться царю Василію, который непремѣнно „посажалъ бы ихъ въ воду“, т.-е. потопилъ.

Положеніе Болотникова было невыносимое. Лжедмитрій II не являлся. Настроеніе въ войскѣ падало. Князь Шаховской, „всей крови заводчикъ“, послалъ звать казацкаго самозванца, Петрушку. Царь Петръ явился на зовъ. Болотниковъ соединился съ Лжепетромъ въ Тулѣ. Василій Ивановичъ въ это время подтянулся. Отдалъ повсюду приказы, чтобъ посылали служилыхъ людей, и войска набралось до 100.000. Самъ пошелъ съ этимъ войскомъ на осаду Тулы. Но все было напрасно. Туляне съ Болотниковымъ и Лжепетромъ крѣпко держались. Тогда одинъ боярскій сынъ, Кровковъ, предложилъ затопить Тулу. Пусть каждый привезетъ по мѣшку земли и засыпетъ рѣку Упу. Сначала смѣялись, а потомъ сдѣлали такъ, какъ того хотѣлъ боярскій сынъ. И выступила Упа изъ береговъ, и полились воды въ городъ. Горе осажденнымъ! Насталъ голодъ. Болотниковъ рѣшилъ сдаться. Самъ пришелъ въ царскій станъ, вмѣстѣ съ Лжепетромъ, и принесъ свою саблю съ повинной. Провѣдалъ онъ, что на границѣ уже появился Лжедмитрій II, во имя котораго онъ дѣйствовалъ, но вотъ не пришелъ, не выручилъ его, хотя Болотниковъ искренно вѣрилъ, что это и есть царь Дмитрій. Теперь онъ хочетъ, вмѣстѣ со всѣми своими приверженцами, служить царю Василію. Но Василій уже не вѣрилъ искренности раскаянія вора. Слишкомъ поздно! Слишкомъ много было пролито крови въ стычкахъ съ Болотниковымъ и его приверженцами. Царь Василій принялъ саблю, но милости не оказалъ. Лжепетра велѣлъ повѣсить, а Болотникова сослать въ Каргополь. Князя Шаховскаго сослали на Кубенское озеро, въ пустынь.

VII.

Лжедмитрій II.

Появленіе Лжедмитрія II.—Его характеристика.—Лжедмитрій II и поляки.—Побѣдоносное шествіе Лжедмитрія II.—Лжедмитрій II въ Тушинѣ.—Марина Мнишекъ съ отцомъ въ Тушинѣ.—Приверженность Вору сѣверныхъ и замосковныхъ городовъ.—Осада Сапѣгою и Лисовскимъ Троицкой Лавры.—Роль троицкой братіи въ смутное время.

Въ то время, какъ царь Василій осаждалъ Тулу, въ Стародубѣ-Сѣверскомъ, дѣйствительно, объявился Лжедмитрій II *). Но онъ не сразу собралъ около себя дружину и поэтому не могъ своевременно подать помощь Болотникову. О происхожденіи Лжедмитрія II, такъ называемаго Тушинскаго Вора, доподлинно ничего неизвѣстно. Но что онъ совсѣмъ не походилъ на Лжедмитрія I, это сразу бросалось въ глаза. Первый самозванецъ прошелъ школу польскихъ іезуитовъ, его отшлифовали въ польскихъ замкахъ и дворцахъ, онъ обладалъ начитанностью и ораторскимъ талантомъ. Онъ, дѣйствительно, умѣлъ внушить вѣру въ себя и воодушевить воинскія массы. Лжедмитрій II былъ заворовавшійся мужикъ, вышелъ изъ пропойской **) тюрьмы и былъ поднятъ на поверхность движенія мутными волнами смуты. Не онъ велъ за собою толпы, но русская взбунтовавшаяся масса и польско-литовское „рыцарство“ вело его за собой. Правда, лѣтописецъ отмѣчаетъ, что Лжедмитрій II былъ свѣдущъ въ священномъ писаніи, и это даетъ основаніе предполагать, что онъ былъ изъ духовнаго званія, но этого было слишкомъ мало для того, чтобы стать героемъ положенія

*) 12 іюня 1607 года.
**) Пропойскъ—мѣстечко въ Бѣлоруссіи.

и съ достоинствомъ носить имя царя Дмитрія. По чужеземнымъ извѣстіямъ Лжедмитрій II былъ грубъ, безбоженъ, коваренъ и развратенъ, и нѣтъ основанія сомнѣваться въ этомъ.

Какъ только второго Самозванца признали въ Стародубѣ, такъ онъ сталъ разсылать призывныя грамоты въ литовскіе порубежные города. Онъ писалъ: „Въ первый разъ я съ литовскими людьми Москву взялъ, хочу и теперь идти къ ней съ ними же". И стали стекаться къ нему русскія и польско-литовскія дружины, во главѣ которыхъ онъ поставилъ поляка Мѣховецкаго. Пришли запорожскіе казаки. Пришли донскіе казаки, подъ начальствомъ Заруцкаго, отличавшагося красотою и безудержною отвагою. И всѣ признали его царемъ, хотя Лжедмитрій II, ходившій и зиму, и лѣто въ овчинномъ тулупѣ, щеголявшій грубостью рѣчи, совсѣмъ не походилъ на царя. Что заставляло поляковъ покидать свою родину и идти на зовъ Лжедмитрія II? Въ Польшѣ въ это время было не спокойно, шелъ „рокошъ", бунтъ шляхты противъ Сигизмунда III. Рокошане потерпѣли пораженіе и бродили, безпріютные, около русскихъ границъ. Призывъ Лжедмитрія II пришелся имъ на руку. Но не одни рокошане шли на его зовъ. Знаменитый Янъ-Петръ Сапѣга, родственникъ литовскаго посла Льва Сапѣги, сталъ собирать войска на Москву, „за позволеніемъ Сигизмунда III". И самъ король польскій сочувственно относился къ походу польскаго рыцарства на Московію, хотя и дѣлалъ видъ, что противъ. Вслѣдъ за Рожинскимъ, Сапѣгою, Лисовскимъ, въ Россію потянулись мелкіе искатели приключеній, надѣясь найти въ богатой, но варварской странѣ—добычу и военную славу. И вскорѣ около Лжедмитрія II собралось очень значительное польско-литовское воинство.

Но, видя въ немъ только подставное лицо, мужика въ овчинномъ тулупѣ и съ грубою рѣчью, поляки третировали бѣднаго царька, презирали всѣ его распоряженія и смѣялись надъ нимъ. Нѣсколько разъ поляки собирались его покинуть, захвативъ съ собою добычу, такъ что бѣдный царекъ сбѣжалъ отъ нихъ и заперся со своими приверженцами въ Орлѣ. Рожинскій со своимъ отрядомъ именно здѣсь и нашелъ его. Тутъ между Рожинскимъ и Мѣховецкимъ произошло столкновеніе честолюбій, побѣдителемъ изъ котораго вышелъ Рожинскій. Еслибъ не казаки, которые видѣли въ Лжедмитріи II настоящаго царя, то бѣдному самозванцу пришлось бы совсѣмъ плохо отъ своеволія поляковъ.

Между тѣмъ царь Василій, раздѣлавшись съ Болотниковымъ и его приверженцами, вернулся въ Москву и совершенно успокоился. Онъ думалъ, что укротилъ всѣхъ мятежниковъ, и мутная волна, угрожавшая его престолу, совершенно улеглась. Теперь, казалось ему, своевременно заняться устройствомъ личныхъ дѣлъ. Надо же было подумать и о наслѣдникѣ престола! Еще при Лжедмитріи I Василій Ивановичъ помолвился съ княжной Марьей Петровной Буйносовой Ростовской. Теперь, 17 января 1608 года, совершилось торжественное бракосочетаніе царя. Василій Ивановичъ отъ перваго брака не имѣлъ дѣтей. Теперь Василій Ивановичъ надѣялся, что Богъ ему пошлетъ наслѣдника престола и что, благодаря этому, москвичи и вся Россія будутъ относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Рать Вора въ Орлѣ получила окончательное устройство. Рожинскій, вмѣсто Мѣховецкаго, былъ избранъ гетманомъ, а Лисовскій и Заруцкій стали во главѣ московскаго казачества. Пока Воръ шелъ къ Москвѣ, Лисовскій долженъ былъ на Украйнѣ и Полѣ поднять улег-

шееся было возстаніе. Самозванецъ, по дорогѣ черезъ Козельскъ, Калугу, Можайскъ и Звенигородъ, нигдѣ не встрѣчалъ препятствія. Всюду открывались передъ нимъ ворота и встрѣчали его съ хлѣбомъ и солью. А онъ широко и милостиво вѣщалъ, чтобы крестьяне, господа которыхъ вѣрны Шуйскому, брали себѣ помѣстья и вотчины служилыхъ людей и женились на ихъ женахъ и дочеряхъ. Польскіе послы, бывшіе въ Москвѣ, послали сказать польскимъ отрядамъ, сопровождавшимъ самозванца, чтобы они отправлялись къ себѣ на родину. Но тѣ, конечно, не послушались, потому что ожидали отъ занятія Москвы славы и добычи. Да и польскіе послы дѣйствовали такъ для отвода глазъ. Не могли они не знать, что Сигизмундъ жадными глазами слѣдитъ за событіями въ Россіи.

1 іюня Лжедмитрій II подошелъ къ Москвѣ. Долго выбирали мѣсто, гдѣ бы удобнѣе остановиться, и наконецъ выбрали село Тушино, между двумя рѣками, Москвою и Всходнею. А царское войско, до 70,000, стояло на рѣкѣ Ходынкѣ. Самъ же царь Василій, съ дворомъ и отборными войсками, стоялъ на Прѣснѣ. И такъ стояли они другъ противъ друга, дѣлая ночныя вылазки, стараясь застать другъ друга врасплохъ. И война шла для обѣихъ сторонъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Несмотря на формальное запрещеніе изъ Польши, къ Самозванцу прибывали все новые и новые польскіе отряды. И это поднимало его въ его собственныхъ глазахъ. Уже онъ мнилъ себя настоящимъ царемъ и видѣлъ себя на московскомъ престолѣ. Не хватало ему только Марины. Во чтобы то ни стало нужно было перехватить ее, привезти въ тушинскій станъ и объявить царицей. Услужливые люди и тутъ явились.

Марина съ отцемъ долго жила въ Россіи послѣ

убійства перваго Самозванца. Наконецъ ихъ отпустили въ Польшу и вотъ тутъ-то Лжедмитрій II и велѣлъ перехватить Марину. Можетъ быть Мнишки сами все это подстроили, потому что ни отцу, ни дочери не хотѣлось разставаться со своими честолюбивыми мечтами. Но, когда уже подъѣзжали къ тушинскому стану, и Марина, въ предвкушеніи будущихъ благъ, смѣялась и пѣла, къ ней подъѣхалъ польскій шляхтичъ и сказалъ ей:

„Марина Юрьевна! Вы веселы и пѣсенки распѣваете... Оно бы и слѣдовало вамъ радоваться, еслибъ вы нашли въ Тушинѣ настоящаго своего мужа. Но вы найдете совсѣмъ другого“.

Поблѣднѣла Марина. Поблѣднѣла и заплакала. Но, въ сущности, что ей было плакать? Не все ли равно, кого найдетъ она въ тушинскомъ лагерѣ? Лишь бы этотъ новый ея избранникъ обладалъ желѣзной энергіей и вернулъ бы ей царскій престолъ, которымъ однажды она уже пользовалась. Впрочемъ, Мнишки рѣшили заѣхать сначала въ станъ Сапѣги и оттуда вести переговоры съ Лжедмитріемъ II. Эти колебанія и замедленія производили очень дурное впечатлѣніе на окружающихъ. И Лжедмитрій II это сознавалъ. Онъ вообще всячески старался произвести благопріятное впечатлѣніе на народъ. Такъ, когда Марина находилась еще въ Звенигородѣ, онъ писалъ ей, чтобы она непремѣнно присутствовала въ тамошнемъ монастырѣ при торжествѣ положенія мощей: „Отъ этого“,—писалъ Лжедмитрій II,—„можетъ возбудиться къ намъ въ Москвѣ большое уваженіе, ибо вамъ извѣстно, что прежде противное поведеніе возбудило къ намъ ненависть въ народѣ и было причиною того, что мы лишились престола“.

Но въ концѣ концовъ надежда снова царствовать одержала верхъ надъ всѣмъ, и вотъ 5 сентября, въ станѣ

Сапѣги, происходитъ тайное вѣнчаніе Марины съ Лжедмитріемъ II, совершенное духовникомъ ея, іезуитомъ. Опять католики пріободрились и подняли головы. Опять явилась у папскихъ легатовъ надежда быть глашатаями истины въ богатой варварской Россіи.

Въ тушинскомъ лагерѣ для царя и царицы построили хоромы, а для себя ратные люди вырыли землянки.

Шансы Лжедмитрія II съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе улучшались. Переяславль-Залѣсскій, Ростовъ, Ярославль, Вологда, Тотьма,—города, лежащіе отъ Москвы къ Бѣлому морю, цѣловали крестъ Вору. За ними слѣдовали Кострома и Галичъ съ уѣздами. Въ Псковѣ „меньшіе“ люди стояли за Вора и самовольно призвали „воровского воеводу“. Въ Новгородѣ, послѣ нѣкоторой борьбы, былъ принятъ Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Онъ укрѣпился здѣсь и отсюда велъ переговоры со шведами и нѣмецкими наемными дружинами. Шведскій король, Карлъ IX, давно предлагалъ Василію Ивановичу свои услуги. Но Василій Ивановичъ первоначально надменно отклонилъ это предложеніе. Теперь, стало, очевидно, что не обойтись безъ шведской помощи, и царь Василій послалъ своего племянника вести переговоры со шведами.

Замосковные города цѣловали крестъ Вору, но дѣлали они это не по твердому убѣжденію. Въ сущности они не знали, кто истинный царь: Василій или Дмитрій, и кого нужно слушать. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ въ Тотьмѣ, „крестъ цѣловали со слезами“. Въ другихъ, въ Суздалѣ, Ростовѣ, дѣлали попытки обороняться отъ тушинскихъ воеводъ, но это имъ не удалось. Въ Ростовѣ митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ вмѣстѣ съ воеводой ростовскимъ собралъ около себя жителей и воодушевлялъ ихъ встать на защиту вѣры и

порядка. Но осилили сторонники Вора,—Переяславцы съ казаками. Ворвались въ городъ, все пожгли, а митрополита Филарета Никитича отвезли въ Тушино и тамъ оказывали ему такія почести, которыя были хуже всякаго униженія. Филаретъ Никитичъ былъ нуженъ Самозванцу, какъ мнимый родственникъ, и онъ объявилъ его московскимъ патріархомъ.

Такъ склонялись передъ Воромъ всѣ сѣверные и замосковные города, но дѣлали это, скрѣпя сердце и не зная, на чьей сторонѣ правда. А Сапѣга съ Лисовскимъ, между тѣмъ, осадили Троицкій монастырь и отсюда воевали все пространство между Клязьмою и Волгою, отъ Владиміра до Балахны и Кинешмы. И въ то время какъ сѣверные города склонялись передъ Воромъ, Троицкій монастырь твердо стоялъ противъ поляковъ. Во главѣ монастыря былъ архимандритъ Іосафъ, но всѣмъ орудовалъ знаменитый келарь Авраамій Палицынъ. И, хотя во время осады онъ находился въ Москвѣ, но ободрялъ ратныхъ людей своими грамотами. А ратныхъ людей было совсѣмъ мало, всего 1500 человѣкъ, считая тутъ и монаховъ, съ одинаковымъ усердіемъ несшихъ и воинскіе труды, и труды по монастырскому хозяйству. Ихъ можно было видѣть и въ пекарнѣ, и въ поварнѣ, и на стѣнахъ монастырскихъ за ратнымъ дѣломъ.

Злились Сапѣга и Лисовскій, что не могутъ осилить такую ничтожную крѣпость, какъ Троицкій монастырь. Писали монахамъ: „Вы, беззаконники, презрѣли жалованье, милость и ласку царя Ивана Васильевича, забыли сына его, а князю Василію Шуйскому доброхотствуете, и учите—въ городѣ Троицкомъ воинство и народъ весь стоять противъ государя царя Дмитрія Ивановича и его позорить и псовать неподобно, и царицу Марину Юрьевну, а также и насъ. И мы тебѣ, архимандритъ Іосафъ,

Осада Троицкой Лавры. (Картина Милорадовича).

свидѣтельствуемъ и пишемъ словомъ царскимъ, запрети попамъ и прочимъ монахамъ, чтобы они не учили воинства не покоряться царю Дмитрію“. Троицкіе сидѣльцы защищали не только престолъ Шуйскаго, но и гробъ преп. Сергія. Для нихъ вопросъ ставился остро: отстоять передъ ляхами свою исконную православную вѣру. Передъ стѣнами святой обители они видѣли толпы поляковъ и ляховъ, пришедшихъ надругаться надъ святыми церквами, надъ гробомъ преп. Сергія и священными сокровищами. И держались крѣпко! Сносили голодъ, тѣсноту, болѣзни и измѣну. Изъ троицкаго монастыря часто перебѣгали въ польскій станъ такъ же, какъ и оттуда казаки, напуганные устрашающими видѣніями, несли къ ракѣ преп. Сергія свое горькое раскаяніе и слезы. А голодъ былъ страшный. Монахи питались одними сухарями, но свѣтскіе люди жаловались, не хотѣли мириться съ монастырской трапезой, требовали себѣ въ кельи отдѣльнаго стола.

„Мы говоримъ ратнымъ людямъ: ѣшьте въ трапезѣ, что братія ѣстъ“, писалъ архимандритъ царю, „возьми мое, архимандричье, себѣ, а свое передъ мною поставь; но они братскія кушанья просятъ по кельямъ, потому что въ трапезѣ ставятъ передъ четверыми столько же, сколько по кельямъ пойдетъ одному. А намъ смирить себя больше ужъ не знаемъ какъ?“...

Троицкая братія играла видную и благородную роль на протяженіи всей смуты. Уже когда была снята осада съ Троицкаго монастыря, обитель преподобнаго Сергія все время служила пріютомъ для больныхъ и раненыхъ воиновъ. Монахи безустали бродили по лѣсамъ и болотамъ, отыскивая мертвыхъ и раненыхъ. Первыхъ они предавали погребенію, вторымъ оказывали помощь, помѣщая къ себѣ въ больницы и окружая самымъ тща-

тельнымъ уходомъ. Архимандритъ Діонисій, назначенный послѣ архимандрита Іосафа, стоялъ во главѣ патріотическаго служенія. Онъ всячески поощрялъ монаховъ въ ихъ трудномъ подвигѣ служить ближнимъ. Въ 1611 г. троицкій архимандритъ Діонисій разсылалъ по разнымъ городамъ грамоты, въ которыхъ онъ призывалъ встать на защиту исконной православной вѣры и отечества. Грамоты летѣли на Поморье, Вологду, Пермь и другіе города. Въ Нижнемъ-Новгородѣ онѣ вызвали много шуму, хотя не онѣ послужили началомъ движенія въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ ошибочно думали нѣкоторое время.

Царь Василій, послѣ того, какъ Сапѣга, по дорогѣ къ Троицѣ, разбилъ его войско, заперся въ Москвѣ и рѣшилъ тамъ выдержать осаду. Онъ приглашалъ всѣхъ садиться съ собою „въ осаду“, между прочимъ заставилъ и рязанцевъ отослать въ Москву свои семьи. Но „въ осаду“ съ царемъ сѣли не всѣ. Многіе разъѣхались по домамъ, не желая проливать кровь ни за московскаго царя, ни за тушинскаго Вора. Но и изъ засѣвшихъ въ осадѣ началось бѣгство въ Тушино людей уже съ положеніемъ: дѣтей боярскихъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ. Ѣхали въ Тушино искать наградъ и повышеній. И въ противоположность московскому двору образовался тушинскій дворъ. Отъѣхали въ Тушино также и люди, близкіе Романовымъ: князья Сицкій и Черкасскій, И. И. Годуновъ, женатый на Романовой, Салтыковы, родня жены Филарета. Всѣ родные и присные Филарета, переѣхавшіе въ Тушино, заняли тамъ первыя мѣста. Вмѣстѣ съ прочими приверженцами Самозванца они считались первыми думцами Вора и разсылались для управленія въ разные города.

VIII.

Пробужденіе общественнаго самосознанія.

Разочарованіе въ тушинскомъ Ворѣ.—Корыстное отношеніе къ Россіи польскихъ пановъ.—Возмущеніе вологжанъ.—Вологда—центръ движенія Поморья.—Великій Устюгъ—объединитель сѣверо-восточной области.—Переписка городовъ.—Сѣверные „мужички“.—Князь Михаилъ Висильевичъ Скопинъ—Шуйскій.

Обаяніе тушинскаго царька продолжалось не долго. Хотя устюжане совѣтовали только не торопиться цѣловать Вору крестъ и писали вычегодцамъ: „Не спѣшите креста цѣловать, не угадать на чемъ совершится“. Но, очевидно, ждать дольше нельзя было. Слишкомъ ясна была политика тушинскихъ властей. Слишкомъ безцеремонны люди тушинскаго Вора, разсылаемые за поборами. Слишкомъ безсиленъ самъ тушинскій царь, который, хотя и возмущался злоупотребленіями своихъ людей, но ничего сдѣлать не могъ. Не только обирали мирныхъ гражданъ на нужды тушинскаго лагеря, но и старались удовлетворить всѣ разнообразныя прихоти польскихъ пановъ, смотрѣвшихъ на Россію, какъ на вражескую страну, которую безъ конца можно грабить. Сапѣгѣ писали, что въ Вологдѣ „много куницъ, и соболей, и лисицъ черныхъ, и всякаго дорогого товару, и шитія краснаго“. И Сапѣга требовалъ отъ тушинскаго Вора „и шитія краснаго, и разнаго товару“. Вологда, дѣйствительно, была торговымъ центромъ для всего сѣвера, и въ злополучную зиму 1608—1609 года, когда такъ неистовствовали тушинцы, тамъ застряло много нѣмецкихъ, англійскихъ и московскихъ купцовъ со своими товарами. Полякамъ Вологда должна была представляться „золотымъ дномъ!“ И изъ Тушина отряженъ былъ туда дьякъ, который хотѣлъ опечатать всѣ товары, чтобы конфи-

сковать ихъ въ пользу тушинскаго лагеря. Возмутились купцы и не допустили! Увидали вологжане, что тотъ, который называетъ себя царемъ, совсѣмъ и не царь, разъ онъ такъ пренебрегаетъ интересами своихъ подданныхъ. И Вологда измѣнила Вору! Мало этого, она сдѣлалась центромъ движенія всего Поморья противъ Вора. Отсюда, изъ Вологды, пошли въ Новгородъ, къ Скопину, „посыльщики для вѣстей“. Въ 1609 году Скопинъ отправляетъ въ Вологду своихъ воеводъ, а царь Василій пишетъ въ Вологду „грамоту“, которою уполномачиваетъ сдѣлать Вологду центромъ всего движенія въ Поморьѣ. Оживился сѣверъ, поднялъ голову! За Вологдой послѣдовали Кострома, Галичъ, Устюжна Желѣзнопольская. Увидали всѣ города Поморья и Замосковья, что въ Тушинѣ сидитъ не царь Дмитрій, а Воръ, настоящій воръ. И дѣйствія то его всѣ воровскія! Теперь рѣчь уже шла не о томъ, за кого стоять,—за Дмитрія или за Василія, а о томъ, чтобы сохранить установившійся порядокъ, къ которому всѣ привыкли, плохъ онъ или хоропъ.

А то что-жъ это такое? Тушинскіе люди именемъ тушинскаго царя врываются въ частныя усадьбы, частные дома. Все тащатъ, все грабятъ. Сегодня приходитъ въ городъ русскій представитель тушинскаго лагеря и облагаетъ жителей нещадными поборами. Назавтра является польскій представитель тушинской власти и облагаетъ еще болѣе жестокими поборами. Врывались въ лавки къ купцамъ, брали товары безъ денегъ, обижали простой народъ.

„Погибли мы, разорены отъ твоихъ ратныхъ воинскихъ людей“, писали тушинскому царю, „лошади, коровы и всякая животина пообрана, а мы сами сжены и мучены, дворишки наши всѣ выжжены, и что было хлѣбца ржаного, и тотъ сгорѣлъ, а достальной хлѣбъ твои за-

гонные *) люди вымолотили и развезли: мы, сироты твои, теперь скитаемся между дворовъ; пить и ѣсть нечего, помираемъ съ женишками голодною смертью“. Изъ другаго мѣста писали: „пріѣзжаютъ къ намъ ратные люди, бьютъ насъ и мучаютъ, и животы грабятъ. Пожалуй насъ сиротъ твоихъ, вели намъ дать приставовъ!..“.

Суздальскій воевода доносилъ Сапѣгѣ, что „во многихъ городахъ отъ великихъ денежныхъ поборовъ произошла смута великая, мужики заворовались и крестъ цѣловали Василію Шуйскому, оттого денегъ мнѣ собирать скоро нельзя, не та пора стала, въ людяхъ смута велика“.

Слухъ ходилъ, что всѣ помѣстныя земли и частныя вотчины будутъ розданы польскимъ панамъ въ полное и безконтрольное владѣніе. Такимъ образомъ возстановится удѣльный періодъ и удѣльными князьями будутъ польскіе паны. Волновался народъ! А „загонные“ люди шныряли по всей Россіи. Грабили, мучили, на колъ сажали. Одинъ панъ Наливайко уничтожилъ, истерзавъ, до 93 человѣкъ. Въ ярость пришелъ тушинскій царь, когда ему донесли о злодѣйствахъ Наливайки. И хоть Сапѣга просилъ за злодѣя, но тушинскій Воръ велѣлъ казнить его. А Сапѣгѣ прочиталъ отповѣдь, что „не гораздо“ онъ дѣлаетъ, упрашивая за такихъ воровъ. Ясно видѣлъ тушинскій царь, что такіе разбойники страшно вредятъ его дѣлу, вооружая противъ него населеніе. Но гнѣвъ его былъ безсиленъ. Никто его не слушалъ, и грамоты его не производили желаннаго дѣйствія.

Уже началось движеніе противъ Вора, дружное и сознательное. Какъ Вологда была центромъ Поморья, такъ Великій Устюгъ объединялъ всѣ сѣверо-восточныя

---

*) Zagon—набѣгъ, наѣздъ.

области. Устюжане вели дѣятельныя сношенія на Вычегдѣ, Вяткѣ и Камѣ. Устюжане писали вычегодцамъ: „А у насъ, въ Галичѣ, собранье великое всякихъ людей, половина конныхъ, а другая пѣшихъ, которые сами охотно идутъ головами“...

„И вы бъ нашему письму однолично повѣрили, а которые люди у васъ въ сборѣ есть, и вы бъ тѣхъ людей къ намъ въ Галичъ прислали тотчасъ“, писали устюжане и къ пермичамъ. Корили ихъ за ихъ холодность, нерадѣніе, промедленіе. „Только отъ васъ Государю и службы, что всего восемьдесятъ человѣкъ въ Ярославлѣ“, упрекали устюжане. „И если только нынѣ Государю его государевой казны не отпустите, и въ прибавку денегъ собирать не станете, и ратныхъ людей не прибавите, и вамъ отъ Государя впередъ какой милости ждать?“

Хотя Пермь, оправдываясь, и увѣряла, что готова служить и людьми, и средствами, однако же, прибавляла, что ей „надобно себя отъ воровъ оберегать, потому что мѣсто у насъ порубежное“. Великій же Устюгъ, также какъ и Тотьма, и Галичъ, напрягая послѣднія свои силы, рискуя самымъ своимъ существованіемъ, требовали такихъ же жертвъ и отъ другихъ городовъ Поморья.

Вставали сѣверные „мужички“, какъ одна дружная рать. Это были, дѣйствительно, „мужички“, какъ презрительно обзывали ихъ въ тушинскомъ лагерѣ, рабочій „тяглый“ людъ городовъ и уѣздовъ, вставшій на защиту мирныхъ занятій и установившагося уклада жизни. Въ Костромѣ и Ярославлѣ, напримѣръ, соединились было сначала съ тяглыми людьми дѣти „боярскія“, да подъ самымъ Ярославлемъ измѣнили „мужикамъ“ и стали отнимать у нихъ пушки, а потомъ передались Лисовскому. Но когда Лисовскій увелъ свои войска, то костромскіе и ярославскіе мужички въ соединеніи съ помор-

скими дружинами разогнали дѣтей боярскихъ. Такъ „мужички“ явились побѣдителями надъ „служилыми людьми“.

Но сѣверяне, такъ дружно поднявшіеся на защиту исконныхъ правъ, нуждались въ руководителѣ, въ такомъ лицѣ, которое бы ихъ объединило и научило пріемамъ правильнаго ратнаго дѣла. Этимъ лицомъ явился князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Утвердившись въ Новгородѣ, онъ стягивалъ къ себѣ всѣ нити назрѣвшей силы. Онъ при первой возможности послалъ на сѣверъ свои войска, а съ нимъ воеводъ и головъ, которые и приняли руководство. Онъ разсылалъ свои воодушевляющія грамоты, въ которыхъ просилъ людей и денегъ на выручку Москвы. Онъ соединилъ столицу съ сѣверомъ. Въ Коляэинскомъ монастырѣ онъ соединился съ сѣверными мужичками.

Этотъ „страшный юноша“ съ огненнымъ взоромъ и стальной рукой притягиваетъ къ себѣ всѣ разрозненныя силы. Во вражескомъ станѣ его боятся и складываютъ легенды о его силѣ, чудесахъ храбрости, непреоборимомъ натискѣ. Свои люди его обожаютъ, боготворятъ. Для нихъ онъ—солнце въ ненастный день, живительная гроза, направленная противъ враговъ. Только благодаря этому молодому, 24-лѣтнему, полководцу, вдругъ перекидывается мостъ между народомъ и непопулярнымъ, старымъ, трусливымъ и нелюбимымъ Василіемъ Ивановичемъ.

IX.

Юный герой.

Осада Смоленска Сигизмундомъ III.—Волненія и расколъ въ тушинскомъ лагерѣ.—Голодъ въ Москвѣ.—Скопинъ въ Александровской слободѣ.—Поздравленіе его „царемъ“.—Бѣгство тушинскаго Вора въ Калугу.—Посольство тушинскихъ бояръ къ Сигизмунду подъ Смоленскъ.—Договоръ 4 февраля 1610 года.—Судьба Марины.—Радость москвичей.—Трагическая кончина князя Скопина—Шуйскаго.

Въ Калязинѣ Скопинъ занимался обученіемъ сѣверныхъ дружинъ. Отсюда онъ велъ переговоры со шведскимъ полководцемъ Делагарди, который вотъ-вотъ долженъ былъ явиться къ нему съ шведскимъ вспомогательнымъ войскомъ. Скопинъ разбилъ пана Зборовскаго, и это вызвало страшную тревогу въ Тушинѣ. Всполошился тушинскій Воръ и писалъ Сапѣгѣ: „Спѣшите какъ можно скорѣе со всѣмъ своимъ войскомъ къ нашему главному стану. Не должно терять время за „курятниками“, которые безъ труда будутъ наши, когда Богъ увѣнчаетъ успѣхомъ наше предпріятіе“. „Курятниками“ тушинскій Воръ называлъ Троицкій монастырь. На письмѣ онъ сдѣлалъ собственноручную приписку: „Чтобъ спѣшилъ какъ можно скорѣе“.

Но тушинскому царьку угрожалъ врагъ съ другой стороны, о которомъ онъ и не помышлялъ. Въ то время, какъ Скопинъ, очистивъ себѣ дорогу при ревностномъ содѣйствіи шведовъ, перешелъ со своимъ войскомъ въ Александровскую слободу и тутъ поджидалъ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева съ войскомъ, Сигизмундъ открылъ военныя дѣйствія подъ Смоленскомъ. Польскій король долго ждалъ, долго терпѣлъ, но, когда онъ услыхалъ, что царь Василій заключилъ „вѣчный союзъ“ противъ Польши съ его исконнымъ врагомъ, шведскимъ

королемъ Карломъ IX, онъ рѣшилъ, что настало время дѣйствовать. Воинственный пылъ Сигизмунда подогрѣвался еще и тѣмъ, что польскіе послы, возвратившіеся изъ Россіи, увѣряли его, будто стоитъ ему показаться на русской границѣ, какъ всѣ бояре горою станутъ за него. Польскій король въ это время одержалъ верхъ надъ рокошанами и, идя въ Россію, увѣрялъ на сеймѣ, что идетъ онъ добывать славу для республики польской, а не для себя.

И вотъ онъ подъ Смоленскомъ! Прежде всего посылаетъ своихъ пословъ въ тушинскій лагерь звать всѣхъ поляковъ къ себѣ. Онъ не признавалъ тушинскаго Вора и не хотѣлъ вести съ нимъ никакихъ переговоровъ. Но и поляки тушинскаго лагеря, хотя тоже не признавали Вора, однако жъ не хотѣли идти и къ королю, потому что боялись лишиться всѣхъ результатовъ своихъ непомѣрныхъ трудовъ. Кричалъ и кипятился больше всѣхъ гетманъ Рожинскій! Сколько крови пролили, сколько нуждъ перетерпѣли, а теперь иди, служи королю! Можетъ быть, онъ и жалованья-то не заплатитъ? И Рожинскій сталъ собирать подписи подъ протестомъ королю. Но Сапѣга, котораго тоже приглашали подписаться, послалъ въ тушинскій лагерь приказъ, чтобъ повиновались королевскимъ комиссарамъ. Это внесло въ тушинскій лагерь страшный расколъ. Собирали коло, волновались, кричали. На бѣднаго царька никто не обращалъ вниманія. Наоборотъ, на немъ старались сорвать досаду разсерженные поляки. Нѣсколько разъ онъ порывался бѣжать, но его возвращали.

Въ Москвѣ въ это время томились голодомъ. Хлѣбъ стоилъ семь рублей четверть. Разбойникъ Сальковъ перехватилъ дорогу, по которой посылался хлѣбъ изъ Рязани, и никто не могъ съ нимъ справиться. Два раза

посылалъ царь войско противъ него, и все напрасно. Наконецъ, выступилъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и поймалъ его. И какъ разъ въ это время пришла вѣсть, что Скопинъ съ войскомъ идетъ къ Москвѣ. Ожила Москва! Зазвонили въ колокола, стали служить молебны. Жадно слѣдили москвичи за своимъ любимцемъ, княземъ Михаиломъ Васильевичемъ. Вотъ онъ въ Торжкѣ, вотъ онъ въ Твери, вотъ онъ въ Калязинѣ, наконецъ, въ Александровской слободѣ... Когда же, когда же въ Москву? Въ Москвѣ голодъ, волненія, всѣ недовольны, косятся на Кремлевскій дворецъ, гдѣ сидитъ невзрачный старикъ, нелюбимый, недѣятельный. И вдругъ вѣсть отъ Скопина: скоро будетъ въ Москвѣ. О, радость! Звонятъ въ колокола, служатъ молебны, ходитъ по улицамъ ободрившаяся толпа, будто не было ни голода, ни бѣдствій, ни поляковъ...

Когда Скопинъ былъ въ Александровской слободѣ, Ляпуновъ, горячій и пылкій, поздравилъ его „царемъ“. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?! Не могъ потерпѣть, когда бездѣтный царь Василій умретъ. Не думалъ Ляпуновъ, что злые языки тотчасъ доведутъ до царя Василія о такомъ „здорованьѣ“. Молодой князь, добродушный и мягкій, при всей своей нравственной и физической силѣ, только пожурилъ рязанцевъ, разорвалъ коварную грамоту и отпустилъ посланцевъ съ миромъ. Не зналъ онъ, что все это будетъ истолковано не въ его пользу! Не умѣлъ онъ сердиться, доносить, устраивать сыски. Не даромъ потомъ плакали надъ княземъ, когда злой рокъ скосилъ его: „У тебя, государя нашего, въ полкахъ войско наше и безъ казни было страшно и грозно, а въ то же время радостно и весело. И какъ ты поѣдешь, то мы на тебя, какъ на небесное солнце, наглядѣться не можемъ“. Такимъ былъ и сильнымъ, и свѣтлымъ князь Михаилъ! Но

въ Москвѣ его молчаніе относительно рязанской грамоты, его недонесеніе истолковали иначе. Впрочемъ, оставили до поры, до времени. Событія шли съ головокружительной быстротой.

Въ началѣ января бѣжалъ тушинскій Воръ изъ своего лагеря. Бѣжалъ онъ въ крестьянской одеждѣ, на навозныхъ саняхъ, въ сопровожденіи вѣрныхъ казаковъ. Бѣжалъ въ Калугу. Калужане приняли его, встрѣтили съ хлѣбомъ-солью. Съ этихъ поръ вѣрные ему казаки тоже начали тянуть въ Калугу. Изъ поляковъ же большая часть соединилась съ Сигизмундомъ. Что же оставалось дѣлать тушинскимъ боярамъ? Они послали посольство къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, но снабдили его договоромъ (4 февраля 1610 г.). Въ этомъ договорѣ сдавались тушинскіе бояре польскому королю, но вотъ на какихъ условіяхъ: чтобы король далъ сына своего Владислава на царство, но чтобы Владиславъ оставилъ въ сохранности исконную, православную, греческую вѣру. Когда одинъ изъ пословъ, Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, говорилъ о сохранности греческой вѣры, то горько плакалъ. Еще договаривались послы, чтобы будущій король не трогалъ правъ и имѣній духовенства, бояръ и прочихъ людей. И чтобы никого не казнить, не осудивъ съ боярами и думными людьми. „Великихъ чиновъ людей невинно не понижать, а меньшихъ людей возвышать по заслугамъ“. Этимъ пунктомъ хотѣли оградить себя тѣ неродовитые люди, которыхъ война смутнаго времени, неожиданно для нихъ самихъ, вдругъ подняла на поверхность. „Для науки вольно каждому изъ народа московскаго ѣздить въ другія государства христіанскія, кромѣ бусурманскихъ, поганскихъ, и господарь отчинъ, имѣній и дворовъ у нихъ за то отнимать не будетъ“. Новые люди, выдвинутые Лжедмитріемъ I и тушинскимъ Во-

ромъ, хотѣли оставить за собою право ѣздить заграницу и учиться тамъ, какъ это рекомендовалъ имъ еще Лжедмитрій I. Но тѣ же неродовитые новые люди, случайно выдвинувшіеся изъ своей темной среды, усердно просили короля, чтобъ онъ „холоповъ и невольниковъ“ оставилъ въ прежнемъ положеніи и вольностей бы имъ не давалъ.

Сигизмундъ на всѣ эти ходатайства отвѣчалъ уклончиво, и посольство задержалъ у себя, подъ Смоленскомъ. Итакъ, тушинская аристократія отъѣхала къ королю Сигизмунду въ чаяніи будущихъ благъ. Опустѣлъ тушинскій лагерь! Медлили пока еще нѣкоторые поляки и казаки, да Марина, блѣдная и рыдающая, съ распущенными волосами, ходила изъ палатки въ палатку и уговаривала ратныхъ людей снова принять сторону ея мужа. Положеніе ея при тушинскомъ Ворѣ было самое унизительное. Часто терпѣла она оскорбленія и жаловалась на это своему отцу. Но все же не хотѣлось ей разстаться со своими честолюбивыми мечтами. И вѣрила она, фанатично вѣрила, что снова будетъ возстановлена въ своихъ попранныхъ правахъ. Писала своему родственнику Стадницкому: „Кого Богъ освѣтитъ разъ, тотъ будетъ всегда свѣтелъ. Солнце не теряетъ своего блеска потому только, что иногда черныя облака его заслоняютъ“. Писала и королю Сигизмунду: „Если счастье лишило меня всего, то осталось при мнѣ, однако, мое право на московскій престолъ, утвержденное моею коронаціей, признаніемъ меня истинною и законною наслѣдницей, признаніемъ, скрѣпленнымъ двойною присягою всѣхъ сословій и провинцій московскаго государства“. Бѣдная развѣнчанная царица! Опустившись до уровня жены Вора, она все еще мечтала о московскомъ престолѣ. Убѣгая изъ тушинскаго лагеря, она оставляетъ письмо, въ которомъ прямо заявляетъ: „Свидѣтельствую Богомъ, что не от-

ступлю отъ правъ моихъ, какъ для защиты собственной славы и достоинства, потому что, будучи государыней народовъ, царицею московскою, не могу сдѣлаться снова польскою шляхтенкою, снова быть подданной, такъ и для блага того рыцарства, которое, любя доблесть и славу, помнитъ присягу“.

Марина бѣжала ночью, верхомъ, въ гусарскомъ костюмѣ, въ сопровожденіи служанки и нѣсколькихъ сотъ донскихъ казаковъ. Но вмѣсто Калуги, она попала въ лагерь Сапѣги, который переманилъ ее обѣщаніемъ взять ея сторону. Впрочемъ, когда дѣла Сапѣги пошли плохо, она бросила его и отправилась въ Калугу. Тамъ Шаховской, „всей крови заводчикъ“, стягивалъ къ тушинскому Вору вѣрныхъ ему казаковъ. Сапѣга, разбитый у Дмитрова русскими и шведскими войсками, ушелъ въ Волоколамскъ. Путь къ Москвѣ былъ очищенъ, и Скопинъ съ Делагарди могли безпрепятственно въѣхать въ Москву. Это произошло 12 марта 1610 года. Ожила Москва! „Изъ всѣхъ городовъ къ Москвѣ всякіе люди поѣхали съ хлѣбомъ и со всякимъ харчемъ“. Начались въ Москвѣ пиры и веселье.

Всѣ радовались. Радовался и царь, отдавшій должное юному герою и не желавшій слушать злыхъ навѣтовъ. Не радовался только братъ царскій, Дмитрій Ивановичъ Шуйскій. Говорили въ народѣ, что Дмитрій Ивановичъ разсчитываетъ на престолъ послѣ бездѣтнаго Василія Ивановича. Знали о враждѣ дяди къ племяннику, и безпокойными глазами слѣдила московская толпа за своимъ любимцемъ. А слухи и сплетни черными ядовитымъ комкомъ сплетались вокругъ героя и волновали сердца. Волновался и Делагарди. Нѣсколько разъ звалъ онъ князя Михаила Васильевича покинуть коварную Москву и идти съ войскомъ подъ Смоленскъ, на освобож-

деніе его отъ поляковъ. Медлилъ Михаилъ Васильевичъ. Удерживали его въ Москвѣ молодая жена и страстно любившая его мать.

И случилось такое несчастье: родился у Воротынскихъ княжичъ Алексѣй. 23 апрѣля устроили крестины и пригласили молодого героя, князя Михаила Васильевича Скопина въ кумовья. Жена Дмитрія Ивановича Шуйскаго, дочь Малюты Скуратова, подкрестная кума, обносила угощеніе. Пріѣхавъ съ этого злополучнаго пира, занемогъ Михаилъ Васильевичъ, занемогъ и умеръ. И упорно говорили въ народѣ, что жена Дмитрія Ивановича отравила племянника. Лѣтописецъ пишетъ уклончиво: „Многіе на Москвѣ говорили, что испортила его (князя Скопина) родная тетка, княгиня Екатерина, а подлинно то единому Богу извѣстно“. А другой лѣтописецъ такъ картинно описываетъ и этотъ злополучный пиръ, и внезапную болѣзнь князя Скопина: „Кума подкрестная подносила чару питія куму подкрестному и била челомъ, здоровала съ крестникомъ, Алексѣемъ Ивановичемъ. И въ той чарѣ, въ питіи, уготовано лютое питіе смертное. И князь Михаилъ Васильевичъ выпиваетъ ту чашу до суха, а не вѣдаетъ, что злое питіе, лютое смертное. И не въ долгъ часъ у князя Михаила въ утробѣ возмутилося, и не допировалъ пиру почестнаго, и поѣхалъ къ своей матушкѣ, княгинѣ Еленѣ Петровнѣ. И какъ всходитъ въ свои хоромы княжескіе, и усмотрѣла его мать и воззрила ему въ ясныя очи; и очи у него ярко возмутилися, а лицо у него страшно кровью знаменуется, и волосы у него на головѣ, стоя, колеблются. И восплакалась горько мать его родная, и во слезахъ говоритъ ему слово жалостное: „Чадо мое, сынъ, князь Михаилъ Васильевичъ, для чего ты рано и борзо со честнаго пиру отъѣхалъ? Либо тебѣ богоданный крестный сынъ принялъ крещеніе не ра-

достно? Либо тебѣ въ пиру мѣсто было не по отечеству? *). Или бо тебѣ кумъ и кума подарки дарили непочестные? А кто тебѣ на пиру честно упоилъ честнымъ питіемъ? И съ того тебѣ питія вѣкъ будетъ не проспаться. И сколько я тебѣ, чадо, въ Александрову слободу приказывала: не ѣзди въ градъ Москву ,что лихи въ Москвѣ звѣри лютые, а пыпатъ ядомъ змѣиннымъ измѣнничьимъ".

Тутъ упалъ князь Михаилъ на ложе, и начались его смертныя муки. Ни русскіе лѣкари, ни „доктуры" нѣмецкіе не могли помочь ему. Умеръ молодой герой. Какъ рыдала вся Москва, провожая Скопина на мѣсто вѣчнаго успокоенія! Рыдала вся, какъ одинъ человѣкъ. Юноши и дѣвы, старцы и зрѣлые мужи, матери съ грудными младенцами, „всякъ возрастъ человѣчъ со слезами и великимъ рыданіемъ" провожали Скопина. И причитала толпа: „И кто у насъ грозно, и предивно, и храбро полки урядитъ? И за кѣмъ намъ радостно и весело на враговъ ѣхать ко брани? Не только государь нашъ подвигомъ своимъ враговъ устрашалъ, но и мыслію помыслитъ на враговъ, на литовскихъ и польскихъ людей, они и отъ мысли твоей далѣе бѣгутъ. А нынѣ мы, какъ скоты безсловесные, овцы, неимѣющія пастыря".

Плакала Москва, провожая своего безвременно погибшаго героя. И потребовала отъ царя, чтобы похоронили князя Скопина вмѣстѣ съ царями, подъ сводами Архангельскаго собора. Дѣйствительно, онъ былъ истиннымъ царемъ, вѣнчаннымъ въ сердцахъ народа! Царь Василій согласился.

Похоронили молодого героя, и другой уже лѣтописецъ прибавляетъ уныло: „Опять возвращаются львы,

---

*) На пирахъ наши предки сидѣли „по отечеству", т.-е. по степени знатности происхожденія. Это и называлось „мѣстничествомъ". Не дай Богъ было кого либо посадить ниже своего мѣста.

опять волки рыщутъ, опять Христово стадо распущено, опять овцы растерзаются!“ Дѣйствительно, тѣ замосковные и заволжскіе „мужички“, которыхъ собралъ и привелъ къ Москвѣ Скопинъ, должны были разойтись. Они шли за своимъ вождемъ, героемъ, котораго знали два года, а теперь, не успѣвъ осмотрѣться въ освобожденной Москвѣ, они явились свидѣтелями такой смуты, о которой и не помышляли. Эти сѣверные „мужички“ представляли изъ себя громадную сплоченную силу, но въ глазахъ общества они не имѣли вѣса и, съ потерею своего героя, потеряли всякое вліяніе. Нужно было все начинать сызнова. А пока пошла „заваруха“, злѣйшая прежней.

X.

Конецъ царствованія Василія Шуйскаго.

Заговоръ противъ царя Василія.—Всеобщее недовольство царемъ.—Пораженіе Дмитрія Ивановича Шуйскаго подъ Клушинымъ.—„Сведеніе“ Василія Ивановича съ престола.—Характеръ Василія Ивановича по словамъ современника.

Не любили царя Василія. Нѣсколько разъ, въ теченіе 1609 года, устраивали заговоры противъ него. Впервые былъ устроенъ заговоръ въ „сырную субботу“, 25 февраля. Заговорщики, князь Романъ Ивановичъ Гагаринъ и Тимофей Васильевичъ Грязной, вмѣстѣ съ толпой народа вошли въ Кремль, къ боярамъ, и требовали, чтобы „царя Василія перемѣнить“. Затѣмъ они пошли въ Успенскій соборъ, взяли оттуда патріарха Гермогена и повели его на Красную площадь, ругаясь и издѣваясь надъ нимъ, бросая ему въ лицо песокъ, соръ и разную дрянь. Патріархъ Гермогенъ стойко выдержалъ всѣ эти поруганія, потому что, несмотря на ссоры съ царемъ Василіемъ,

стоялъ за сохраненіе его на престолѣ. Мятежъ этотъ кончился ничѣмъ. Большинство мятежниковъ отъѣхало въ тушинскій лагерь. Нѣкоторые изъ нихъ потомъ вернулись. Второй заговоръ былъ составленъ на 9 апрѣля, „вербное воскресенье“, въ то время, какъ царь долженъ былъ вести „осля“ подъ патріархомъ. Зачинщикъ заговора, боярин Иванъ Ѳедоровичъ Крюкъ-Колычевъ, былъ изобличенъ, пытанъ и казненъ на Красной площади. Сообщники его посажены въ тюрьму. Всѣ заговоры пріурочивались къ праздничнымъ днямъ, къ большому скопленію народа на улицахъ, когда на царя, тѣснимаго народомъ легко было напасть. Еще замышлялись заговоры на Николинъ день и на Троицынъ и Духовъ день. Всѣ они совпали съ тѣмъ временемъ, когда Москва была отрѣзана тушинцами отъ Коломны, и вслѣдствіе этого голодала. Многіе умирали съ голоду, стрѣльцы и пушкари не получали никакого жалованья, въ народѣ была великая шатость и многіе перебѣгали въ Тушино. Но малѣйшее извѣстіе о приближеніи князя Михаила Скопина поднимало упавшій духъ. Всѣ поднимали голову и начинали весело смотрѣть на міръ Божій. Впрочемъ, промедленіе прихода князя Михаила опять нагоняло тоску и уныніе. Опять начинала „шумѣть“ толпа на Кремлевской площади и снова перебѣгали къ тушинскому Вору. Раздражалъ не только голодъ, но и тайныя казни царя Василія, къ которымъ онъ такъ любилъ прибѣгать, тайное „сажанье въ воду“. Узнавали объ этомъ уже по совершеніи казни и возмущались, негодовали. Гдѣ же обѣщаніе судить судомъ праведнымъ? Не судить безъ бояръ и даже безъ представителей земли? Не судить, не розыскавъ доподлинно?

Все это будило глухое раздраженіе. Но вотъ, 12 марта 1610 года, явился освободитель и герой,—явился

князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ, и все раздраженіе улеглось. Въ Москвѣ настало веселье. Въ обиліи подвозился хлѣбъ и другой харчъ. Князь Михаилъ очистилъ всѣ дороги. Тушинскій Воръ бѣжалъ въ Калугу. Начались ширы и веселье.

И вдругъ князь Михаилъ Скопинъ умираетъ загадочной смертью! Сейчасъ же подозрѣніе падаетъ на Шуйскихъ, на обоихъ Шуйскихъ, хотя, быть можетъ, царь Василій и не былъ виноватъ. Но знали его „хитрость“, знали, что можетъ онъ цѣловать съ улыбкой на устахъ и въ то же время, за спиной, замышлять казни. Зналъ такъ же народъ, что Ляпуновъ въ письмѣ къ Скопину бранилъ царя Василія „укорными словами“, а самаго Скопина „здороваше на царство“. Лѣтописецъ прямо пишетъ: „Вся земля Россійская почитаетъ князя Михаила паче тебя, великій царь. Хотятъ видѣть его скипетроносцемъ“. Знали и то, что царь Василій получаетъ доносы съ „клятвою“. И не могъ же онъ не обращать никакого вниманія на эти доносы! Знали, и раздраженіе противъ царя росло. Со смертью Скопина порвалась послѣдняя связь между царемъ и народомъ. Тутъ еще на бѣду Жолкѣвскій подступалъ изъ Можайска, и Воръ изъ Калуги. Опять два врага сразу! И, вмѣсто Скопина, начальникомъ надъ войскомъ назначили нелюбимаго, трусливаго да еще подозрѣваемаго въ отравленіи популярнаго племянника, Дмитрія Ивановича Шуйскаго. Какая разница между нимъ и храбрымъ, мужественнымъ, свѣтлымъ племянникомъ! Лѣтописецъ про Дмитрія Ивановича пишетъ: „Воевода сердца не храбраго, но обложеннаго женствующими вещами“. Красоту женскую и пищу любилъ Дмитрій Ивановичъ, но не хотѣлъ „натягивать луки и приправлять копья“. Дмитрій Ивановичъ подъ Клушинымъ потерпѣлъ пораженіе отъ пана Жолкѣвскаго. Вернулся

назадъ со срамомъ и позоромъ! И опять мятежники поднимаютъ головы, возвращаются супостаты, прогнанные княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Скопинымъ.

А тутъ еще воръ калужскій съ войскомъ Сапѣги подходилъ къ Москвѣ. И извѣстно было, что тушинскіе бояре посольство подъ Смоленскъ, къ королю Сигизмунду послали.

Потеряли терпѣніе русскіе люди! Прокофій Ляпуновъ прислалъ къ своему брату, Захару Ляпунову, съ понужденіемъ, чтобы Шуйскаго „съ государства ссадить“. Съ кучкою казаковъ вошелъ Ляпуновъ въ Кремлевскій дворецъ и закричалъ на царя: „Долго ли за тебя будетъ литься кровь христіанская? Земля опустѣла, ничего добраго не дѣлается въ твое правленіе. Сжалься надъ гибелью нашею. Положи посохъ царскій, а мы ужъ о себѣ какъ-нибудь промыслимъ“.

— Смѣлъ ты мнѣ вымолвить это, когда бояре мнѣ ничего не говорятъ,—отвѣчалъ Шуйскій и вынулъ ножъ.

„Не тронь меня“, — закричалъ Захаръ Ляпуновъ, „вотъ какъ возьму тебя въ руки, такъ и сомну всего“.

Захаръ Ляпуновъ такъ бы и сдѣлалъ. Это былъ высокій, сильный мужчина. Но товарищи удержали его: „Пойдемъ прочь отсюда“, сказали и пошли на Лобное мѣсто. Пріѣхалъ сюда и патріархъ Гермогенъ. Набралось тутъ такъ много народу, что тѣсно стало, и пошли всѣ за Москву рѣку, къ Серпуховскимъ воротамъ. Тутъ бояре и всякіе другіе люди постановили бить челомъ царю Василію, чтобъ онъ царство оставилъ, въ народѣ-де говорятъ, что онъ, государь, несчастливъ и что кровь изъ-за него льется. Сопротивлялись патріархъ и нѣкоторые бояре, но это не помогло. Послали во дворецъ князя Воротынскаго, и царь Василій долженъ былъ согласиться, оставить престолъ и переѣхать съ женою въ свой преж-

ній боярскій домъ. Но Василій Ивановичъ и тутъ не могъ успокоиться: онъ сносился со своими приверженцами, старался увеличить число ихъ и подкупалъ стрѣльцовъ.

Тогда все тотъ же Захаръ Ляпуновъ, взявъ трехъ князей съ собой и нѣсколько монаховъ изъ Чудова монастыря, попелъ къ Василію Ивановичу Шуйскому и объявилъ ему, что, для успокоенія народа, онъ долженъ постричься. Василій Ивановичъ отчаянно боролся противъ Ляпунова и его товарищей, но постриженіе состоялось. Князь Тюфякинъ произносилъ за него монашескіе обѣты. Василія Ивановича Шуйскаго свезли въ Чудовъ монастырь.

Современникъ Василія Ивановича, дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ, даетъ ему такую характеристику: „Былъ Василій во всемъ нечестивъ, царствовалъ во блудѣ, и пьянствахъ, и кровопролитіяхъ неповинныхъ кровей. Предавался богомерзкой ворожбѣ, думалъ ею утвердиться во царствіи. Поэтому и прониклись ненавистью, что воцарился онъ безъ воли всѣхъ городовъ. Какое начало, таковъ и конецъ. Богъ бо сѣчетъ выи грѣшниковъ“.

XI.

Междуцарствіе.

Боярское правленіе.—Кандидаты на царскій престолъ: В. В. Голицынъ, Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ и королевичъ Владиславъ.—Великое посольство.—Договоръ 17 августа.—Присяга королевичу Владиславу.—„Вѣрники“ Сигизмунда въ Москвѣ. Патріархъ Гермогенъ.—Вступленіе поляковъ въ Москву.—Смѣна пана Гонсѣвскаго паномъ Жолкѣвскимъ.—Патріархъ Гермогенъ во главѣ движенія противъ Сигизмунда.—Избіеніе русскихъ.—Пожаръ Москвы.

Россія осталась безъ правительства.—Туловище безъ головы. „Осиротѣвшая вдова, потерявшая своего мужа и

попавшая въ руки разнузданныхъ рабовъ[1]). „Били челомъ боярамъ, „князю Мстиславскому со товарищи“, чтобы они „приняли московское государство, пока намъ Богъ государя дастъ“. И клялись: „Слушать бояръ и судъ ихъ любить. А выбрать государя на московское государство боярамъ и всякимъ людямъ всею землею“. Времени терять нельзя было. Нужно поскорѣе выбирать государя. А кого выбирать? Очень незначительная часть бояръ хотѣла государя изъ своей среды, или В. В. Голицына или, тогда еще слишкомъ юнаго, Михаила Ѳедоровича Романова. Но большинство бояръ тянуло въ сторону королевича Владислава. Лишь бы онъ принялъ, единую истинную православную вѣру греческаго закона. Но только бы не Вора. Вора бояре боялись, какъ второго плѣненія, какъ опасности попасть въ кабалу къ холопамъ, быть у нихъ въ рабствѣ. Воръ былъ ставленникомъ крестьянъ, холоповъ и казаковъ, вообще тѣхъ элементовъ, которые возставали противъ установившагося государственнаго строя. Лучше смерть, чѣмъ Воръ! А онъ уже былъ въ Коломенскомъ. Нужно спѣшить! Сторонники королевича Владислава послали къ Жолкѣвскому, въ Можайскъ, чтобы шелъ скорѣе. Жолкѣвскій отвѣчалъ льстивою грамотой: „Всѣ великія государства стоятъ своими великими боярами. Король, его милость, съ сыномъ своимъ, королевичемъ, готовъ содержать бояръ во всякой чести и довѣріи и жаловать своимъ господарскимъ жалованьемъ“.

Былъ одинъ человѣкъ, который сильно не желалъ приглашенія королевича Владислава на престолъ и боялся его. Человѣкъ этотъ былъ—патріархъ Гермогенъ. Не вѣрилъ онъ, что Владиславъ приметъ православіе,

---

[1]) Притча изъ „временника“ Ивана Тимоѳеева.

какъ того требовали бояре. Но, хотя онъ былъ нрава крутого и непреклоннаго, однако жъ выжидалъ до поры до времени. Только непремѣннымъ условіемъ поставилъ, чтобы королевичъ Владиславъ принялъ православіе, не-

Патріархъ Гермогенъ. (Съ порт. XVII в.).

въѣзжая въ Москву, въ Смоленскѣ или въ Можайскѣ. Бояре повторили это условіе пану Жолкѣвскому, но онъ отвѣчалъ уклончиво. Время шло. Воръ приближался.

Снарядили къ королю подъ Смоленскъ „великое посольство“ и во главѣ его поставили митрополита Филарета и князя В. В. Голицына. Хотѣли было всѣхъ „выборныхъ“ людей русской земли въ Москву собрать, чтобы сообща все обсудить, да не удалось. „Никакіе люди не бывали и не могли быть“, уже по той простой причинѣ, что нѣкоторыя области, сѣверская и другія, по прежнему тянули къ Вору. Бояре рѣшили довольство-

ваться случайнымъ составомъ собора, и многіе изъ этого собора вошли въ составъ „великаго посольства: „отъ освященнаго собора митрополитъ Филаретъ и отъ думы по человѣку отъ каждаго думнаго чина. При этихъ главныхъ послахъ состояли представители московскихъ придворныхъ чиновъ и московскихъ дворянъ „дворяне съ городовъ“, стрѣлецкій голова и семь стрѣльцовъ, нѣсколько „приказныхъ людей“, пять торговыхъ,—однимъ словомъ это былъ какъ бы земскій соборъ въ миніатюрѣ, всего больше тысячи человѣкъ (1246 ч.).

Договоръ, на основаніи котораго рѣшили пригласить королевича Владислава на престолъ, сильно отличался отъ февральскаго договора. Тотъ былъ составленъ людьми „меньшаго стана“, случайно выброшенными на поверхность общественнаго движенія и желавшими сохранить пріобрѣтенные чины и повышенія. Этотъ же, августовскій, договоръ былъ составленъ людьми родовитыми и носилъ аристократическій характеръ. Въ первую очередь требовали, чтобы Владиславъ, еще въ Смоленскѣ, принялъ православіе, не сносился съ папою, а за отступленіе кого-либо изъ православныхъ отъ греческой вѣры „смертью казнить“. Очевидно, вопросъ вѣры занялъ первое мѣсто, объ него зашнулись, и свелась къ нулю вся сдѣлка съ королевичемъ Владиславомъ. Свою родовитость составители августовскаго договора оградили такой статьей: „Московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ и чести не тѣснить и не понижать“. За то вычеркнуты статьи, касающіяся людей низшаго званія и права выѣзда заграницу. Казалось, все было предусмотрѣно въ этомъ послѣднемъ договорѣ: не мстить за убійство поляковъ, совершенное 17 мая, Марину отослать въ Польшу и запретить ей домогаться престола, осаду со Смоленска снять.

27 августа происходила торжественная присяга московскихъ жителей королевичу Владиславу, на полдорогѣ отъ польскаго стана къ Москвѣ. 28 августа присяга происходила въ Успенскомъ соборѣ. И вотъ къ патріарху, за благословеніемъ, подошли тушинскіе бояре: Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, Мосальскій, Михалко Молчановъ и другіе. Они всѣ, послѣ бѣгства Вора, отъѣхали подъ Смоленскъ, а теперь Сигизмундъ послалъ ихъ въ Москву въ качествѣ своихъ вѣрныхъ людей. Сдвинулись брови патріарха, и онъ сказалъ грозно:

„Если вы пришли правдою, а не лестію, и въ вашемъ умыслѣ не будетъ нарушенія православной вѣрѣ, то будь на васъ благословеніе отъ всего вселенскаго собора и отъ меня грѣшнаго. Если же вы пришли съ лестью, съ злымъ умысломъ противъ вѣры, то будьте прокляты“.

Салтыковъ со слезами сталъ увѣрять патріарха, что „Владиславъ будетъ прямой, истинный государь“. Но патріархъ Гермогенъ благословилъ всѣхъ, кромѣ Михалки Молчанова, завѣдомаго вора и измѣнника: „Окаянный еретикъ! тебѣ не слѣдъ быть въ церкви!“ и велѣлъ выгнать его вонъ. И тѣмъ не менѣе послѣ присяги, всѣ праздновали окончаніе смуты. Всѣ радовались, что не будетъ больше литься кровь христіанская. Одинъ патріархъ никому не довѣрялъ и ко всему зорко присматривался. Злыя опасенія его начинали сбываться. Пріѣхалъ Ѳедька Андроновъ съ тайнымъ наказомъ отъ короля, чтобы потихоньку склонить московскихъ жителей къ присягѣ ему, королю, а не сыну. Вскорѣ пріѣхалъ и Гонсѣвскій съ такимъ же порученіемъ отъ короля. Но онъ, зная враждебное отношеніе жителей къ Сигизмунду, не смѣлъ во

всеуслышаніе говоритъ объ этомъ. Такимъ открытымъ дѣйствіемъ онъ могъ бы испортить все дѣло Жолкѣвскаго. Панъ Жолкѣвскій дѣйствовалъ тихо и вкрадчиво. Онъ зналъ, что для москвичей религіозный вопросъ—самое главное, а король былъ въ ихъ глазахъ злой еретикъ. Поэтому онъ и не касался вопроса о королѣ, а стремился потихоньку занять Москву, подъ тѣмъ предлогомъ, что такъ де легче бороться съ Воромъ.

Патріархъ Гермогенъ страшно воспротивился входу поляковъ въ Москву. А около него группировались дворяне, стрѣльцы, торговые и посадскіе люди. Бояре явились къ патріарху и уговаривали его согласиться на вводъ польскихъ войскъ въ Москву. Дѣло дошло до того, что бояре стали упрекать патріарха Гермогена,—статочное ли это дѣло, что онъ, патріархъ, вмѣшивается въ мірскія дѣла! И послѣ этого приспѣшники Сигизмунда: Салтыковъ, Мстиславскій, Андроновъ, Грамотинъ и другіе разъѣзжали среди толпы и уговаривали ее согласиться на вступленіе поляковъ въ Москву, безъ нихъ-де отъ Вора опасность грозитъ. Толпа успокоилась. И вотъ съ 20 на 21 сентября, ночью, поляки безшумно вступили въ Москву и заняли Кремль, Китай-городъ и Бѣлый городъ. Жолкѣвскій былъ великій дипломатъ и всячески старался расположить къ себѣ русскихъ. Онъ учредилъ даже судъ изъ поляковъ и русскихъ, который долженъ былъ наказывать за проявленіе озорства съ той и съ другой стороны. Русскіе полюбили Жолкѣвскаго. Стрѣльцы готовы были подчиниться любому его приказу, и онъ добился того, что начальство надъ стрѣльцами было поручено Гонсѣвскому. Даже патріарха, все время противившагося вступленію поляковъ въ Москву, Жолкѣвскому удалось склонить въ концѣ концовъ на свою сторону. Но гетманъ Жолкѣвскій отлично понималъ, что все это

расположеніе куплено цѣною отказа короля отъ своихъ честолюбивыхъ стремленій. Онъ отлично понималъ, что русскіе лучшіе люди будутъ твердо держаться на почвѣ августовскаго договора. Поэтому, когда онъ увидалъ, что Сигизмундъ не хочетъ уступить престола сыну, онъ рѣшилъ покинуть Москву. Задушевно провожали его московскіе жители! Забѣгали впередъ, кланялись, благодарили. Точно чуяли они, что тонкій и гибкій Жолкѣвскій увозитъ съ собой миръ и покой.

И, дѣйствительно! панъ Гонсѣвскій повелъ дѣло не такъ. Онъ прежде всего отстранилъ отъ управленія именитыхъ бояръ и старыхъ дьяковъ, а замѣнилъ ихъ тушинскими выскочками, приспѣшниками короля, „вѣрниками“ Сигизмунда, выдвинутыми мутною волною смуты. Не даромъ Ѳедька Андроновъ доносилъ Льву Сапѣгѣ, еще прежде, чѣмъ Гонсѣвскій выѣхалъ въ Москву: „Въ приказы-бъ потреба инпихъ (иныхъ) приказныхъ людей посажать, которые бы его королевскому величеству прямили“. И правда, теперь вершили дѣла другіе люди, худородные, неизвѣстные. Жаловались бояре, что королевичъ еще и въ Москвѣ не бывалъ, а у нихъ у всѣхъ „честь отнялъ“. И горько упрекали они Гонсѣвскаго, что онъ посадилъ около себя новыхъ совѣтниковъ, Михайлу Салтыкова, Ѳедьку Андронова, Ивана Грамотина, и о чемъ онъ съ ними шепчется, имъ даже и не слыхать. Однимъ словомъ, вся власть отошла отъ бояръ къ пану Гонсѣвскому и „вѣрникамъ“ короля Сигизмунда.

По доносамъ Андронова и Салтыкова бояръ сажали „за приставы“, и на основаніи этихъ же самыхъ доносовъ Гонсѣвскій ввелъ въ Кремль нѣсколько сотъ нѣмецкихъ наемниковъ. Но этого мало! Въ одинъ прекрасный день москвичи увидали себя въ осадномъ положеніи.

Поляки захватили ключи отъ городскихъ воротъ, привели весь городъ на военное положеніе, по стѣнамъ и на воротахъ поставили караулы, а на улицы выслали патрули. Отъ мирныхъ русскихъ жителей отобрано было все оружіе. Плотники не смѣли появляться съ топорами, мясники съ ножами. Даже крестьяне изъ окрестныхъ деревень не смѣли привозить мелкія дрова, колья, чтобы московскіе жители не воспользовались ими для обороны. А „лучшіе“ люди, князья Воротынскій и А. Голицынъ, были посажены на ихъ дворахъ „за приставами“. Ихъ обвиняли, по доносамъ Андронова, въ сношеніяхъ съ Воромъ.

А тушинскіе бояре, перешедшіе на сторону короля Сигизмунда съ Мстиславскимъ и Салтыковымъ во главѣ, опять и опять приходили къ патріарху Гермогену и все добивались отъ него, чтобы онъ „благословилъ цѣловать крестъ королю“. Не вытерпѣлъ Гермогенъ и разразился страшнымъ гнѣвомъ. Тогда Салтыковъ бросился на него съ ножомъ. „Крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа“, твердо сказалъ патріархъ. Теперь онъ зналъ, какъ дѣйствовать. Онъ собралъ въ Успенскій соборъ московскихъ гостей и торговыхъ людей, объяснилъ имъ все и строго запретилъ присягать королю. И клялись московскіе люди, „что имъ королю креста не цѣловать“.

Такъ выступилъ патріархъ Гермогенъ на борьбу съ королемъ Сигизмундомъ. Какъ разъ въ это время умеръ Воръ (11 декабря 1610 года), и распалось великое посольство, посланное подъ Смоленскъ.

Въ вербное воскресенье, 17 марта, патріарха, за которымъ былъ строгій надзоръ, освободили съ тѣмъ, чтобы онъ могъ принять участіе въ шествіи на осляти. Но народъ побоялся идти за вербою. Разнесся слухъ, что

Салтыковъ и поляки хотятъ избить русскихъ. Сверхъ ожиданія воскресенье и понедѣльникъ прошли тихо. Однако же поляки втаскивали пушки на стѣны Китай-Города и Кремля, готовясь къ нападенію. Дѣйствительно, въ московскія слободы пробрались ратные люди изъ Ляпуновскихъ полковъ. Между ними были и начальники: князь Пожарскій, Бутурлинъ, Колтовской. Во вторникъ кто-то сталъ понуждать извощиковъ помогать полякамъ втаскивать пушки. Извощики отказались, и началась ссора. Тогда ввязался восьмитысячный отрядъ нѣмцевъ, перешедшихъ послѣ Клушина на сторону поляковъ, и началъ избивать русскихъ. Къ нимъ присоединились поляки, и началась страшная рѣзня. Русскіе совершенно не ожидали этого нападенія. Ихъ погибло въ Китай-городѣ всего до 7000 человѣкъ.

За то въ Бѣломъ городѣ русскіе успѣли укрѣпиться. Загородили улицы столами, скамьями, бревнами и стрѣляли въ поляковъ и нѣмцевъ изъ-за этихъ укрѣпленій. На Срѣтенкѣ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій остановилъ поляковъ, вогналъ ихъ въ Китай-городъ и поставилъ себѣ острожекъ у Введенья на Лубянкѣ. Поляки, запертые въ Кремлѣ и Китай-городѣ, рѣшили выгнать непріятеля огнемъ. Они съ нѣсколькихъ сторонъ подожгли Москву. Пламя разлилось огненнымъ моремъ по всему Бѣлому городу и по всѣмъ слободамъ. Но этого было мало. Поляки запалили и Замоскворѣчье. А сами напали на князя Пожарскаго съ тылу. Князь Дмитрій Михайловичъ бился отчаянно, пока его всего израненнаго не отвезли въ Троицкій монастырь. Когда пожаръ стихъ, то московскіе жители остались безъ крова и безъ пріюта. Они пришли съ повинной къ Гонсѣвскому, и онъ заставилъ ихъ снова цѣловать крестъ королевичу Владиславу.

XII.

Первое ополченіе.

Грамоты патріарха Гермогена.—Утѣсненіе его поляками и заступничество Ляпунова.—„Второй Златоустъ“.—Заключеніе его въ темницу.—„Благословеніе“ собирать рать. Первое ополченіе 1611 года.—Прокофій Ляпуновъ.—Троеначальники.—„Приговоръ“ Ляпунова 30 іюня 1611 года.—Негодованіе казаковъ.—Подложная грамота.—Убійство Ляпунова.

Какъ огненныя стрѣлы, летѣли грамоты патріарха Гермогена въ самые отдаленные уголки Россіи! Онѣ возжигали готовыя вспыхнуть сердца и воспламеняли все, какъ небесный огонь. Всполошились поляки. Хотѣли замкнуть уста вдохновенному старцу. Липили его дьяковъ, подъячихъ и всей его обычной обстановки. Тогда возмутился Прокофій Ляпуновъ. Писалъ онъ московскимъ боярамъ негодующія письма, что „патріарха подвергли мірскому гоненію и тѣснотѣ“. Письма подѣйствовали. Съ этихъ поръ патріарху стало жить поволнѣе и дворовыхъ людей ему вернули. Но не надолго.

Волновались поляки. Волновались и тушинскіе бояре, находившіеся въ Москвѣ. Видѣли они, что вся сила въ патріархѣ Гермогенѣ, что всѣ нити сходятся къ нему, что, сидя въ Кремлѣ, сверкаетъ онъ на всю Россію, какъ „крѣпкій адамантъ“.

И голосъ его, мощный, сильный, призывный, волнуетъ народъ и достигаетъ самыхъ глухихъ угловъ. Встаетъ Россія. Встаетъ, какъ одинъ человѣкъ. Встаетъ, объединяется, сплачивается. Рать за ратью идетъ къ Москвѣ. И вотъ они уже близко. Куда дѣлась прежняя растерянность, неопредѣленность, сомнѣнія? Все исчезло передъ одною мыслью о спасеніи родины. А „второй Златоустъ“ все говоритъ и говоритъ. И звучитъ его го-

лосъ, какъ труба въ день судный. Неужели нельзя силой заставить замолчать его?

Приходитъ къ нему Салтыковъ и заявляетъ рѣшительно: „Ты писалъ, чтобы ратные люди шли къ Москвѣ. Теперь напиши имъ, чтобы возвратились назадъ“.

— Напишу,—отвѣтилъ Гермогенъ,—если ты, измѣнникъ, съ литовскими и польскими людьми выйдешь вонъ изъ Москвы. Если же вы останетесь, то всѣхъ благословляю помереть за православную вѣру. Вижу ей поруганіе, вижу раззореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ нѣміе латинское и не могу терпѣть.

И взяли патріарха Гермогена подъ стражу. До конца дней своихъ томился онъ на кирилловскомъ подворьѣ, „аки птица въ заклепѣ“. Но „безстрашные“ люди изъ Нижняго-Новгорода и другихъ городовъ какимъ-то чудомъ проникали къ заключенному патріарху. Носили къ нему „совѣтныя челобитныя“ и „отписки“, а отъ него просили „подлинныхъ вѣстей и указаній“, что дѣлать. И великій старецъ, тѣснимый, заключенный, одинокій, продолжалъ метать противъ враговъ свои громы и молніи. Продолжалъ воспламенять сердца небеснымъ огнемъ и уготовлялъ ихъ умереть за родину.

Со всей Россіи взирали на патріарха Гермогена, какъ на „единое начальное лицо“, не растерявшееся въ трудную минуту, не поддавшееся кривой и коварной политикѣ Сигизмунда. Съ тѣхъ поръ, какъ король Сигизмундъ распустилъ „великое посольство“, нѣкоторыхъ съ позоромъ отослалъ домой, а главныхъ, В. Голицына и митрополита Филарета, взялъ подъ стражу, патріархъ Гермогенъ освободилъ православный народъ отъ присяги королевичу Владиславу. И, дѣйствительно, что значила присяга королевичу Владиславу, когда главный пунктъ договора,—принятіе королевичемъ православія,

оставался невыполненнымъ, когда не сынъ, но отецъ хотѣлъ занять престолъ и къ этому велъ всю свою измѣнническую политику. Патріархъ Гермогенъ, сидя въ заклепѣ, „благословлялъ“ собирать рати. И вставала Русь, какъ одинъ человѣкъ. Одновременно вспыхнули очаги возстанія въ Нижнемъ-Новгородѣ, Ярославлѣ, Рязани. Собирались на поляковъ сѣверскіе и украинные города, поволжскіе подмосковные и понизовые. Послѣ смерти Вора некуда было дѣться казакамъ. Не было у нихъ надежды посадить своего царька. Этимъ воспользовался Прокофій Ляпуновъ. Энергичный, горячій, предпріимчивый, онъ не хотѣлъ, чтобы даромъ пропадала великая казацкая сила. Онъ всѣхъ ихъ звалъ подъ Москву. И вотъ во второй половинѣ марта 1611 года собрались подъ стѣнами столицы многія земскія и казацкія дружины. Такъ образовалось знаменитое первое ополченіе 1611 года!

Желая привлечь какъ можно больше народа, Ляпуновъ обѣщалъ, что всѣмъ будетъ „воля и жалованье“, чтобы шли безъ „сомнѣнія и боязни“, какъ и „инымъ казакамъ“ будетъ „воля, жалованье, порохъ и свинецъ“. Это заставило всю несмѣтную рать съ Волги, съ Дона, изъ Сѣверы, Украйны и Поля собраться подъ Москву. Кого, кого тутъ не было! Были тутъ старыя войска царя Василія и отряды изъ рати Скопина. Тушинскіе бояре и воеводы, и ратные люди, служившіе Вору, были тоже тутъ. Наконецъ, казачьи скопища, съ Заруцкимъ и Просовецкимъ во главѣ. Прокофій Ляпуновъ былъ во главѣ перваго слоя, въ который входили дворяне, дѣти боярскія, мужики съ Клязьмы. А во главѣ бывшихъ приверженцевъ Вора стоялъ князь Трубецкой.

Поляки занимали Кремль, Китай-городъ и западныя башни каменнаго Бѣлаго города, и трудно было выбить

ихъ изъ ихъ позицій. Нѣсколько разъ пробовало первое ополченіе овладѣть крѣпостями, и все неудачно. Но вдругъ 6 апрѣля, рано утромъ, поляки услыхали шумъ. Взглянули,—а русскіе уже на стѣнахъ Бѣлаго города. Русскіе овладѣли частью стѣны, и у поляковъ осталось только пять воротъ и башенъ. Съ этого времени начались ежедневныя вылазки поляковъ и схватки съ ними русскихъ. Изо всѣхъ русскихъ воеводъ выдавался своею храбростью и отвагой Прокофій Ляпуновъ. „Всего московскаго воинства властель скачетъ по полямъ всюду, какъ левъ рыкая“, говоритъ про него лѣтописецъ. Поляки писали королю подъ Смоленскъ: „Рыцарству на Москвѣ тѣснота великая. Сидятъ въ Китаѣ и въ Кремлѣ въ осадѣ, ворота всѣ поотняты, пить, ѣсть нечего“. Правда, въ началѣ мая, на Поклонной горѣ раскинулся лагеромъ Янъ Сапѣга. Но онъ велъ какую-то двойную политику. То онъ началъ переговоры съ Ляпуновымъ, то опять передался Гонсѣвскому. Понять его было трудно.

Но если поляки и русскіе въ осадѣ голодали, то и великому ополченію тоже нужно было подумать о прокормленіи. И не только о прокормленіи, но и объ организаціи. Бояре, сидѣвшіе въ Москвѣ, были безсильны. Вся власть давно перешла въ руки Гонсѣвскаго. И вотъ великая рать „всею землею“ избрала троеначальниковъ: князя Д. Трубецкаго, атамана Ивана Заруцкаго и думного дворянина Прокофія Ляпунова. Они должны были собирать „совѣтъ всея земли“ для рѣшенія разныхъ дѣлъ, и имъ принадлежала вся фактическая власть. Подъ „всею землею“ нужно тутъ понимать ту великую рать, которая собралась въ это время подъ Москвою.

Трудно было выбрать людей менѣе подходящихъ другъ къ другу, чѣмъ, съ одной стороны Трубецкой и Заруцкій, а съ другой Ляпуновъ. Прокофій Ляпуновъ

былъ представителемъ средняго слоя служилаго населенія, дворянъ и дѣтей боярскихъ. Онъ являлся сторонникомъ стараго порядка и старался все устроить такъ, какъ было при прежнихъ московскихъ царяхъ. Ему хотѣлось „возстановить“ исконный порядокъ, попранный бурнымъ движеніемъ смуты. Трубецкой и Заруцкій были представителями новаго теченія. Они оба стояли во главѣ казачества и элементовъ, выдвинутыхъ смутой, пришедшихъ къ стѣнамъ Москвы съ безграничными чаяніями, вожделѣніями и требованіями. Прокофій Ляпуновъ самъ привлекъ казаковъ обѣщаніями, „воли и жалованья“. Но только въ знаменитомъ приговорѣ 30 іюня онъ разъяснилъ, что онъ подъ этими понимаетъ.

А пока ненависть между троеначальниками росла. Атмосфера сгущалась. Прокофій Ляпуновъ былъ человѣкъ честолюбивый и держалъ себя гордо и заносчиво. Про него даже ходили одно время слухи, конечно неосновательные, что онъ домогается царскаго престола. Но гордъ онъ былъ непомѣрно, такъ что даже своихъ сторонниковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, раздражалъ своею гордостью. И въ эту атмосферу, раскаленную страстью и ненавистью, вдругъ приходитъ извѣстіе о сдачѣ Смоленска. Смоленскъ сдался. Воеводу смоленскаго, Шеина, пытали, а потомъ повергли въ тюрьму. Торжествующій Сигизмундъ поѣхалъ въ Варшаву праздновать взятіе строптиваго города. Онъ думалъ, что со взятіемъ Смоленска, вся Россія—его. Главари бывшаго великаго посольства, В. Голицынъ и митрополитъ Филаретъ, терпятъ заключеніе, голодъ и позоръ. Такой же позоръ терпитъ бывшій московскій царь, Василій Ивановичъ Шуйскій, котораго вмѣстѣ съ братьями увезли въ Польшу и пересылаютъ изъ города въ городъ.

Всѣ эти извѣстія не улучшили, а ухудшили настрое-

ніе въ ополченіи. Но Прокофій Ляпуновъ не унывалъ. Собравъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, онъ 30 іюня 1611 года, издалъ свой знаменитый приговоръ, вызвавшій въ сердцахъ главарей и казаковъ бурю негодованія. Виновникомъ считали одного Ляпунова, и вся сила страстей обрушилась на него. Чѣмъ же такъ раздражилъ этотъ приговоръ? Прокофій Ляпуновъ хотѣлъ „порядка“, и образецъ порядка онъ видѣлъ въ прежнемъ строѣ. И прежніе московскіе цари награждали за военную службу землями, но они дѣлали это, щадя народное богатство. За выслугу лѣтъ опредѣлялись установившіеся „оклады“. Для Вора же и Сигизмунда никакихъ установленныхъ размѣровъ земельныхъ наградъ не существовало. Они дарили помѣстья направо и налѣво, всѣмъ, кто „прямилъ“ имъ, нисколько не думая о томъ, что такимъ образомъ они расхищаютъ народное земельное богатство. Съ ихъ легкой руки началось прямое хищеніе земельныхъ богатствъ разными воеводами и головами. Прокофій Ляпуновъ въ своемъ приговорѣ ограничилъ вознагражденіе служилыхъ людей размѣромъ прежнихъ окладовъ. Этимъ постановленіемъ онъ ударилъ по карманамъ тѣхъ воеводъ, которые его окружали. Такъ, напримѣръ, Заруцкій, пользуясь смутнымъ временемъ, много нахваталъ себѣ помѣстій, городовъ и волостей. И этотъ пунктъ долженъ былъ возбудить въ сердцахъ Трубецкого, Заруцкаго и имъ подобныхъ, бурю негодованія. Но особенно негодовала вся масса казачества. Обѣщаніе „воли и жалованья“ разъяснялось въ томъ смыслѣ, что на нихъ могутъ разсчитывать „старые казаки“, которые служатъ „старо“ и признаны оффиціально. Имъ обѣщано было „помѣстное верстаніе“ и „денежные оклады“, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они несли по отношенію къ государству правильную службу.

Этимъ самымъ ограничивалась ихъ прежняя свобода и вольность. Что же касается „боярскихъ крестьянъ и людей“, то ихъ слѣдуетъ отдавать назадъ старымъ помѣщикамъ, если помѣщики этого потребуютъ. Приговоръ явно признавалъ крѣпостной порядокъ, тотъ порядокъ, протестомъ противъ котораго являлось все казачество.

Но этого мало! Прокофій Ляпуновъ поставилъ своей задачей бороться съ казачьимъ своеволіемъ, казачьими разбоями. Казаки, человѣкъ по двѣсти, разъѣзжали по дорогамъ, въѣзжали въ села, деревни, города и посады, всюду жгли, грабили и били людей. Прокофій Ляпуновъ въ своемъ приговорѣ разрѣшаетъ казакамъ выѣзжать изъ табора „для кормовъ“ только съ „добрыми людьми изъ дворянъ“, а отнюдь не съ атаманами, которымъ онъ не довѣрялъ. Ляпунову хотѣлось, чтобы подъ Москву всякіе ратные и торговые люди ѣхали безъ опасенья, чтобы людямъ подъ Москвою ни въ чемъ нужды не было. Ляпуновъ хотѣлъ добра своимъ ратнымъ людямъ, но казаки и ихъ атаманы восприняли это, какъ величайшее оскорбленіе. Во-первыхъ, казаки и не думали подчиниться постановленіямъ приговора, а по прежнему грабили и избивали людей. Тогда Ляпуновъ велѣлъ ловить грабителей и наказывать. Это раздувало ненависть противъ Ляпунова. Ненависть эта усилилась и достигла высшей точки, когда въ казачьемъ станѣ появилась грамота, писанная будто бы Ляпуновымъ. На самомъ дѣлѣ эта грамота была написана и пущена въ ходъ Гонсѣвскимъ, для котораго Ляпуновъ, талантливый, энергичный и убѣжденный, былъ, какъ бѣльмо на глазу. Эта грамота гласила: „Гдѣ поймаютъ казака—бить и топить. А когда, дастъ Богъ, государство московское успокоится, то мы весь этотъ злой народъ (казаковъ) истребимъ“. Не могъ Ляпуновъ такъ писать! Когда ему показали эту грамоту,

то онъ сказалъ: „Рука похожа на мою, только я не писалъ“. Ляпуновъ говорилъ правду. Но ему не повѣрили. Какъ разъ до появленія этой злополучной грамоты какой-то безтолковый сторонникъ Ляпунова, Матвѣй Плещеевъ, поймалъ двадцать восемь казаковъ на воровствѣ и всѣхъ ихъ посадилъ въ воду. Товарищамъ удалось спасти казаковъ и привести ихъ въ таборъ. Но это, конечно, подлило масла въ огонь.

Теперь же злополучная, подложная грамота явилась тою каплею, которая переполнила чашу терпѣнія казаковъ. Несмотря на то, что Ляпуновъ отрицалъ свою вину, казаки не повѣрили, окружили его съ саблями на-голо, повалили и тутъ же убили. За Ляпунова вступился его недругъ, Иванъ Никитичъ Ржевскій, котораго возмутила столь жестокая расправа. Онъ только сказалъ: „За посмѣхъ вы Прокофья убили. Прокофьевой вины нѣтъ“. Набросились и на него. Ржевскій тутъ же упалъ мертвымъ.

Земскія дружины остались безъ вождя. Страхъ напалъ на нихъ. Были они разбросаны между казачьими таборами, такъ, что дѣйствовать сообща не могли. Оставалось имъ одно—бѣжать. И началось поголовное бѣгство служилыхъ людей. Подъ Москвою остались казаки. Они явились господами положенія.

О Прокофіи Ляпуновѣ въ народѣ сохранились самыя лучшія воспоминанія, которыя вылились въ слѣдующей пѣснѣ [1]):

Прокопъ Ляпуновъ.

Какъ было-то у насъ, на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ.
Было время военное, времячко тяжелое.

---

[1]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ.

Зополонила-то Москву погана Литва,
Погана Литва, проклята Польска сторона.
Какъ ужъ жилъ тутъ поживалъ нечестивый Гужмундъ [1]);
Жилъ онъ во святыихъ мѣстахъ,
Во святыхъ мѣстахъ, въ царскихъ русскихъ теремахъ [2]).
Недолго продолжалась его московская веселая жизнь,
Недолго продолжалась, только много горя намъ накачалось.
Многи русскіе бояре нечестивцу отдались,
Нечестивцу отдались, отъ Христовой вѣры отреклись;
Ужъ одинъ-то боярин, думный воеводушка, крѣпко вѣру защищалъ,
Крѣпко вѣру защищалъ измѣнниковъ отгонялъ:
Ужъ какъ думный воевода былъ Прокофій Ляпуновъ.
Какъ Прокофій-то Петровичъ разослалъ своихъ гонцовъ,
Какъ Прокофій Ляпуновъ роздалъ письма гонцамъ;
Роздалъ письма гонцамъ, и приказъ имъ приказалъ:
„Поѣзжайте вы, гонцы, на всѣ русскіе концы,
„На всѣ русскіе концы, во большіе города!
„Вы просите воеводъ идти съ войскомъ сюда,
„Свободить городъ Москву, защищать вѣру Христа“.
Какъ узналъ то Гужмундъ отъ своихъ измѣнниковъ бояръ,
Что разослалъ-то Ляпуновъ гонцовъ въ города,
Гонцовъ въ города, просить воеводъ съ войсками сюда,
Распалился, разсердился нечестивый Гужмундъ;
Распалившись, велѣлъ воеводушку убить,
Того ли воеводу, Прокофья Ляпунова.
И убили злы измѣнники воеводушку.
Какъ и двинулись думны воеводы со большихъ городовъ:
Всѣ большіе города: Казань, Нижній пришли съ войскомъ сюда.
Какъ и начали Русаки погану Литву колоть-рубить,
Погану Литву рубить, нечестиваго Гужмунда [3]) веревкой душить:
Удушили, все нечестивое племя изъ Москвы повыгнали.

---

[1]) Гужмундъ—Сигизмундъ (подъ Сигизмундомъ подразумѣваются поляки).
[2]) Сигизмундъ не жилъ въ Москвѣ. Очевидно, дальше подъ Гужмундомъ подразумѣвается или панъ Гонсѣвскій, котораго подозрѣвали въ томъ, что онъ желалъ гибели Ляпунова, или поляки вообще.
[3]) Тутъ, очевидно, подъ Гужмундомъ подразумѣваются всѣ вообще поляки.

XIII.

Начало движенія въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Непріязненное отношеніе къ казакамъ.—Коварство казачества, изобличенное патріархомъ Гермогеномъ.—Троицкая братія и ея отношеніе къ казакамъ.—Мученическая кончина патріарха Гермогена. — Всеобщее уныніе, смѣнившееся религіознымъ подъемомъ.—Движеніе въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Избраніе Минина земскимъ старостой и окладчикомъ. Избраніе князя Пожарскаго воеводою.

Убійство Ляпунова произвело на всѣхъ ужасное впечатлѣніе. Вождь земскаго ополченія, представитель порядка—палъ! Земское ополченіе разсѣялось. Остались казаки, въ „прямоту“ и честность которыхъ никто не вѣрилъ.

„А подъ Москвою, господа“, пишутъ казанцы пермичамъ, „промышленника и поборателя по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную христіанскую вѣру и за домъ Пречистой Богородицы противъ польскихъ и литовскихъ людей, Прокофія Петровича Ляпунова, казаки убили, преступя крестное цѣлованіе“.

Всѣ люди казанскаго государства, татары, чуваши, черемисы и вотяки снеслись съ Нижнимъ-Новгородомъ и поволжскими городами, чтобы „быть всѣмъ въ совѣтѣ и соединеньи за московское государство“. Клялись другъ друга не побивать, не грабить и дурного ни надъ кѣмъ не учинять. „Быть всѣмъ по прежнему и казаковъ въ городъ не пускать и стоять на томъ крѣпко до тѣхъ поръ, пока намъ кого-нибудь Богъ дастъ на московское государство. А выбрать бы намъ на московское государство государя в с е ю з е м л е ю. А если казаки начнутъ избирать по своему изволенію, одни, не сославшись „съ землею“, и намъ того государя на государство не хотѣть“.

Эта боязнь казаковъ, опасенія передъ ними оправдались. Правда, казаки отбили отъ поляковъ Ново-Дѣвичій

монастырь, но, отбивъ его, они произвели тамъ такой разгромъ, чинили такое насиліе и безчинство надъ монахинями, что многіе „честные“ люди, еще остававшіеся среди казаковъ, искали себѣ смерти. Подошелъ Сапѣга съ войскомъ и съ припасами. Съ нимъ бились казаки три дня, и все-таки не могли воспрепятствовать ему проникнуть въ Кремль и доставить осажденнымъ пищевые продукты. Сапѣга не только спокойно проникъ въ Кремль, но и отбилъ отъ казаковъ нѣсколько башенъ и часть стѣны Бѣлаго города. А казаки „стояли“ подъ Москвою, оставляя безъ прикрытія часть дороги изъ Кремля и въ Кремль. „Стоять“—значило пользоваться доходами, т.-е. грабить окрестные города, дворцовыя села, богатыя вотчины и волости. Теперь, послѣ смерти Ляпунова, никто имъ не препятствовалъ въ этомъ, а главный ихъ атаманъ, Ивашко Заруцкій, даже покровительствовалъ. Но свободнымъ проходомъ въ Кремль воспользовались не одни поляки. Имъ воспользовались разные „безстрашные“ люди [1]). Изъ Нижняго-Новгорода приходили Родя Мо-

---

1) Въ это время было много героевъ безъизвѣстныхъ, о которыхъ не сохранилось свѣдѣній ни у лѣтописцевъ, ни у историковъ. Такъ, напримѣръ, о славномъ Иванѣ Сусанинѣ, о которомъ позднѣе сложилась цѣлая легенда, мы находимъ лишь указанія у поляка Маскѣвича. Вотъ что онъ разсказываетъ: „Въ мартѣ 1612 года пробирались мы на помощь своимъ, въ Московскій Кремль. Гдѣ-то вблизи Волоколамска, въ деревнѣ Вишенцѣ, мы поймали стараго крестьянина и взяли его проводникомъ, чтобы не заблудиться и не набресть на Волокъ, гдѣ стоялъ сильный непріятель. Онъ велъ насъ въ одной мили отъ Волока; ночью же нарочно повернулъ къ этому мѣсту. Уже мы были отъ него въ одной только верстѣ; къ счастью, попался намъ Руцкій, который въ то время, проводивъ товарищей, вышедшихъ изъ столицы къ пану Гетману, возвращался подъ самыми стѣнами Волока на свои квартиры на Рузу, гдѣ стоялъ съ казацкой ротою. Отъ него узнали мы, что сами идемъ въ руки непріятеля, и поспѣшили воротиться. Проводнику отсѣкли голову. Но страха нашего никто не вознаградитъ“.

А какъ много было такихъ безъизвѣстныхъ героевъ, скромныхъ и незамѣтныхъ, воспоминанія о которыхъ не сохранились даже и въ такомъ скудномъ видѣ.

сѣевъ и Романъ Пахомовъ. Они уже не въ первый разъ проникали къ заточенному патріарху Гермогену. И теперь проникли къ нему и просили грамотъ и словесныхъ увѣщаній и наставленій. Давно ждалъ ихъ замученный старецъ. Зналъ онъ, что дни его сочтены, а мыслью о распаденіи перваго ополченія не могъ не волноваться. Неужели погибнуть великому начинанію?! Зналъ онъ о происках казаковъ и о томъ, что хотятъ они на царство Маринкина сына. Писалъ въ своихъ послѣднихъ грамотахъ, что „отнюдь на царство проклятаго паньина Маринкина сына не хотѣть“. И велѣлъ всюду говорить „безстрашно“, что „проклятый отнюдь не надобе“. „А если и пострадаете за это“, — прибавилъ святитель, — „то Богъ васъ на томъ проститъ и разрѣшитъ въ семъ вѣкѣ и въ нынѣшнемъ“. И не только грамоты велѣлъ распространять, но ходить изъ города въ городъ и проповѣдывать на словахъ, призывать къ новому ополченію противъ двухъ враговъ: поляковъ и казаковъ.

Грамоты и наставленія патріарха Гермогена раскрыли всѣмъ глаза. Не видѣла пока истины только Троицкая братія. Но это происходило оттого, что троицкіе монахи сами нуждались въ защитѣ казаковъ. Изъ Москвы, какъ и изъ другихъ мѣстъ, „всѣми путьми“ бѣжали въ Троицо-Сергіевскую лавру. Монахи и монастырскіе слуги строили больницы, дворы и избы разныя. Собирали запасы для призрѣваемыхъ въ этихъ больницахъ и странно-пріимныхъ домахъ. Питали и лѣчили больныхъ, хоронили умершихъ. Ѣздили по дорогамъ и лѣсамъ и смотрѣли, чтобы звѣри не ѣли замученныхъ отъ враговъ, мертвыхъ и умирающихъ. Всѣхъ подбирали и отвозили въ свой монастырь. Троицкіе монахи, въ своей неустанной и кипучей дѣятельности, не могли разобраться во всѣхъ тонкостяхъ причинъ расхожденія

между казаками и первымъ ополченіемъ. Въ казакахъ они видѣли своихъ друзей и защитниковъ. И казаки въ нихъ искали поддержки. Когда осенью къ Москвѣ подошелъ Ходкѣвичъ, то воевода Трубецкой писалъ въ монастырь и просилъ у него „пѣшихъ троицкихъ слугъ и служебниковъ со свинцомъ и съ зельемъ“. А позднѣе казаки обращались къ монахамъ съ просьбою написать грамоты.

Но въ началѣ 1612 года и троицкая братія прозрѣла и увидала въ истинномъ свѣтѣ поведеніе казаковъ. Въ началѣ 1612 года умеръ патріархъ Гермогенъ, замученный голодомъ въ своемъ сыромъ и мрачномъ подземельѣ. Вѣсть объ этомъ, какъ громомъ поразила всѣхъ, видѣвшихъ въ великомъ старцѣ свѣтильникъ истины и правды. Умеръ святитель! Кто же будетъ теперь воодушевлять своими огненными словами, и призывать на врага, и снова собирать великую рать? Нашло на людей уныніе. Казалось, что всѣ бѣдствія свалились на русскую землю и нигдѣ нѣтъ просвѣта. Богъ наказываетъ за грѣхи свои и чужіе. И въ связи съ этимъ сознаніемъ грѣховности явился вдругъ страшный религіозный подъемъ. Многіе люди по разнымъ городамъ и одновременно имѣли видѣнія. Во Владимірѣ простая посадская женщина объявила воеводѣ, что „пречудная женщина“ велѣла ей проповѣдывать по всему городу „трехдневный постъ и молитву“. Въ Нижнемъ-Новгородѣ какому-то „многогрѣшному Григорію“ было видѣніе. Явились два небожителя и открыли будущую судьбу Москвы. И когда легенда разсказываетъ о видѣніяхъ Минину, то это вполнѣ соотвѣтствуетъ тогдашнему состоянію умовъ. У Минина, простого посадскаго человѣка, „говядаря“, т.-е. „продавца говядины и рыбы“, явилась мысль подготовлять созывъ рати. Но не было смѣлости, потому-

что онъ считалъ себя „меньшимъ“, послѣднимъ человѣкомъ. И вотъ во снѣ къ нему является преподобный Сергій. Является разъ, является вторично, и, наконецъ, Мининъ заболѣваетъ за „небреженіе“ къ видѣнію. Тогда видитъ онъ во снѣ преподобнаго Сергія въ третій разъ, и святой ободряетъ его такими словами: „Старѣйшіи въ таковое дѣло не внидутъ, наипаче юнніи начнутъ творити!“ Послѣ третьяго видѣнія Мининъ получилъ увѣренность въ своихъ силахъ. Онъ собралъ въ земской избѣ своихъ избирателей, все посадскихъ людей, и объявилъ имъ о своемъ снѣ и связанныхъ съ нимъ намѣреніяхъ.

Прежде, чѣмъ собирать рать, нужно было собрать „казну“, чтобы ратные люди ни въ чемъ не нуждались, чтобы они были сыты, одѣты и обуты. Посадскіе люди, т.-е. „меньшіе“ по своему общественному положенію, избрали Минина земскимъ старостой. Они „всѣмъ міромъ“ оказали ему довѣріе. Въ земскіе старосты избирали людей прямыхъ и честныхъ, „которые бъ душою были прямы и всѣмъ посадскимъ людямъ любы“. Въ переживаемое Россіей время такіе люди были рѣдки. Всюду наблюдалась „шатость“ и „воровство“. Мининъ былъ однимъ изъ этихъ немногихъ. Онъ былъ, дѣйствительно, честный человѣкъ и исполнилъ свое дѣло превосходно. На него возложили обязанности „окладчика“. Онъ долженъ былъ собирать окладъ. Окладъ опредѣлялся въ третью, пятую, десятую долю имущества, слѣдовательно ложился, главнымъ образомъ, на богачей. У кого три тысячи, тотъ давалъ тысячу, а у кого три рубля, тотъ давалъ рубль. Мининъ первый выложилъ передъ людьми все свое имѣніе, мало что въ дому оставивъ.

Когда наладился сборъ казны, тогда явилась мысль о воеводѣ. Кого же избрать? Мининъ, первый, указалъ

на князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Почему именно на Пожарскаго? Пожарскій въ это время и въ Нижнемъ не жилъ. Онъ лѣчился отъ ранъ въ своей Мугрѣевской вотчинѣ, Суздальскаго уѣзда. Но всѣ ухватились за него, потому что у него была безупречная репутація. Въ это время всеобщей „шатости“ и „воровства“, онъ одинъ изъ немногихъ не шатался, никогда не служилъ тушинскому Вору, не заискивалъ передъ Сигизмундомъ. Прежде служилъ царю Василію и даже получилъ грамоту за свою крѣпкую службу. А потомъ бился съ поляками и былъ раненъ въ схваткѣ съ ними. Это былъ человѣкъ твердый, крѣпкій, цѣльный. Это былъ человѣкъ необыкновенно скромный, который всегда прятался за то дѣло, во имя котораго дѣйствовалъ. Этимъ объясняется то, что бояре, дворяне и духовенство, пріѣхавшіе просить его, не разъ и не два просили, а „многожды“. Онъ, наконецъ, согласился. И только тогда, когда во главѣ стали эти два столпа русской народности, эти два истинно русскіе героя и даже скорѣе подвижника, только тогда можно было поручиться за исходъ дѣла.

И когда князь Пожарскій согласился взять на себя воеводство, тогда и Мининъ рѣшился выработать условія, на которыхъ онъ подчинялъ себѣ жертвователей. Безъ условія нельзя было обойтись. Настроеніе могло пройти. Готовность жертвовать могла исчезнуть, и тогда рухнуло бы великое начинаніе!

Минину хотѣлось утвердить все на непоколебимомъ основаніи. И онъ предложилъ такой приговоръ: „Стоять за истину всѣмъ безъизмѣнно, къ начальникамъ быть во всемъ послушными и покорливыми и не противиться имъ ни въ чемъ; на жалованье ратнымъ людямъ деньги давать, а денегъ не достанетъ—отбирать не только имущество, а и дворы, и женъ, и дѣтей закладывать, прода-

Сборъ пожертвованій въ Нижнемъ-Новгородѣ.

вать, а ратнымъ людямъ давать, чтобы ратнымъ людямъ скудости не было“. На томъ нижегородцы „дали Богу души свои“, „не пощадили себя ни въ чемъ“.

Выраженіе „женъ и дѣтей“ закладывать, конечно, не нужно понимать буквально. Это обозначаетъ лишь степень, мѣру жертвы: ни передъ чѣмъ не останавливаться! Мининъ, для вѣрности, приговоръ тотчасъ же послалъ Пожарскому, чтобы не вздумали его взять назадъ. Нужно было употребить всѣ мѣры, чтобы „закрѣпить“ назрѣвшее настроеніе, не дать ему разсѣяться, выковать желѣзную броню изъ расплавленнаго металла. И Мининъ, и Пожарскій ковали. Мининъ собиралъ пожертвованія, Пожарскій стягивалъ людей. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ это время мало было служилыхъ людей. Но пришли изъ другихъ мѣстъ. Случайно бродили по Россіи служилые люди, вытѣсненные съ „литовской границы“ Сигизмундомъ: смольняне, дорогобужане, вязьмичи. Они пришли въ Нижній и просились на службу. Ихъ приняли „честно“, обѣщали жалованье. Они и составили первоначальное ядро нижегородскаго ополченія. Къ нимъ уже примкнули мѣстные ратные люди: дворяне, стрѣльцы и служилые казаки.

Нижегородцы въ февралѣ 1612 года отъ имени Дмитрія Михайловича писали вологжанамъ: „Писали бы вы во всѣ поморскіе города объ утвержденіи и совѣтѣ, чтобы всѣмъ городамъ всякіе отъ нашего совѣту не отставали и ратные бы люди были вскорѣ у насъ и сходились бы вмѣстѣ съ нами на польскихъ и литовскихъ людей. А какъ соберется вся земля вмѣстѣ, и выгонимъ мы враговъ, тогда и Государя на московское государство всею землею выберемъ, кого намъ Богъ дастъ“.

На эту призывную грамоту потянулись люди въ Нижній со всѣхъ концовъ Россіи: изъ понизовыхъ и верховыхъ городовъ, изъ поморскихъ и замосковныхъ.

XIV.

Второе ополченіе.

Настроеніе казаковъ.—Пожарскій и Мининъ въ Ярославлѣ.—Земскій совѣтъ въ Ярославлѣ.—Покушеніе на жизнь князя Пожарскаго.—Великодушіе Дмитрія Михайловича Пожарскаго.—Посланные отъ казаковъ изъ подъ Москвы.—Приближеніе къ Москвѣ Хоткѣвича.—Новгородскій кандидатъ въ цари, шведскій королевичъ.

Всполошились казаки, какъ услыхали, что великая рать собирается въ Нижнемъ, вокругъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Казаки замыслили недоброе. Ивашко Заруцкій послалъ много казаковъ въ Ярославль, чтобы не дать ему соединиться съ нижегородскимъ ополченіемъ, и Просовецкій уже завладѣлъ Переяславлемъ-Залѣсскимъ. Князь Пожарскій послалъ своего двоюроднаго брата, Лопату Пожарскаго, и тотъ перехваталъ всѣхъ казаковъ. Часть посажали по тюрьмамъ, а часть взяли съ собою для обличенія впослѣдствіи. Эта выходка со стороны казаковъ измѣнила первоначальный планъ Пожарскаго. Вмѣсто того, чтобы идти черезъ Суздаль на Москву, онъ рѣшилъ остаться въ Ярославлѣ и тутъ стягивать силы. Не лѣзть же въ открытую пасть? не идти же, малочисленными и слабыми, подъ Москву, въ казацкій таборъ? Нужно было опредѣлить настроеніе городовъ, настроеніе самихъ казаковъ, изъ которыхъ иные готовы были служить Пожарскому за приличное жалованье.

Въ это время пришло извѣстіе о мученической кончинѣ патріарха Гермогена. Когда поляки услыхали, что собирается нижегородское ополченіе, то послали къ нему русскихъ бояръ съ требованіемъ отклонить приходъ ратныхъ людей. „Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія Московскаго государства“, сказалъ патріархъ, „а вы, измѣнники, будьте прокляты“. Это были послѣднія слова, сказанныя святителемъ. Поляки приказали уморить патріарха голодомъ. И онъ умеръ 17 февраля, въ своемъ мрачномъ и сыромъ подземельѣ!

Князь Пожарскій не даромъ сомнѣвался въ настроеніи городовъ. Въ Рѣшмѣ онъ получилъ извѣстіе, что костромской воевода, Шереметевъ, прямитъ Владиславу. Но когда Пожарскій появился въ Костромѣ, то большинство костромичей, стоявшихъ за земское ополченіе, встало на Шереметева. Они разорвали бы его, если бы не Пожарскій, который спасъ и освободилъ коварнаго воеводу. Такъ всегда поступалъ Пожарскій со своими врагами. Онъ шелъ не наказывать и казнить, а очищать государство.

Онъ былъ великодушенъ и благороденъ. Это былъ истинный русскій герой, преданный дѣлу и только дѣлу. И это великое дѣло совершенно покрывало его собой, стодвигая на задній планъ личные интересы.

Пожарскій и Мининъ пробыли въ Ярославлѣ съ апрѣля по августъ. Сюда стягивались ратные люди. Сюда посадскіе люди привозили казну. Казаки все еще вели себя измѣнниически. Они свирѣпствовали по уѣздамъ, грабили и убивали. А, между тѣмъ, тотчасъ по прибытіи въ Ярославль, князь Пожарскій получилъ отъ троицкой братіи, Діонисія, Авраамія Палицына и другихъ, грамоту, въ которой тѣ увѣряли, что будто бы

казаки, послѣ того, какъ цѣловали крестъ псковскому вору, Сидоркѣ, раскаялись и теперь хотятъ соединиться съ Пожарскимъ. „А боярина, Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, привели ко кресту неволею“. Трубецкой всегда отличался трусостью и двусмысленнымъ поведеніемъ.

Но Пожарскій и Мининъ этой грамотѣ не повѣрили. И, дѣйствительно, казаки послѣ этого еще нѣсколько разъ измѣняли. Пожарскій не могъ вести свою рать наугадъ. Дѣло было совсѣмъ не въ томъ, чтобы спѣшить къ Москвѣ, а въ томъ, чтобы привести къ Москвѣ, дѣйствительно, крѣпкую, сильную и единую рать, въ которой не было бы мѣста ни измѣнамъ, ни шатаніямъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1612 года князь Пожарскій, съ нимъ бояре и окольничіе, разослалъ по всѣмъ городамъ такую грамоту: „Казаки же, позабывъ свое крестное цѣлованіе, цѣловали крестъ вору Сидоркѣ, именуя его бывшимъ своимъ царемъ“. А мы „обѣтъ Богу и души свои дали на томъ, что намъ ихъ воровскому царю Сидоркѣ, и Маринѣ, и сыну ея, не служить, и противъ враговъ и раззорителей вѣры христіанской,—польскихъ и литовскихъ людей, стоять въ крѣпости неподвижно“. Князь Пожарскій проситъ прислать въ Ярославль „изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два“, и съ ними совѣтъ свой написать, за своими руками.

Такимъ образомъ, Ярославль явился средоточіемъ всѣхъ новыхъ силъ. Тутъ образовался уже не областной, какъ въ Нижнемъ, а земскій совѣтъ, „совѣтъ всея земли“. И Пожарскій хотѣлъ воспользоваться этимъ и избрать въ Ярославлѣ государя на царство, „по совѣту всего государства“, чтобы стоять съ нимъ вмѣстѣ „противъ общихъ враговъ, польскихъ и литовскихъ, и нѣмецкихъ, и русскихъ воровъ, которые новую кровь въ государствѣ вчиняютъ“. Но ему не удалось этого до-

биться. Уже ходили тревожные слухи о приближеніи Хоткѣвича къ Москвѣ.

А казаки все не успокаивались. Однажды стоялъ князь Пожарскій въ съѣзжей избѣ, въ дверяхъ, и смотрѣлъ на пушечный нарядъ, который приготовились везти въ Москву. Вдругъ, казакъ Романъ, державшій его за руку, со стономъ повалился къ его ногамъ. Князь бросился къ нему, а толпа, окружившая съѣзжую избу, закричала: „тебя, князь, хотятъ убить!“ Осмотрѣли мѣсто и нашли окровавленный ножъ. Оказывается, казакъ Стенька, подосланный Заруцкимъ, хотѣлъ полоснуть князя Пожарскаго по животу, да промахнулся и попалъ Роману въ ногу. Стенька во всемъ повинился и выдалъ своихъ товарищей. Кого посажали въ тюрьму, кого подъ Москву съ собой повезли, „для обличенья“. Но тамъ, когда они повинились передъ всею ратью, Пожарскій за нихъ просилъ и ихъ освободили.

Пожарскій ничего не имѣлъ противъ казаковъ и, наоборотъ, всячески старался перетянуть ихъ на свою сторону. Онъ предлагалъ имъ милости и жалованье, лишь бы они бросили свое „воровство“ и согласились служить.

Когда пришли посланные изъ подъ Москвы и увидали „ратныхъ людей пожалованныхъ и во всемъ устроенныхъ“, то горько заплакали: тамъ, въ таборахъ, они терпѣли большое „утѣсненіе“ отъ казаковъ Заруцкаго. Пожарскій и Мининъ велѣли одарить ихъ жалованьемъ, сукнами и отпустили съ вѣстью, что скоро будутъ. Многихъ казаковъ принялъ Пожарскій на службу. Другихъ велѣлъ онъ скликать, посылая за ними въ разные города. Но всѣмъ имъ ставилось условіе: служить честно и прямо, и всѣ свои воровскія затѣи бросить. Такимъ образомъ, подчиняясь Пожарскому, казаки этимъ самымъ изъ вольныхъ дѣлались „служилыми“.

Между тѣмъ, Хоткѣвичъ былъ близко. Онъ подходилъ къ Москвѣ съ оружіемъ, войскомъ и пршасами для осажденныхъ. Нужно было спѣшить. Князь Пожарскій, прежде чѣмъ двинуться изъ Ярославля, долженъ былъ какъ-нибудь устроиться со шведами. Шведы заняли Новгородъ, и новгородцы писали Пожарскому, предлагая въ цари одного изъ сыновей шведскаго короля, Карла—Филиппа. Какъ быть? Пожарскій боялся рѣзкимъ отказомъ раздражить шведовъ, и поэтому отвѣчалъ въ общей формѣ „что неправославнаго государя на царство избирать нельзя“. Но, во всякомъ случаѣ, пусть королевичъ пріѣзжаетъ въ Новгородъ, а тамъ увидимъ.

И новгородцы рѣшили ждать.

XV.

Конецъ смуты.

Второе ополченіе подъ Москвою.—Непріязненное отношеніе казаковъ ко второму ополченію.—Ссора между казаками и земскимъ ополченіемъ.—Вмѣшательство Авраамія Палицына.—Изгнаніе поляковъ изъ Москвы.—Торжественное вступленіе русскихъ войскъ въ Кремль.—Съѣздъ въ Москву выборныхъ людей для избранія царя.—Соглашеніе казаковъ и земскихъ служилыхъ людей на Михаилѣ Ѳедоровичѣ Романовѣ. Соборъ 7 февраля. Окончательные выборы 21 февраля 1613 года. Единодушное избраніе на царство Михаила Ѳедоровича Романова.

Заруцкій, какъ только услыхалъ о приближеніи князя Пожарскаго къ Москвѣ, такъ тотчасъ бѣжалъ съ 2000 казаковъ. Онъ бѣжалъ въ Коломну, куда заблаговременно спаслась Марина съ сыномъ. Оттуда Заруцкій, прихвативъ Марину и ея сына, бѣжалъ въ Рязанскую область. Ихъ поймали и усмирили уже при новомъ царѣ, въ 1614 году.

Не безъ опаски подходилъ къ Москвѣ и князь Пожарскій. Остановился у Троицы. Выжидалъ: что казаки? Хотѣлъ сговориться съ ними прежде, чѣмъ подойти. Но не успѣлъ: гетманъ Хоткѣвичъ уже подходилъ со своимъ войскомъ и съ обозами для осажденныхъ. Двинулись къ Москвѣ и все гадали: „гдѣ бы стать?“ Князь Трубецкой звалъ въ свой лагерь, но Пожарскій уже рѣшилъ: „Отнюдь вмѣстѣ съ казаками не стаивать“. Ополченіе князя Пожарскаго расположилось у Арбатскихъ воротъ. Едва успѣли укрѣпиться, построить острожекъ, какъ пришелъ гетманъ Хоткѣвичъ. Онъ перешелъ Москву-рѣку, у Новодѣвичьяго монастыря, и напалъ на Пожарскаго. Бой длился съ часу дня и до вечера. А на другомъ берегу Москвы-рѣки стояли казаки и скалили зубы: „Богаты пришли изъ Ярославля! Отстоятся одни отъ гетмана!“ Насмѣхались, издѣвались.

И на другой день возобновился бой. Тутъ уже не выдержали нѣкоторые казаки, увлекли за собой товарищей и атамановъ, и, уходя, кричали Трубецкому:

„Отъ вашей ссоры московскому государству и ратнымъ людямъ пагуба становится“. И примкнули къ земскому ополченію. Но ссора все продолжалась. Князь Трубецкой, получившій свое боярство изъ тушинскаго лагеря, кичился дородствомъ и требовалъ, чтобы Пожарскій и Мининъ для общихъ дѣлъ пріѣзжали къ нему, какъ „къ честнѣйшему“. Пожарскій и Мининъ и рады были бы ѣздить въ казацкіе таборы, да боялись козней со стороны казаковъ. И у нихъ были основанія опасаться. Отказались. Долго спорили. Наконецъ, рѣшили съѣзжаться на Трубѣ. Отъ казаковъ это было недалеко, потому что они стояли у Никитскихъ воротъ.

Но ссора не прекращалась. Стояли два ополченія подъ Москвою и пылали другъ къ другу ненавистью.

Поляки вышли изъ Китай-города и заняли Климентьевскій острожекъ, у церкви св. Климента. Разозлились казаки, какъ увидали польскія знамена на церкви. Кинулись, отняли острожекъ. Но вдругъ увидали, что ополченіе Пожарскаго бездѣйствуетъ. Вышли изъ себя. „Они богаты и ничего не хотятъ дѣлать. Мы наги и голодны и бьемся одни. Такъ не выйдемъ же теперь на бой никогда!“ И уступили острожекъ полякамъ, а сами отступили къ церкви св. Екатерины и за Москву-рѣку.

Мининъ и Пожарскій пришли въ отчаяніе. Даже руки у нихъ опустились. Послали за старцемъ, Авраамiемъ Палицынымъ, единственнымъ человѣкомъ, дружившимъ съ казаками. Старецъ явился въ лагерь ополченія и увидалъ, что князь Пожарскій, Мининъ и многіе дворяне плачутъ отъ своего безсилія бороться съ упорствомъ казаковъ. Тогда онъ пошелъ въ казацкій таборъ и обратился къ нимъ съ такою льстивою рѣчью: „Отъ васъ, вѣдь, дѣло доброе. Вы стали крѣпко за православную вѣру и прославились во многихъ дальнихъ государствахъ своею храбростью. А теперь, братья, хотите такое доброе начало однимъ разомъ погубить?“

Эти слова воспламенили казаковъ. Они бросились опять на поляковъ. А неутомимый старецъ обошелъ всѣ казацкіе таборы и всюду призывалъ къ дружному натиску на враговъ. И казаки, готовившіеся удалиться, возвращались и бросались на врага съ крикомъ: „Поскоримъ, братіе, пострадати за имя Божіе и за православную вѣру“.

Авраамій шелъ дальше и въ отдаленныхъ таборахъ нашелъ казаковъ за виномъ и за игрою въ зернь. Этихъ онъ пристыдилъ. И казаки бросили вино, бросили кости и съ крикомъ: „Сергіевъ! Сергіевъ!“ [1]) бросились въ бой.

---

[1]) Ясакъ, т.-е. возгласъ въ память преподобнаго Сергія.

Князь Пожарскій примкнулъ къ казакамъ. Совмѣстно отняли Климентьевскій острожекъ, но съ гетманомъ Хоткѣвичемъ нелегко было сладить. Мининъ обратился къ Пожарскому съ просьбой дать ему ратныхъ людей. Пожарскій отвѣчалъ: „Бери, кого хочешь“. И Мининъ съ кучкою ратныхъ людей напалъ на непріятеля съ тылу и заставилъ его бѣжать. Такимъ образомъ, соединенными силами удалось отбросить гетмана Хоткѣвича отъ Москвы.

А въ Москвѣ терпѣли страшный голодъ. Люди поѣдали другъ друга. Одинъ гайдукъ съѣлъ сына. Еще кто-то мать, а третій—слугу. Судья, назначенный судить виновныхъ, сбѣжалъ изъ опасенія, чтобъ и его не съѣли.

22 октября былъ взятъ приступомъ Китай-городъ. Но въ Кремлѣ поляки держались еще цѣлый мѣсяцъ. Поляки позволили боярамъ выслать своихъ женъ и дѣтей, чтобы не было лишнихъ ртовъ. Бояре боялись. Они до послѣдняго времени сносились съ Сигизмундомъ и все ждали прихода Владислава. Боялись мести казаковъ. Молили Пожарскаго, чтобъ принялъ ихъ женъ и дѣтей „безъ позору“. Пожарскій успокоилъ взволнованныхъ бояръ. Стоялъ у Троицкихъ воротъ, на Каменномъ мосту, и ждалъ выхода боярынь. Казаки распустили свои знамена: собирались пограбить боярынь. Но Пожарскій не допустилъ, и они въ великомъ смущеніи удалились въ свои таборы.

Вскорѣ весь Кремль и вся Москва были очищены отъ враговъ. Трубецкому сдался полкъ Струся, и казаки побили почти всѣхъ поляковъ. Пожарскій получилъ полкъ Будзило, но не велѣлъ никого трогать. Большинство поляковъ разослали по городамъ.

Велика была радость русскаго войска, когда оно нѣсколькими воротами входило въ Кремль. Впереди шло духовенство съ крестами и хоругвями. Но, когда увидали

разоренныя кремлевскія церкви, разсѣченные образа и ободранные престолы, тогда радость смѣнилась плачемъ и стонами. Торжественный входъ въ Кремль закончился обѣднею и молебномъ въ Успенскомъ соборѣ.

Теперь нужно было подумать объ избраніи царя. Вожди земскаго и казацкаго ополченія, князь Пожарскій и Трубецкой, разослали по всѣмъ городамъ государства грамоты, приглашавшія въ столицу духовенство и выборныхъ людей всѣхъ чиновъ для земскаго совѣта и избранія государя. Въ самомъ началѣ 1613 года стали съѣзжаться въ Москву выборные всей земли. Когда выборные съѣхались, былъ назначенъ трехдневный постъ, послѣ котораго уже приступили къ совѣщанію. Много спорили, волновались, выставляли разныхъ кандидатовъ. Наконецъ, сошлись на одномъ общемъ постановленіи: „А литовскаго и свійскаго (шведскаго) короля и ихъ дѣтей, за ихъ многія неправды, и иныхъ нѣкоторыхъ земель людей на московское государство не обирать, и Маринки съ сыномъ не хотѣти“. Прежде бояре и лучшіе люди желали на престолъ королевича Владислава и вѣрою и правдою служили отцу его, Сигизмунду. Теперь, передъ лицомъ всей земли, а особенно казаковъ и земщины, они стушевались. Они подавили свое прежнее незаконное желаніе и подумывали о другомъ, болѣе подходящемъ кандидатѣ. За „Маринкина“ сына держалась лишь та часть казачества, которая осталась вѣрна Заруцкому. Онъ-то до конца дней своихъ служилъ „Маринкѣ“ и погибъ вмѣстѣ съ нею трагическою смертью. Но большая часть казачества, казачества остепенившагося и подпавшаго вліянію земщины, имѣла въ виду другаго кандидата,— „Филаретова сына“. На этомъ кандидатѣ казаки сошлись съ земскими служилыми людьми. Казакамъ былъ дорогъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ по тушинскимъ воспо-

миманіямъ. Отецъ его, патріархъ Филаретъ, и многіе родственники и свойственники пользовались большимъ вліяніемъ и силою въ тушинскомъ лагерѣ. Это, несомнѣнно, должно было оказать нѣкоторое вліяніе на настроеніе казаковъ, которые когда-то соединяли много надеждъ съ тушинскимъ лагеремъ. Но утвержденіе нѣкоторыхъ иностранцевъ, будто Михаилъ Ѳедоровичъ былъ казацкимъ кандидатомъ, по преимуществу, лишено основанія. За „Филаретова“ сына стояли также всѣ земскіе служилые люди. Это и положило конецъ раздорамъ.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ.

Преданіе такъ картинно описываетъ избраніе Михаила Ѳедоровича Романова. Одинъ дворянинъ изъ Галича подалъ письменное заявленіе съ именемъ Михаила Ѳедоровича Романова. Раздались одобрительные голоса. И въ это время донской атаманъ подаетъ письменное мнѣніе и все съ тѣмъ же именемъ „Что это ты подалъ, атаманъ?“ спросилъ Дмитрій Михайловичъ Пожарскій.

„О природномъ царѣ, Михаилѣ Ѳедоровичѣ“, былъ отвѣтъ. И тогда „писанія“ съ этимъ именемъ посыпались дружно и отъ дворянъ, и отъ большихъ купцовъ, и отъ городовъ Сѣверской земли и отъ казаковъ. Соборъ 7 февраля предрѣшилъ избраніе Михаила Ѳедоровича Романова.

Но нужно было скрыть это до поры до времени. Оглашеніе отложили до 21 февраля. Тайно разослали по всѣмъ городамъ Россіи „провѣдывать, кого хотятъ государемъ царемъ на московское государство“. Смута научила быть осторожными. И не напрасно опасались. Дѣтей боярскихъ, посланныхъ въ Торопецъ, перехватилъ Гонсѣвскій и допытывалъ, кого избрали. Но они соблюли тайну и сказали, что „съ выборовъ ни съ чѣмъ отъѣхали“.

Наконецъ посланные во всѣ концы Россіи вернулись съ донесеніемъ, что у всѣхъ людей одна и та же мысль: „Быть государемъ Михаилу Ѳедоровичу Романову, а опричь никакъ никого на государство не хотѣти“. 21 февраля 1613 года были назначены окончательные выборы. Всѣ письменныя мнѣнія опять называли Михаила Ѳедоровича Романова. Тогда духовенство и бояре пошли на Красную площадь и тамъ съ Лобнаго мѣста спросили собравшійся народъ, кого хотятъ на царство. Послышался единодушный отвѣтъ: „Михаила Ѳедоровича Романова“.

Вотъ какъ народъ воспѣваетъ подвигъ Козьмы Минина и князя Пожарскаго [1]):

Какъ въ старомъ-то было городѣ,
Во славномъ и богатомъ Нижніемъ,
Какъ ужъ жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,
Богатый мѣщанинъ, Кузьма Сухорукій сынъ.
Онъ собралъ-то себѣ войско изъ удалыхъ молодцовъ,

---

[1]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ.

Изъ удалыхъ молодцовъ, нижегородскихъ кущовъ;
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взговорилъ:
„Охъ, вы гой еси, товарищи, нижегородскіе купцы!
„Оставляйте вы свои домы,
„Покидайте вашихъ женъ, дѣтей,
„Вы продайте все ваше злато-серебро,
„Накупите себѣ вострыхъ копіевъ.
„Вострыхъ копіевъ, булатныхъ ножей.
„Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалова молодца,
„Удалова молодца, воеводушку;
„Пойдемъ-ка мы сражатися
„За матушку, за родну землю,
„За родну землю, за славный городъ Москву:
„Ужъ заполонили-то Москву проклятые народы Поляки злы!
„Разобьемъ ихъ, много перевѣшаемъ,
„Самого-то Сузмунда, короля ихъ, въ полонъ возьмемъ;
„Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ жидовъ [1])
„Нечестивыхъ жидовъ, Поляковъ злыхъ“.
Ужъ какъ выбрали себѣ солдатушки, молодые ратнички.
Молодые ратнички, нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удалого молодца,
Удалова молодца, воеводушку,
Изъ славнаго княжескаго роду —
Князя Дмитрія, по прозванію Пожарскаго.
Ужъ повелъ ихъ славный князь Пожарскій,
За славный Москву-городъ сражатися,
Съ нечестивыми жидами поляками войной бранитися.
Ужъ привелъ-то славный князь Пожарскій своихъ храбрыхъ воиновъ,
Привелъ ко московскимъ стѣнамъ;
Становилъ-то славный князь Пожарскій своихъ добрыхъ воиновъ
У московскихъ крѣпкихъ стѣнъ;
Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско свое,
Какъ ужъ взговорилъ онъ своимъ храбрымъ воинамъ:
„Охъ, вы гой еси, храбрые солдатушки,
„Храбрые солдатушки, нижегородскіе купцы!

---

[1]) Подразумѣваются здѣсь иновѣрцы.

„Помолимся мы на святыя на врата Спасскія,
„На Пречистый образъ Спасителя!“
Помоливши, дѣло начали.
Какъ разбили, проломили святыя врата,
Ужъ взошли-то храбрые солдатушки въ бѣлокаменный Кремль,
Какъ и начали солдатушки Поляковъ колоть, рубить,
Колоть, рубить, въ большія кучи валить;
Самого-то Сузмунда [1]) въ полонъ взяли,
Въ полонъ взяли, руки-ноги ему вязали,
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.
Собрались всѣ князья, бояре московскіе,
Собрались думу думати.
Какъ и взговорятъ старшіе бояре, воеводы московскіе:
„Вы скажите, вы, бояре, кому царемъ у насъ быть?“
Какъ и взговорятъ старшіе бояре, воеводы московскіе:
„Выбираемъ мы себѣ въ цари
„Изъ бояръ боярина славнаго —
„Князя Дмитрія Пожарскаго сына“.
Какъ и взговоритъ къ боярамъ Пожарскій князь:
„Охъ, вы гой еси, бояре, воеводы московскіе!
„Не достоинъ я такой почести отъ васъ,
„Не могу принять я отъ васъ царства Московскаго.
„Ужъ скажу же вамъ, бояре, воеводы московскіе:
„Ужъ мы выберемъ себѣ въ православные цари
„Изъ славнаго, изъ богатаго дому Романова —
„Михаила сына Ѳеодоровича“.
И выбрали себѣ бояре въ цари Михаила сына Ѳеодоровича.

---

[1]) Тутъ подъ именемъ „Сузмундъ“ нужно понимать не Сигизмунда III, который, конечно, никогда не былъ въ плѣну, а тѣхъ поляковъ, которыхъ русскіе изгнали за предѣлы своего государства.

Источники.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Изд. 3-е. С.-Петербургъ, 1910 г.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Московское правительство при первыхъ Романовыхъ. 1906 г.

Проф. В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Москва. 1908 г.

С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.

И. Забѣлинъ. Мининъ и Пожарскій. (Прямые и кривые въ смутное время). Москва, 1901 г.

Акад. А. С. Лаппо-Данилевскій. Очерки образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія (въ сборникѣ „Крестьянскій строй“).

Н. Костомаровъ. Смутное время.

С. В. Рождественскій. Служилое землевладѣніе въ московскомъ государствѣ.

Д. Бутурлинъ. Исторія смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII вѣка. Москва, 1839 г.

Масса и Геркманъ. Сказаніе о смутномъ времени въ Россіи. С.-Петербургъ. 1874 г.

Pierling. Rome et Demetrius. Paris. 1878 г.

D-r Giles Fletcher. Russia at the close of the sixtlcenth century.

T-r Jeroma Horsey. The travels. London.

Акты археологической экспедиціи, собранныя Императорской академіей наукъ (съ 1598 г. и по 1613 г.).

Памятники древней русской письменности, относящіеся къ смутному времени:

1. Иное сказаніе.

2. Повѣсть, какъ восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ.

3. Повѣсть о видѣніи нѣкоему мужу духовну.

4. Плачъ о плѣненіи и конечномъ разореніи Московскаго государства.

5. Временникъ дьяка Ивана Тимоѳеева.

6. Сказанія Авраамія Палицына по списку Московской Дух. Академіи.

7. Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ и др.

8. Житіе св. царевича Дмитрія и др.

Дневникъ Марины въ изданіи Устрялова.

Дневникъ Марины въ изданіи Титова.

Мартынъ Стадницкій Исторія Дмитрія царя Московскаго и Марины Мнишекъ (Русск. Архивъ 1906 и дальше).

Н. Г. Устряловъ. Сказанія современниковъ о самозванцѣ: Паерле, Маржерета и президента де-Ту, Маскѣевича, Стадницкаго.